

Б-4
Я 49
185417

Л. И. Якунина

РУССКОЕ
ШИТЬЕ
ЖЕМЧУГОМ

Б-4
8-49

Б-7 9-49
5721

Л.И. Якунина

РУССКОЕ ШИТЬЕ ЖЕМЧУГОМ

БИБЛИОТЕКА
Московской
Православной духовной
Академии
Инв. № 185417

Государственное издательство
искусство
Москва 1955

ВВЕДЕНИЕ

Жемчуг был излюбленным украшением в древней Руси и широко применялся в золотодельном и шитьевом мастерстве.

Жемчужное шитье рассматривается как вполне самостоятельная отрасль шитьевого искусства. В книге выясняются технические особенности этого мастерства, многообразие его применения и его художественные возможности. Для наглядного ознакомления читателя с этими вопросами приводится значительный иллюстративный материал: изобразительный (фотографии и образцы древнерусской живописи) и описательный (выдержки из документов и литературных источников). Обе эти формы иллюстративного материала взаимно дополняют одна другую. Они позволяют читателю, не имеющему возможности непосредственно познакомиться с малодоступным материалом, получить о нем представление. Для удобства усвоения дается возможно точное описание памятников и прилагается список специальных терминов.

Искусство украшать шитьем одежду или другие предметы бытового и культового обихода относится к самому отдаленному времени жизни нашего народа.

Шитьевое искусство, повидимому, возникло на основе местных материалов — шерсть, лен, конопля. Впоследствии с развитием торговых, политических, культурных отношений Руси с другими народами искусство шитья получило новые материалы — шелк, серебро, золото. Соответственно обогатилась и развилась техника шитья.

С древних времен вырабатывалось мастерство вышивального искусства и характер народной орнаментации.

С развитием общественных отношений в древней Руси получает дальнейшее развитие и шитьевое мастерство. Перед ним возникают новые задачи, к нему предъявляются новые требования.

Искусство, удовлетворявшее вначале бытовые и эстетические потребности народа, с развитием феодальных отношений получило еще новую функцию — блестящего оформления княжеского, боярского и церковного обихода. В связи с этим шла дальнейшая разработка орнамента, ее усложнение и обогащение новыми мотивами.

Искусство шитья являлось в древней Руси мастерством женским и охватывало собой все слои общества — всюду умелые женские руки создавали прекрасные произведения декоративного искусства, отличавшиеся большой самобытностью и тонкостью выполнения. Русская женщина своим мастерством вносила ценный вклад в общую сокровищницу народного искусства.

Своеобразной разновидностью шитьевого мастерства было искусство шитья жемчугом. Оно возникло также на основе местного материала — жемчуга, который издревле в обилии добывался в водоемах нашей страны.

Для ознакомления читателя с жемчугом как местным материалом дается обзор жемчужного промысла в нашей стране, приводится список жемчуженосных рек, дается обзор законодательных актов о жемчуге и торговле им. Указывается на изобилие этого ценного местного и привозного материала на Руси.

Наиболее древнее упоминание о жемчужном шитье относится к X веку. По сообщению летописца (Переяславская летопись), древлянскому князю Малу привиделся сон, будто княгиня Ольга одарила его шитой жемчугом одеждой: «Себо пришед Ольга дааше ему порты многоценны, червленны, вся жемчугом изсаждены». Несомненно, что в сновидении отразился вполне реальный факт бытования у восточных славян шитых жемчугом одежд.

И во все последующие столетия в письменных источниках мы встречаем упоминания о шитых жемчугах «портах», «пеленах» и прочих вещах. Видим изображения шитых жемчугом одежд на древних фресках и можем их непосредственно изучать на дошедшем до нас вещевом материале. Описанием роскошных шитых жемчугом одежд и различных предметов наполнены воспоминания иностранцев, доходящие до середины XIX века. Эти воспоминания относятся ко всем слоям русского общества.

Обильный вещевой материал жемчужного шитья в виде народных **головных** уборов, женских и девичьих, доходит до 20-х годов XX века. На протяжении тысячелетия мы имеем в той или иной форме свидетельства о русском жемчужном шитье и располагаем образцами этого шитья приблизительно за семь с половиной столетий (XII—XX вв.). Эти **цифры** достаточно убедительны; они свидетельствуют о древности, распространенности и устойчивости жемчужного шитья в русском народе и о его глубоких традициях.

Следует отметить, что тысячелетний период в развитии жемчужного шитья, который мы начинаем от первого летописного упоминания, условен. Несомненно, что упоминание во сне Мала о даре Ольги отражает не возникновение жемчужного шитья, а его развитие.

Следовательно, тысячелетний период надо понимать как период документально засвидетельствованного жемчужного шитья, действительно же время его развития должно быть значительно длительнее.

Материал по изучению жемчужного шитья отличается большим разнообразием. Его можно разделить на три основные группы:

1-я—вещевой материал, то есть дошедшие до нас памятники шитья-ного искусства, представляющие предметы светского или церковного обихода;

2-я — памятники изобразительного искусства, в которых было отражено шитье жемчугом;

3-я — письменные источники, то есть документы и литературные свидетельства о жемчужном шитье и об относящихся к нему вопросах.

Значение этих трех групп источников по кругу вопросов, которые они разрешают, весьма различно.

Вещевой материал дает нам непосредственное представление об уровне вышивального искусства, о его технике, о характере орнамента-ции, о роли жемчуга в общей композиции. Этот материал показывает, на какие предметы распространялось жемчужное шитье, в каких слоях общества оно бытовало и в каких областях нашей страны получало рас-пространение.

Дополнением к вещевому материалу, некоторой его заменой могут служить памятники изобразительного искусства. Их значение особенно важно для тех периодов, от которых до нас либо совсем не дошло веще-ЕОГО материала, либо этот дошедший материал имеется в очень ограни-ченном количестве. Так, наиболее древний памятник жемчужного шитья, который дошел до нас, относится к XII столетию (поручи Варлаама Хутынского). Последующие века дают все более и более нарастающее число памятников шитьевого искусства.

Изобразительный материал, отражающий жемчужное шитье, более чем на столетие расширяет наше ознакомление с жемчужным шитьем. В барабане купола Софийского собора в Великом Новгороде на фреске XI века, изображающей пророка Соломона (см. рис. 6), мы уже видим одежды, покрытые жемчужным шитьем.

Большое значение для нашей темы имеет 3-я группа — письменные источники. Они позволяют проникать в еще более отдаленные времена, доводят наши сведения о жемчужном шитье до X века и дополняют их с последующие периоды.

Письменный материал охватывает почти весь круг вопросов, касаю-щихся жемчужного шитья, то есть все то, что доступно описанию.

Прежде всего **документальный** материал дает важные сведения по технике шитья. Мы получаем описание приемов шитья и термины, обозначающие эти приемы. Это тем более ценно, когда дается описание дошедшего до нас шитьевого памятника.

Таково тщательное описание ожерелья в описных и приходо-расходных книгах «Большой государевой шкатулы» или вкладов в Троице-Сергиеву **лавру**. Дьяки и монахи необычайно подробно описывают материал и стоимость жемчуга, иногда сами работы, приемы шитья, что позволяет установить терминологию того времени. В описаниях учитывается каждое утраченное жемчужное зерно, каждое повреждение орнамента. Таким образом, описание даже не дошедших до нас памятников может дать нам довольно ясное о них представление.

Литературные источники, которые рисуют картины современной их авторам жизни, позволяют конкретизировать имеющийся в нашем распоряжении материал.

Таков общий характер источников по изучению жемчужного шитья. Они обширны и многообразны.

К сожалению, иначе обстоит дело с вопросом о научной литературе, исследующей жемчужное шитье. В сущности, мы не имеем специальных работ, посвященных этому мастерству. Жемчужное шитье в связи с золотным шитьем рассматривается, например, в работах Н. П. Шабельской, Е. В. Калининой, Е. В. Дружининой-Георгиевской, М. М. Денисовой. Все эти работы представляют отдельные статьи, посвященные вопросам золотного шитья, где жемчуг имеет подчиненное значение. А между тем роль **жемчужного** шитья в орнаментации была весьма значительной и занимала совершенно самостоятельное место.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЖЕМЧУГ КАК МАТЕРИАЛ

Жемчужница в русских водоемах. — Форма, величина и цвет жемчуга. — Добыча жемчуга. — Законодательство о ловле. — Обработка. — Торговля жемчугом. — Изобилие жемчуга в России

«Нет в Европе страны,— пишет известный русский гидролог в 40-х годах XIX века,— которая была бы столько богата, как Россия, деками и ручьями, в которых водятся жемчужные раковины»¹. Изучению этих рек с месторождениями жемчуга Штукенберг посвящает свою работу, в которой указывает сорок четыре названия рек и различных вод, где добывался жемчуг на Руси. Реки эти находятся во многих областях нашей страны, как северных, так и южных, но главным образом в северных районах. Такие результаты были получены Штукенбергом после исследования им многочисленных вод и рек России.

Кроме указанных Штукенбергом рек мы имеем много архивных данных и о других реках и водах, где в старину добывался жемчуг. (В приложении приведен список известных нам жемчуженосных рек; сведения собраны на основании архивного и исторического материала.)

Жемчуг образуется в раковинах некоторых пластинчато-жаберных или двустворчатых (*Lamellibranchiata* или *Pelecypoda*) моллюсков как морских, так и пресноводных. Свое название — двустворчатые — эти моллюски получили оттого, что тело их заключено в раковину, состоящую из двух створок, соединенных на спинном ее крае эластическим тяжем — лигаментом. Раковина моллюска образуется путем отложения неорганических солей и органического вещества мантией, или епанчой, одевающей тело моллюска. Мантия покрывает тело моллюска со спины и свешивается с боков в виде двух больших мантийных складок. Между складками и телом остается так называемая мантийная полость, в которой помещаются нога, жабры и т. п. Наружным эпителием складок мантии создаются обе створки раковины².

Жемчуг отлагается теми моллюсками, которые способны выделять перламутр. При образовании жемчуга главную роль играет наружный

слой **мантин**, или епанчи, **моллюска** — эпителий, который производит в нормальных условиях перламутр, покрывающий внутреннюю поверхность раковины, а в особенных, аномальных, болезненных условиях образует жемчуг. Образование жемчужины вызывается попаданием в раковину постороннего тела, вокруг которого эпителием откладывается слой перламутра, и постепенно образуется жемчужное зерно (рис. 1 и 3). Иностранное тело механически раздражает своим присутствием мантию моллюска,

Рис. 1. Жемчужница. Внутренняя сторона раковины

и в ответ на раздражение мантия старается защититься от него усиленным отложением перламутра вокруг иностранного тела, сглаживая его поверхность и уменьшая трение.

Первичным внутренним ядром жемчужины может быть случайно попавшее между створками раковины иностранное тело — личинка насекомого, мельчайшие паразитические животные организмы, песчинки, либо введенные человеческой рукой какие-нибудь микроскопические тела.

Необходимо, чтобы попавшее между створок раковины тело пришло в соединение с эпителием (верхним покровом мантии моллюска). Если этого соединения не будет, а произойдет соприкосновение с другой частью тела моллюска, то образования жемчуга не последует. Постороннее тело, попавшее в раковину между створками и моллюском и вошедшее в соприкосновение с эпителием мантии, мало-помалу обволакивается жемчужной массой, то есть вокруг этого постороннего тела постепенно отлагается слой углекислого кальция, выделяемого эпителием. Так образуется второе ядро — «жемчужный мешок», покрывающий первое ядро (постороннее тело) ³.

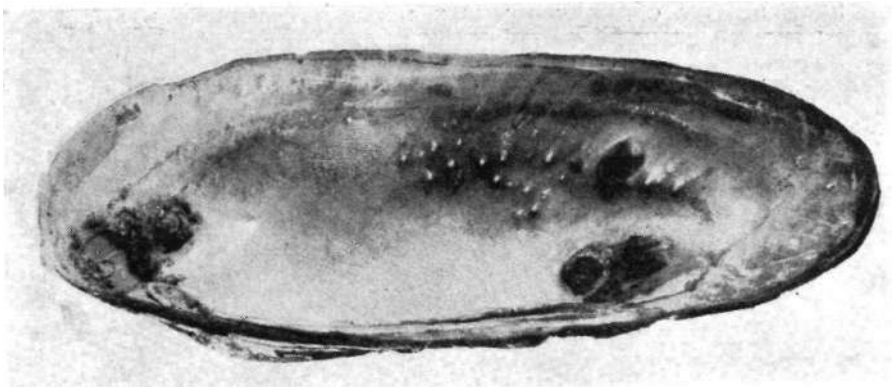

Рис. 2. Жемчужное образование

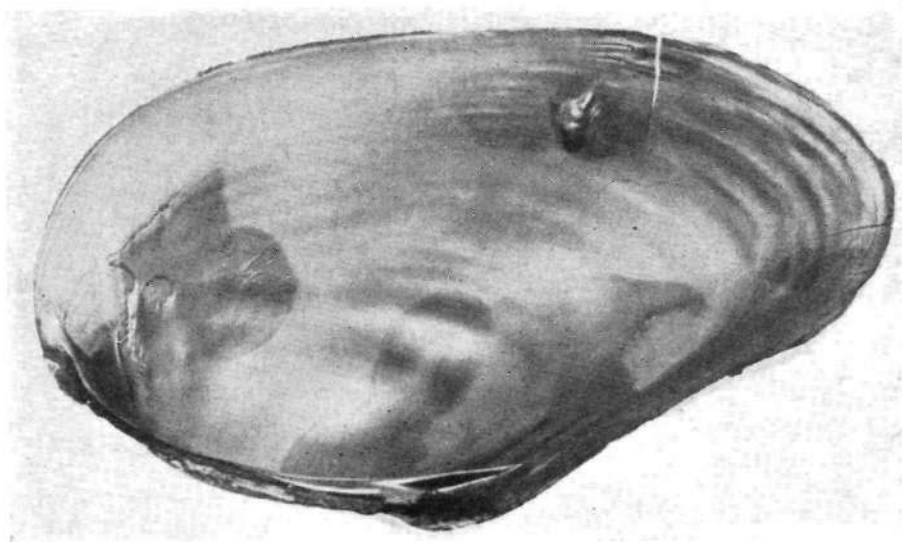

Рис. 3. Жемчужное образование. Половинчатый жемчуг

Если жемчуг образуется между мантией (епанчой) и внутренней поверхностью раковины, то он часто срастается с этой внутренней поверхностью и при этом образуется так называемый «половинчатый» жемчуг, в то время как круглые, цельные зерна жемчуга образуются чаще внутри тела моллюска и совершенно свободно отделяются от него.

~ Обычно принято считать, что разница между перламутром и жемчугом лишь в расположении слоев органического вещества и углекислой

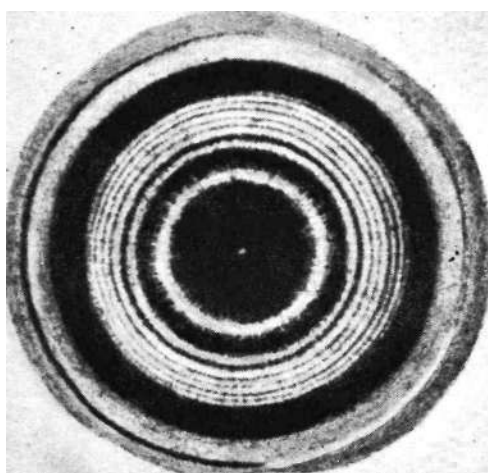

Рис. 4. Шлиф через центр жемчужницы

известно, что слои в жемчуге располагаются концентрически (рис. 4), а в перламутре идут параллельно. Однако помимо расположения слоев сильное влияние на разницу между веществом перламутра и жемчуга имеет то обстоятельство, что перламутр является нормальным отложением, а жемчуг — отложением аномальным, а именно, когда моллюском тратится большое количество вещества, необходимого для самозащиты.

Величина раковины и красота ее отнюдь не являются показателями возможности образования в ней хороших по форме и цвету зерен жемчуга. Часто даже в очень красивых раковинах находится неровный, недостаточного блеска жемчуг. Это нередко наблюдается у речных раковин. Жемчужное зерно прикреплено внутри раковины на одном конце ее, в углублении. Чаще всего в жемчужной раковине находится одна

жемчужина, но иногда встречается и несколько (рис. 2), в таком случае жемчужные зерна бывают **мелкие**⁴.

Жемчуг находится в раковинах моллюсков различных видов. В морских водах — в жемчуженосных раковинах моллюсков семейства Aviculidae рода *Avicula*, выделенных в подрод *Meleagrina*, в новейшее время выделенных в самостоятельный род *Pteria*⁵; а в речных водах — в раковинах моллюсков семейства Unionidae. Среди **выше-**указанных моллюсков подрода *Meleagrina* имеются четыре главных вида, образующих в своих раковинах жемчуг.

Речными раковинами, дающими жемчуг, являются раковины пресноводных моллюсков семейства Unionidae. В наших реках в европейской части СССР чаще всего встречается жемчужница обыкновенная — *Margaritana margaritifera* L. Раковина ее овальной или почковидной формы, умеренно выпуклая, прочная. Поверхность раковины густо и грубо исчерчена концентрическими линиями, чередующимися с линиями прироста. Эпидермис темного, ржаво-коричневого цвета⁶.

В восточной части СССР, в бассейне Амура, встречается жемчужница даурская — *Margaritana dahurica* Midd, являющаяся предметом жемчужного промысла и заготавливающаяся для перламутровой промышленности; а на Камчатке и Лопатке, а также на реке Жемчужной встречается жемчужница камчатская — *Margaritana middendorfi* Rosen. Академик Лепехин еще в XVIII веке дает некоторые сведения о жемчуженосных раковинах России, называя их *Mytilus margaritifera* L. и *Mya margaritifera* L.⁷; употребляя эти устаревшие названия морской жемчужницы, он имеет, очевидно, в виду пресноводную жемчужницу — *Margaritana margaritifera* L.

Обычно раковины лежат на дне морском одна подле другой, как, например, *Meleagrina*, либо на каменистом или песчаном дне реки, как, например, *Margaritana*. Глубина их залежей самая **разнообразная**⁸.

Добыча жемчуга на Руси, по всей вероятности, началась в очень отдаленные времена, но самые ранние документальные указания о добыче жемчуга на Руси относятся к XV веку. Так, вел. кн. Иоанн III в 1488 году сделал подарок венгерскому королю Матиашу (Матвею Корвину). В этом подарке отмечается новгородский жемчуг, его величина и чистота. «**А помино**к послал князь Великий к Матиашу соболь черный, ноготочки у него золотом окованы с жемчюгом. 20 жемчюгов Новгородских на всех ногах, а жемчюг не малый, и хороши и чисты; а то от великого князя Угорскому королю первый помино»⁹.

Жемчуг этот добывался, по всей вероятности, в озере Ильмене и в окружающих его реках. По архивным сведениям, употребление новгородского жемчуга как украшения русской одежды можно отнести также к концу **XV** века. Мы имеем в виду духовную грамоту князя Дмитрия Иоанновича, сына Ивана Молодого, внука вел. кн. Иоанна II.

Новгородский жемчуг был распространен, и его зерна были настолько хороши, что находились в казне наследника русского царства. Затем на этот же новгородский жемчуг, а кроме того, и на **Двинский** мы встречаем указание в конце **XVI** века, когда московский посол, беседуя с шахом персидским, говорил ему с гордостью: «Жемчуг, государь, ведется у государя нашего в земле на Двине на Холмогорах и в Великом Новгороде в реках»¹⁰. В **XVIII** веке в законодательстве Петра I в указе Берг-коллегии от 1721 года также говорится о ловле жемчуга в реках Новгородской провинции¹¹.

В **XVI** и в **XVII** веках в большом употреблении был варзужский жемчуг, добываемый в реке Варзуга, — в большинстве случаев с ним приходится встречаться как с украшением церковной утвари, главным образом шитой.

Лепехин, посетивший в **XVIII** веке север России, отмечает, что «**жители** по р. р. Варзуге и Поною, выпадающих из Терского берега при выходе из Белого моря, к сим жемчужным промыслам более других привыкли и сведущи»¹². Пустынный Терский берег с 1466 года попадает во владение Соловецкого монастыря¹³. Соловецкий монастырь обязан был платить церковную дань своей епархиальной власти в «**Софийскую казну**», то есть в Новгородский Софийский дом. Это так называемый десятинный доход с церквей в Соловецких волостях¹⁴. Затем в выписке из переписной книги патриаршего дворцового приказа интересна запись о десятинном жемчужном сборе с Варзужской волости, поступавшем в патриаршую казну. Этот жемчуг шел на украшение церковных одежд, пелен и различных вещей в церковном обиходе. В 1534 году с 15 июля по 31 августа было, например, добыто «зерен 32, вставок 42, наконечников 5 (вставки и наконечники — это плоский жемчуг, типа половинчатого), черных вставок 9, всего 88 штук»¹⁵. В этом перечислении любопытно указание на черные вставки, свидетельствующие о существовании у нас и черного жемчуга. Указание на доставку варзужского жемчуга в патриаршую казну мы встречаем и в более позднее время, в 1655, 1656 и 1657 годах в описи домово́й казны патриарха **Никона**¹⁶.

В Керецкой волости тоже существовал жемчужный промысел. Профессор Савич пишет, что поисками жемчуга в **XV—XVI** веках в реке Керети занимались не только «керечане» («тутошные жильцы»), но и «**прихские** люди». Но в Керецкой волости, по сообщению Савича, из добытого жемчуга местные судные целовальники отбирали для великого князя десятое лучшее зерно. Затем «государев» жемчуг отсылали: ³ Ко́лу, а оттуда вместе с остальной собранной данью в **Москву**¹⁷. — тало быть, уже в половине **XVI** века собирается десятинный сбор жемчуга на государев двор.

Как особо изобильное место по улову жемчуга выделяется местность у г. Кеми. В 1788 году городу присваивается герб, подчеркиваю-

щий, что реки, вытекающие из Лапландских гор, изобилуют жемчугом. В первой части щита — герб Олонецкий. Во второй части — герб Кемь. Герб изображает венок, сделанный из жемчуга на голубом поле (вода) ¹⁸ (рис. 5).

Указания на добычу жемчуга в водах нашей земли как речных, так и морских встречаются и у многих иностранцев, посещавших Россию в XVI и XVII веках, например Герберштейн говорит о привозе в Москву жемчуга, особенно «с берегов океана», соседних с устьями Двины» ¹⁹.

Кильбургер в первой части своей работы о русской торговле в царствование Алексея Михайловича сообщает, что у Архангельска «находятся также довольно большие жемчужины», даже такие, пара которых продается за двадцать рублей. Но «они, — добавляет Кильбургер, — обыкновенно приближаются к ⁹⁰ темнокрасным».

У иностранцев же мы читаем, что в реках Коле, Варзуге, Ветлуге и Солзе находятся раковины, в которых есть достаточно и жемчуга. Есть такие, которые стоят по 25 гульденов жемчужина и вдвое более этого, особенно в окрестностях Омфала ²¹. Жемчуг, добывавшийся на Руси, по качеству часто был очень хорош и немногим ниже привозного.

Кроме северных вод, где добывался жемчуг, возможно, ловля жемчуга шла и на юге — у крымских берегов Черного моря, не входивших тогда еще во владения Руси.

В описях старинной утвари нередко упоминается «кафимский» жемчуг, доставлявшийся из Кафы (Феодосии) и отличавшийся высоким достоинством. «Пелена крест обнизан жемчугом Кафимским крупным, а трость и копие большим жемчугом Кафимским же» и далее «каймы по таусиному атласу низаны жемчугом Кафимским средним, травами» ²².

Присутствие жемчуга в Черном море близ Феодосии отмечается и в наши дни, несмотря на то что жемчужных промыслов там нет. Как до-

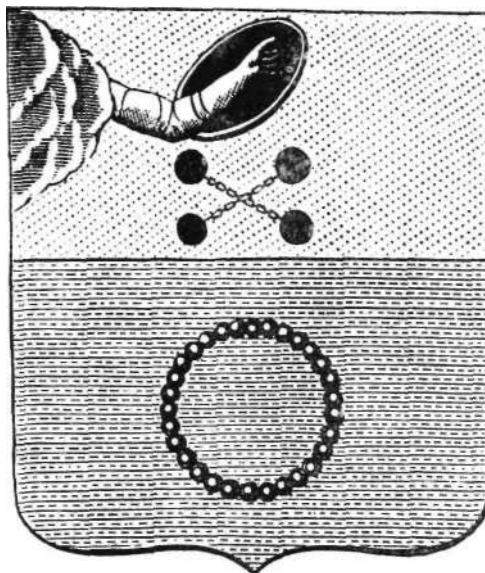

Рис. 5. Герб города Кемь, утвержденный в 1788 г.

казательство приведем сообщение скульптора В. И. Мухиной о том, что ею лично было собрано в Феодосии из мидий более сотни жемчужных зерен. Наличие жемчуга в раковинах близ Феодосии подтверждают также старожилы Крыма — художник-этнограф П. Я. Чепурина и художник-прикладник К. Я. Рыбальская.

Однако говорить о «кафимском» жемчуге как о жемчуге местного происхождения можно только предположительно, так как свое название он мог получить не по месту добычи, а по месту транзитного торгового порта, каким была Кафа в XVI веке.

Ценность жемчуга определяется формой, величиной и цветом. Наиболее дорогим и лучшим считается тот жемчуг, который имеет более правильную круглую форму, отличается величиной, мягким гляncем, блеском, красивыми переливчатыми оттенками. Эти оттенки игры жемчуга могут быть матовобелые и серовато-синеватые (голубой жемчуг), желтоватые, зеленовато-красноватые и черновато-серебристые (черный жемчуг).

Игра цветов жемчуга зависит от строения жемчужного зерна. Дело в том, что жемчужины состоят из исключительно тонких концентрически расположенных, плотно сросшихся пластинок, листочков, чешуек. В зависимости от прозрачности этих чешуек обуславливается то, что световые лучи проникают сквозь них по-разному и по-разному рефлектируются. Разнообразные световые лучи встречаются на поверхности жемчужины, и при их сочетании вызываются те явления, которые называют «жемчужным блеском», «глянцем» или «переливом».

В ранних дошедших до нашего времени древнерусских письменных памятниках XI—XV веков у нас на Руси в описях не указывали ни форму, ни цвет, ни место вывоза жемчуга, отмечая только величину и ценность. В старых рукописных памятниках выдающийся жемчуг просто называется «великий», «великий жемчуг», «зерна великие», «жемчуг великий, бесценный».

Возьмем памятник XI века «Русскую правду». По уставу Ярослава нам известно, что в церкви вносили как дар «княгини бесценную кузнь, порты, золото, камение дорогое, великий жемчуг, иконы и евангелии».

В «Слове о полку Игореве» говорится о жемчуге великом: «сыпахутьми **тъщими** тулы поганых **тъяковин** великий жемчуг на доно»²³. В духовной грамоте вел. кн. Ивана Даниловича Калиты, писанной при отъезде в Орду в 1328 году, о разделе движимого и недвижимого имущества его детям и княгине читаем: «Андрею сыну моему бугай соболий с наплечки с великим жемчугом с каменьем»²⁴. Так, в грамоте 1486 года Михаила Андреевича Верейского о раздаче по смерти его некоторого движимого имущества зятю князю Иосифу и дочери княгине Марье значится «венюк низан великим жемчугом» и далее «венец царский з го-

Рис. 6. Пророк Соломон. Фреска. XI в. Софийский собор в Новгороде

роды да с яхонты да с лалы да с зерны с великими», «да челка низана великим жемчугом, ожерелье с великим яхонтом, сажено с зерны с великими»²⁵ и пр.

В древней Руси, видимо, делалось различие и в наименовании «жемчуг» и «жемчужина» и под последним названием понимался особый добротности жемчуг: «...да чело кичное золото с яхонтами з жемчуги и з жемчужинами», — говорится в духовной грамоте Димитрия Иоанновича, внука Ивана III²⁶. И это название — «жемчужина» — для выделения вообще красоты и редкости предмета сохранилось в нашей повседневной речи и до сих пор; мы говорим, например, «Крым — жемчужина юга» и т. д. И в древности слово жемчужный обозначало самое высокое качество предмета: «един же изрони жемчужну душу из храбра тела чрес злато ожерелне», — пишет автор «Слова о полку Игореве»²⁷.

С XVI века, а главным образом в XVII веке мы уже встречаем деление жемчуга по форме. Жемчуг круглый, правильной формы носит название «скатного», «окатного». Этот скатный, окатный жемчуг нашел отражение и в русском фольклоре. В древних русских стихотворениях, например в былине «Василий Буслаев молиться ездил», подчеркивается внимание казачьих атаманов к Василию Буслаеву:

Сбирается Василий Буслаевич
На свой червлен корабль.
Дают ему атаманы казачьи подарки свои —
Первую мису чиста серебра
И другую красна золота,
Третью скатного жемчуга²⁸.

В большинстве случаев форма большого жемчужного зерна неправильна — с разными искривлениями, нарастаниями; отсюда пошли и древнерусские названия такого жемчуга: «уродоватый», «уродец», «зубоватый», «угольчатый жемчуг», «жемчуг рогатый», «жемчуг рогатый большой». Так, например, «ожерелье по цке (очелье) серебряной золоченой низано жемчугом рогатым большим»²⁹. Или, например, «серьги и двоечки на серебре в серге по яхонтику лазоревому, а в другой по жемчугу уродцу»³⁰. В числе вещей, подлежавших в 124 (1615) году «верховному взносу» встречается «36 зерен жемчугу большово уродовату»³¹. Такой неправильной формы жемчуг носит на Западе название, начиная с XVI века, «жемчуг Барокко» («Perle Baroque») ³².

Кроме цельных жемчужин часто встречается упоминание как в архивных документах, так и в памятниках материальной культуры, о половинчатом жемчуге (рис. 3), иногда называемом «вставками», «наконечниками». Половинчатый жемчуг стоил много дешевле. Очень часто он встречается на народных женских головных уборах (рис. 7 и 8), шитых пеленах и пр. Украшались иногда и царские вещи В 124 году

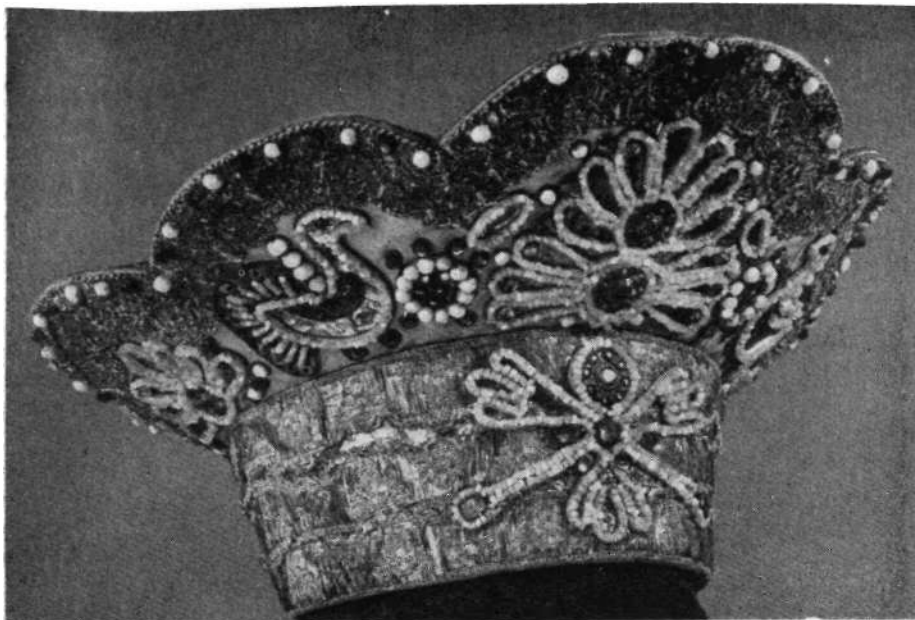

Рис. 7. Народный девичий головной убор, шитый половинчатым жемчугом
Конец XVIII — начало XIX в.

(1616) июля 2 «к иноке Марфе Ивановне в хоромы отнес дьяк Шипов... ожерелеце низано по отласу по белому половинчатым жемчугом, счетом 45 жемчужин»³³.

Торговая книга конца XVI века, зная условия рынка и требования покупателя, дает дельные советы русским купцам. В статье «Память товарам немецким всяким, и ефимкам, и золотым, и сукнам, и жемчугам, и всякой купеческой рухляди» указывается, какие нужно брать жемчужные зерна: «...смотри, — говорится в V главе, — чтобы были скатны и сходчивы и водою бы были чисты»³⁴. Такое же название «чистый», то есть лучший, жемчуг упоминается и в фольклоре.

Вложил бог желание в ретиво сердце,
А и шед Садко божий храм соорудил
И во имя Стефана архидьякона:
Кресты, маковицы золотом золотил,
Он местны иконы изукрашивал,
Изукрашивал иконы чистым жемчугом³⁵.

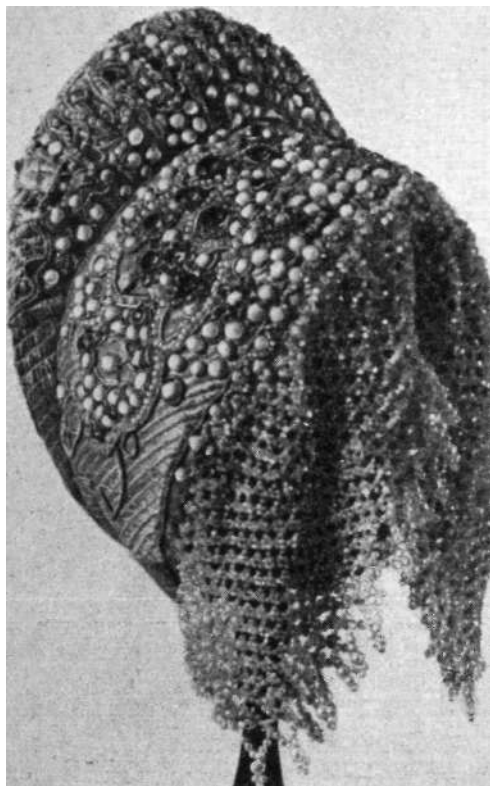

Рис. 8. Головной женский народный убор «сборник», шитый половинчатым жемчугом. XIX в. ,

В XVII веке жемчуг по величине чаще всего делился на «большой», «средний» и «малый»³⁶ или же, как величался в торговых актах, в официальных документах XVII века «жемчуг большой и малой **руки**»³⁷ или же «жемчуг большой и средней статьи»³⁸. Жемчужное украшение, а также отдельные жемчужины высоко ценились во все времена у всех народов. Это доказывается тем, что упоминание о лучших жемчужинах встречается в истории.

Из выдающихся жемчужин, приобретенных царской казной и бытовавших в древней Руси в XVII веке, можно назвать две: одну, стоившую пятнадцать рублей, другую, оценивавшуюся в пятьдесят рублей. Но судить об их достоинствах можно только по их материальной большой стоимости: «Дано окольному кн. Олексею Михайловичу Львову за жемчужину за большую 15 рублей»³⁹. Далее в казне царской, точнее, в «казне государя царевича Алексея Михайло-

вича хранилась жемчужина большая цена 50 рублей. Государю царевичу челом ударил греканин Юрьи»⁴⁰. Более подробного описания этих жемчужин нет. Дальнейшую судьбу их проследить не удалось.

Способы добывания жемчуга на Руси были своеобразные. О древних методах ловли жемчуга мы не имеем достаточных сведений. У нас есть рассказ о ловле жемчуга на севере, относящийся к XVIII веку, но, по всей вероятности, практиковавшейся и в более отдаленные времена.

В этих сведениях способ ловли жемчуга в русских реках изложен довольно подробно.

Вот как пишет об этом Алопеус, книга которого вышла в 1787 году: «В летнее время, когда вода в реках бывает ниска, делают малый из бревен плот, в середине коего вырубывают небольшую дыру; над оною ложатся, покрывая голову, и, спускаясь вдоль по реке, смотрят в дыру, где дно песчанно или иловато. Увидев на дне жемчужную раковину, вытаскивают ее сделанными для сего деревянными клещами. Наловив таким образом множество раковин, все без различия раскрывают, не заботясь о том, есть ли там жемчуг или нет, созрел ли он или не созрел, и таким образом умерщвляют жемчужную матку. Часто находят они между несколькими сотнями раковин едва одну жемчужину настоящей цены. Такой вредною ловлей ныне жемчужные раковины если не совсем, то по крайней мере, приметным образом истреблены»⁴¹. Жемчужная

ловля у нас на Руси, как было сказано, имела место уже в XV веке, да, несомненно, и раньше. Но она велась частным порядком, и только со времени Петра I ловля жемчуга обращает на себя внимание государства и входит в ведение петровской Берг-коллегии. К этому же времени относятся и первые статьи законодательства, касающиеся «ловли жемчужной».

Рис. 9. Головной девичий народный убор «челка», шитый поддельным жемчугом — «бургиньоном»

Изучая эти статьи, мы видим, что жемчужному промыслу придавалось большое значение и представители власти в годы царствования Петра I старались изыскать средства для правильной постановки дела. Прежде всего государство впервые берет на себя надзор за жемчужным промыслом и Берг-коллегия устанавливает правила наблюдения за ловлей жемчуга.

Первые статьи законодательства как раз говорят об этом. В 1721 году 8 июня выходит первый⁴² указ из Берг-коллегии о жемчужной ловле. После упоминания, что в некоторых реках и малых речках России водится жемчуг, указывается, что «токмо Российский народ к тому суща необыкновенен, каким способом и в какое время и в каких местах его достават». Благодаря такому незнанию вынимают жемчуг, когда он еще незрел, когда он еще «в доброту своей чистоты не придет». И как пример указывается, что в 1720 году оставшковским купцом Василием Кабылиным были объявлены и доставлены государыне царице Екатерине Алексеевне жемчужные зерна из Ржевского и Новгородского уездов, где, как доносил Василий Кабылин, «ссыскиваются в раковинах жемчужных по 2 и по 3 бурмицкие»⁴³ зерна. «Но жемчуг этот был темен и красноватый и в действо употреблять не годится». Из чего видно, говорится далее, что «весьма от безвременной и недознаемой ловли чинено непорядочно, а ежели б оной добрым присмотром в удобные времена был ловлен, как по последующему мнению Берг-коллегии ниже показано, то и Российский народ в такое обыкновение вступит, отчего и в ловле доброго жемчуга не без надеяния быть может».

Далее следует перечень тех рациональных мер, которые должны поднять добычу жемчуга. Указом запрещается обывателям вне зависимости от звания ловить в реках жемчуг без разрешения властей.

Для необходимого присмотра за жемчужным промыслом выделяют особые доверенные люди, приносящие клятву, текст которой специально составлен. Доверенное лицо обязуется быть верным и справедливым, «понеже мне, — говорится в присяге, — указам его царского величества всемилостивейшего моего царя и государя, от государственной Берг-коллегии, в жемчужной ловле поверено, и я к тому делу учрежден».

Боеводам тех провинций, где в водах имеется жемчуг, предписывается эти реки, а также и те, где пока жемчужные раковины не обнаружены, но по приметам могут найтись, «долготу с мерою и по урочищам описать и откуда оные реки вышли и куда впали». Ловлю жемчуга велено производить, когда сойдет полая вода в июле, августе и сентябре. В другое же время запрещается ловить под страхом штрафа в сто рублей. А так как ловить жемчуг могли только приставленные к этому делу люди и никто, кроме них, заниматься ловлей жемчуга не мог, то в надлежащих местах предписывалось поставить караул. Для сбора жемчуга предписывалось нанимать работников (ловцов) из тех

людей, которые раньше ловили жемчуг; и с этими ловцами договориться о плате соразмерно ловле; но следить, чтобы они не ловили ради более высокой платы раковины еще молодые, не достигшие еще полного развития, в противном случае виновных штрафовать.

В дальнейшем Берг-коллегия пытается установить правила для ловли жемчуга. Правда, советы эти показывают, что в то время на Руси еще не было знатоков жемчужного дела. Вообще сведения о жизни жемчуга у советников Берг-коллегии были крайне скудны и сбивчивы. Это и не удивительно, так как в XVIII веке научные сведения о природе и образовании жемчуга были очень смутны⁴⁴. Не удивительно поэтому, что в уставе о жемчужной ловле находим такие статьи, например, как о необходимости различать раковины самцов от самок. Причем дается и совет, по каким признакам делать это различие: «У самчика раковина тверже и шероховата, а у самочки раковина мягче и глаже: и в оном ловцам надлежит самчиков от самочек различать, понеже самчик жемчугу в себе не имеет». А поэтому их раковины надлежит не выламывать, а осторожно «с бережением», как указывается в законе, опускать обратно в воду⁴⁵. Взгляд этот на образование жемчуга не изменился и через пятьдесят лет, повторение указа о ловле жемчуга мы встречаем при Екатерине II в тех же выражениях⁴⁶.

В указах Петра I должно отметить тот хозяйственный путь, на который стало правительство в отношении добычи жемчуга. Принимая от ловцов собранный жемчуг, приказывается записывать его в особую книгу, различая жемчужины «большой, средней и малой руки»⁴⁷.

Следующие шаги в петровском законодательстве о жемчужном промысле идут в направлении перехода жемчужного промысла в руки государства. Наблюдение за ловлей жемчуга поручается не местным выборным, а специальным чиновникам. 24 июля 1722 года выходит об этом новый указ — сенатский: «Об определении особых смотрителей жемчужной ловли»⁴⁸.

С 1722 по 1731 год на жемчужную ловлю было истрачено правительством двести двадцать девять рублей, сверх того при этом деле определенных дворян находится тринадцать человек, а жемчугу за это время наловлено четыре тысячи девятьсот тридцать шесть зерен и больше темного и синего цвета суммою на восемьдесят семь рублей, то есть за десятилетие не только никакой прибыли, «но и за употребленную на то сумму оного не получено». «Да и определенные к жемчужной ловле дворяне от других дел отбывают».

Таким образом, охранные меры государственные не принесли никакой пользы. Поэтому уже при Анне Иоанновне в 1731 году делается некоторое послабление в наблюдении за ловцами жемчуга.

Правительствующий Сенат разрешает производить ловлю жемчуга всякому, при том ограничении, чтобы «ежели кто самый добрый,

крупный и чистый жемчуг обыщет, те б объявляли с письменным известием в **Коммерц-коллегию**. За это «сыскаателям» жемчуга обещается «довольное награждение», а, стало быть, более мелкий жемчуг разрешается употреблять в свою пользу, на продажу.

Далее идут еще большие послабления. В 1734 году дается разрешение государственным крестьянам Олонецкого **уезда** Сергею Михайлову «с товарищи» ловить «жемчугов» во всех реках и озерах, где они находят нужным, то есть разрешается им искать жемчуг и в чужих реках, на озерах.

В 1736 году определением Сената подтверждается «невозбранно» ловить жемчуг всем — промышленникам и охотникам — в реках не только своих, но и чужих. Законом 1764 года опять подтверждается право «ловить жемчуг в реках — озерах, в чьих бы они дачах ни были, всем невозбранно»⁴⁹. На этом законодательство о жемчуге и заканчивается.

Помимо добычи жемчуга, встречающегося в природных условиях, делаются попытки акклиматизации жемчужницы. Так, в XVI веке в хозяйстве Строгановых производилось разведение жемчужных раковин в озере, носившем название «Жемчужное», и в реке **Иксе**⁵⁰, близ города Сольвычегодска, местопребывания Строгановых. К сожалению, подробности разведения жемчуга в строгановском хозяйстве неизвестны, кроме того, что во главе этого местного жемчужного промысла, по преданию, стоял немец — доктор и аптекарь. Аналогичные попытки имели место в Ростове Великом в митрополичьем хозяйстве.

Отдельные опыты, по сообщению Штукенберга, производились и в начале XIX века. В 1807 году в небольшом прибрежном озере Прорве недалеко от Дона один казак нашел жемчуг. Нашедший жемчуг набрал жемчуженосных раковин и четыре из них пустил в Грязный ручей, где они размножились. Владелец ручья в 1834 году наловил восемнадцать золотников жемчуга, в 1835 году опять столько же, в 1836 году двадцать золотников⁵¹.

Обычно принято считать, что жемчуг не требует никакой обработки; так думали и в XVIII веке. «Может ли быть что богаче и прекраснее, как крупной, весьма белой, гладкой, круглой жемчуг. И сему преславному натуре произведению уже художество не прикладно. Дорогие камни достают из гор совсем грубые, а после они свою светлость человеческого искусства получают. Но жемчуг находят в морских безднах совсем полирован и выделан, который натура еще в раковинах во всем совершила»⁵².

А между тем это мнение наблюдателя XVIII века неправильно: жемчуг, несмотря на свою естественную красоту, требует большой обработки. Уже при улове он требует соблюдения особых правил, так как в раковинах морского и речного дна он очень мягок, и вскрытие раковин нужно производить очень осторожно.

Рис. 10. Покровец вклада Ксении Годуновой. 1601 г.

Жемчуг, вынутый из раковин, твердеет не сразу, а постепенно. И чтобы при затвердении он не испортился, его подвергают так называемому «замариванию». Лепехин дает нам об этом следующие сведения говоря о ловле жемчуга в русских водах в XVIII веке: «Промышленники по растворению черепов, увидя зерно, от мяса его отрывают и кладут себе в рот, в коем держат часа два и сие называется «замариванием»⁵³. После этого, по сведениям Лепехина, жемчуг в мокрой тряпке держат за пазухой, пока он окончательно не затвердеет. И исследователь XIX века жизни жемчуга⁵⁴ сообщает эту же особенность ловли жемчуга. А именно, «его замаривают», то есть жемчуг держат во рту, отчего, добавляет он, «говорят жемчужина приобретает лучший цвет».

В древней Руси, в частности в Москве, обработку **жемчуга**, его чистку и шлифовку обычно проводили алмазники при помощи алмаза, о котором говорится в старых торговых книгах, как о камне «всех черствие камней и крепчае». Эта работа так и называлась «алмазить жемчуг». До нас дошли архивные сведения по ценности этой работы. Так, например, в 1653 году генваря 5 алмазнику Минину Якову дано «2 алтына, 2 деньги за то, что он алмазил жемчужину большую»⁵⁵. Или февраля 1667 года Харитонов Иван, кадашовец, серебряного ряда староста серебряник, работает на Патриаршую домовую казну и за проалмаженье 47 половинчатых жемчужин уплачено ему 1 рубль»⁵⁶.

Такой же обработке — «алмаженье» подвергался наш русский жемчуг, именно «варзужский». Причем ясно, что эта работа более сложная и требует особых технических навыков и знаний. Работает тут не один алмазник, но и его сподручные. Так, в 1692 году в августе месяце Тимофеев Иван «алмазил» вместе с «товарищами» двести тридцать семь круглых и половинчатых зерен варзужского жемчуга, за что и выдано ему по две деньги с зерна. Жемчуг этот был прислан из патриаршего Дворцового приказа в 190 году (1690—1691)⁵⁷. Отсюда видно, что алмазники работали коллективно.

Способы чистки и шлифовки жемчуга составляли профессиональный секрет мастерства, которое было скрыто для непосвященных и передавалось от отца к сыну. Такое «алмаженье» производилось и не **всегда** таким дорогим материалом, а иногда при помощи наждака. Так работался, вероятно, дешевый, мелкий жемчуг. Торговая книга в главе тридцать седьмой дает сведения о цене нужного для «алмаженья» наждака — «а пытаите наждак, чем обравнивают, а купят наждаку в 3 алтыну». И здесь же даются сведения о плате за учение обработке жемчуга: «И мотчи у мастера поучится, как алмазят и камень отделявают и режут, ино бы от учения дати что возьмут»⁵⁸.

В настоящее время старинная дорогая обработка жемчуга алмазом уступила место обработке жемчуга более дешевыми материалами, как то: порошком белого коралла, алебаstra и белым купоросом⁵⁹.

Шлифовка жемчуга алмазом применялась не только при первоначальной обработке жемчуга, а и тогда, когда жемчуг утрачивал со временем или от неблагоприятных условий свой блеск и белизну. Шлифовка и чистка возвращают жемчугу его первоначальные качества. Кроме порчи жемчуга от времени и других причин он может, говоря языком специальным, «умирать», то есть совершенно потерять блеск, теплоту и прозрачность. Такое «умирание» жемчуга может быть исправлено.

Возрождается жемчуг, возвращается ему его молодость путем снятия верхних слоев его «алмаженьем»⁶⁰.

Говоря об умирании жемчуга, остановимся на утверждении Цинзерлинг. По мнению автора, умирание жемчуга начинается через пятьдесят-семьдесят лет и заканчивается к ста пятидесяти годам⁶¹. Мнение это полностью опровергается фактами. Имеется целый ряд вышивок жемчугом, точно датированных как шитыми на них надписями, так и старинными описями, свидетельствующими о том, что жемчуг современен сохранившимся вышивкам и, следовательно, живет на них, по этим данным, уже триста-четырееста лет и более.

В Историческом музее, в музее Загорска (бывш. Троице-Сергиевой лавре) хранятся исключительные памятники, шитые жемчугами, вклады семьи Годуновых; в Новгородском музее и в других имеются предметы, шитые жемчугом, имеющие давность триста, четыреста, а иногда и больше лет, где жемчуг отнюдь не потерял блеска и цвета и кажется только что нашитым, хотя за все время пребывания на вещи не подвергался никакой чистке. Таков, например, вклад 1601 года Ксении Годуновой — воздух с шитьем, изображающим ветхозаветную троицу. Этот воздух богато украшен жемчужным шитьем и камнями, четырнадцатью лалами и сапфирами⁶² (рис. 10). Назовем также украшенные жемчугом, прекрасно сохраняющимся и до наших дней, пелену 1654 года с изображением убийства царевича Димитрия или, например, покров с изображением пр. Сергия в рост (покров вклада Строгановых 1671 года): «Дмитрия Андреевича Строганова жена вдова Анна и сын его Григорий и дочь Пелагея Строгановых». Контур у нимба крупного жемчуга. Контур одежды, кресты, дороги на епитрахили украшены жемчугом среднего размера. По сторонам головы на среднике шесть клейм кистцами с контуром из жемчужной нити и шитыми жемчугом буквами. На полях покрыва шиты пряденой золотной нитью в прикреп разными шелками двадцать изображений, отделенных друг от друга надписями, поясняющими житие пр. Сергия. Буквы подписей, контуры изображений из жемчуга среднего и мелкого в одну нить⁶ (рис. 11).

Также прекрасно сохранился жемчуг на одеждах и утвари царского собрания Оружейной палаты.

Работа над жемчугом кроме чистки требует еще шлифовки, так как жемчуг, добытый из раковин, очень часто имеет шероховатости, особенно когда жемчужина бывает приросшей к раковине.

Жемчужные зерна легко просверливаются твердыми металлическими сверлами. Отверстия эти умеют делать даже в жемчугах самого малого размера при помощи тончайшей иглки-сверла. Рабочие, занятые этой работой, либо проделывают сквозные отверстия для продевания нити, либо просверливают жемчужину на незначительную глубину для прикрепления туда стержней, по-старинному «спней».

Это дает возможность ювелирной обработки жемчуга (вставки в кольца, серьги и т. д.), куда идет жемчуг на «спнях». Так, например, «Оклад золот, на нем семь гнезд больших, да восемь гнезд маленьких, да в них на спнях 28 зерен жемчужных кафимских, вислых. Да поверх гнезд на веревочке 73 зерна жемчужных, да промеж зерен на спенках 16 зернушек жемчужных»⁶⁴, или: «...а велено ему (Давиду Омеляновичу) в тех золоты сделати цку (очелье) к царицыне кике да к 67 зернам гурмыцким 67 спней»⁶⁵.

История жемчуга на Руси тесно связана с историей нашей внешней торговли. Русские купцы с давних пор начинают проявлять интерес к тем местам, откуда к нам привозился жемчуг.

Как известно, жемчуг покупался в очень далеких странах. Иногда за ним ездили русские купцы и покупали его на местах ловли, иногда же он доставлялся на Русь при посредстве купцов турецких, армянских, бухарских, польских, английских⁶⁶, а также голландских и персидских. Об этом мы имеем свидетельства иностранцев — путешественников того времени.

Главными местами, где добывался и покупался жемчуг, были Индия и соседний с ней остров Цейлон⁶⁷. Другим местом, где ловля жемчуга велась с древности, была Персия. И из центра азиатской торговли, из города Ормуза, или Гармуза, как на Руси называли Ормуз, к нам привозился жемчуг.

Самым лучшим жемчугом на Руси считался жемчуг гурмыжский, или бурмыцкий, привозившийся из Персии (Ирана), из Персидского залива — Гурмыжского моря: «Апское море еже есть Гурмыжское, в нем же жемчуг Бурмыжской родится»⁶⁸.

«Гурмыжский», или «бурмыцкий», жемчуг постоянно встречается как украшение различных предметов шитья русских одежд и в церковном быту, главным образом в шитых пеленах. В начале XIX века этот восточный жемчуг носит у нас название «ориентального».

Жемчуг из Индии, видимо, шел к нам издавна. Привозить его могли армянские купцы, проникавшие далеко на восток. Могли доставлять жемчуг в древнюю Русь и бухарцы. От XVII века мы имеем об этом свидетельство бухарского посла в Москве Муллафора. Когда в

1671 году его подробно расспрашивали об Индии, он дал такое сведение о сношениях бухарцев с Индией: «...а иные товары привозят из Индии, куда торговые люди постоянно ходят и оттуда приезжают и привозят камень, жемчуг и узорочные товары»⁶⁹.

Одним из мест, откуда вывозился жемчуг, является Тавриз (Тебриз — Персия). О Тавризе сообщает еще Гуи Гонсалез де Клавихо, посетивший его в 1404 году. Де Клавихо изображает этот город большой пристанью, особенно богато снабженной жемчугом, шелковыми тканями, хлопчатобумажным товаром и пр.⁷⁰ О большой торговле в Тавризе, но уже в XVII веке говорит и голландец Стрюйс. Стрюйс сообщает о постоянной длительной торговле, которая ведется в нем и для которой приезжают турки, индусы, москвитяне и персияне, привозящие различные товары⁷¹.

Китайский жемчуг на Русь тоже привозился, но он не считался ценным и хорошим. Привозился он к нам в XVIII веке через Кяхту. Это был мелкий, круглый и «половинчатый», дешевый жемчуг. В середине XVIII века он в Кяхте расценивался за тысячу зерен по двадцать, по тридцать и по сорок копеек. «Самой хорошей крупный жемчуг и в Китае попадает редко»⁷².

Возвратимся к свидетельству Гуи Гонсалез де Клавихо. Де Клавихо указывает также г. Солтанию (Индокитай), куда приходили индийские караваны, привозившие жемчуг и драгоценные камни, шелковые ткани и прочие предметы, которые приобретались приезжавшими сюда купцами из Сирии, Малой Азии, Турции и из «хри-

Рис. 11. Покров с изображением пр. Сегия. Вклад семьи Строгановых. 1676 г.

стианских» земель. Среди купцов из «христианских» земель могли быть и армяне, издавна торговавшие на Руси.

Одним из первых купцов-европейцев, побывавших в Индии для торговых дел, был тверской купец Афанасий Никитин, посетивший Индию в 1468 году. Афанасий Никитин имел, конечно, практические цели. Он посещает торговые города и порты. Он был в Гурмызе, в Шабате, где обращает внимание на то, что именно здесь родится шелк и жемчуг — товар, имеющий на Руси наибольший спрос, «Да родится в Шабате шелк да сандал, да жемчуг, да все дешево»⁷³, — отмечает предприимчивый русский купец XV века.

В Самарканде в начале XV века видели русских торговцев вместе с татарскими, привозившими меха, кожи, льняные ткани. В это же время здесь были торговцы из Индии и Китая. Отсюда можно предположить, что торговля была значительная.

Жемчуг как индийский, так и персидский привозился в древнюю Русь не только непосредственно с Востока, но и через западные страны. Чаще всего в XVI веке как на иностранных купцов, продавцов жемчуга, в архивных источниках есть указание на «английских гостей» или «аглинских немцев». Так, например: «7122 г. (1613—1614) ...октября 19 по отписке и по росписи от Архангельского города воеводы Никиты Пашкина да дьяка Путила Григорьева у Лариона Монастырева взято во государеву казну на казенный двор, что он купил у пристани, у аглинских немцев: 29 зерен жемчужных — 75 рублей... половинки жемчугу низаны по белому отласу 144 зерна — 20 рублей»⁷⁴.

То, что жемчуг покупался и у западных торговых гостей, подтверждается следующей записью: «133 г. мая 18, в Вознесенский монастырь к государыне и великой старице иноке Марфе Ивановне отнес дьяк Булгак Милованов жемчугу 134 зерна скатных по 2 р. с полтиной зерно — 335 р.; 91 зерно по 2 р.; 599 зерен по 30 алтын 2 д. — 539 р. 3 алт. 2 д.; 550 зерен по 7 алт. 3 д. зерно; 900 зерен по 4 алт. зерно; 1468 зерен по 3 алт. 2 д.; 622 зерна по 2 алт.; 1713 зерен по 10 денег; всего 6077 зерен, а денег за них 1557 р. 20 алт. 4 д.; куплен у англинского гостя у Тамоса Рыщерева»⁷⁵, или «Англинскому гостю Фабину Ульянову за 172 золотника жемчугу — 240 рублей и 25 алтын»⁷⁶.

В числе западноевропейских торговцев жемчугом в Москве наряду с англичанами являются и голландцы. И в приходе-расходных книгах XVII века нередко находим упоминания о голландцах. Так, например, встречаются записи такого рода «...февраля 5 голандцу Давыду Миколаеву жемчуг за 488 золотников 578 руб.»⁷⁷.

—Здесь же можно привести выписку из «Росписи немецких товаров, которые были привезены морем в 1671 году в Архангельск»⁷⁸. Мы извлекаем материал, только касающийся жемчуга. На кораблях привезено было: «6846 золотников жемчуга; 133 маса того же в 7 коробках;

4419 штук крупного жемчуга». Затем роспись 1672 года: «2 000 штук крупного жемчуга».

В 1673 году на 33 кораблях привезено: «26 фунтов, 22 золотника, 21 кисть или бунтик и 2 дюжины жемчуга»; «19 шнурков и 420 штук крупного жемчуга». Затем «на 14 кораблях из Голландии», пришедших 28 сентября, прибыло: «337 штук крупного жемчуга, 59 бунтиков жемчуга»⁷⁹.

А перед тем 27 сентября на двух голландских кораблях прибыло⁸⁰ 206 золотников жемчуга, 3 кисти, или кустика, крупного жемчуга.

По этим цифровым данным видно, что и с запада, из «немецких» земель, как у нас назывались в то время Англия и Голландия и другие западные государства, привоз жемчуга был довольно значителен.

Весь этот жемчуг привозился и с востока и через западные государства. Шел он преимущественно в Москву. Москва была главным торговым центром, «куда приезжают в большом числе туземные и иностранные купцы из очень далеких краев: из Турции, Татарии, Персии, Туркмении, Кабардинской, Грузинской, Сибирской, Черкасской и других земель и ведут большую торговлю многими превосходными товарами», как сообщает иностранный наблюдатель быта Руси XVI века — Николай Варкочь⁸¹.

Помимо того, что Москва сама по себе, своим видом поражала и удивляла иностранцев, удивляла Москва и своими особенностями в торговых делах. Иностранцы торговые гости удивлялись тому, что в Москве каждый род товара имел свой особый рынок, помещавшийся на особой улице; свидетельства иностранцев об этом имеем от XVI и XVII веков⁸².

Говоря о товарных рядах, надо указать на то, что существовал и особый жемчужный ряд. Потребность в жемчуге, значит, была очень велика на Руси, и торговые обороты по жемчугу были значительны. Указание на такой жемчужный ряд находим в начале XVII века.

В 7133—7134 годах (1624—1626) в «Приходно-расходных книгах денежной казне» встречаются записи: «...жемчужного ряду торговке за ползолотника жемчугу полтора рубля и за золотник жемчугу мелкого — 15 алтын. А взят тот жемчуг к царице Марье Володимировне в хоромы»⁸³.

Торговля жемчугом требовала, видимо, особых знаний. Известно, что и в древности торговлей жемчугом занимались особые специалисты. В Италии были купцы—специалисты по жемчугу, так называемые «margaritarii». В России аналогично этому купцы, торговавшие жемчугом, повидимому, назывались жемчужинками; на это указывает фамилия Жемчужниковых, получившая дворянство в конце XVII века и происходившая от московских «торговых гостей».

Мы имеем точные расценки жемчуга, дошедшие до нашего времени из подлинных рукописных источников. У нас есть почти погодные рас-

ценки жемчуга XVII века, приобретавшегося для царского дворца. В этих записях отмечается обычно цена золотника, но без указаний количества зерен в золотнике. Так, например, в «Приходно-расходных книгах денежной казне за 7133—7134» (1624—1626) читаем: «Принято с денежного двора 30 золотых угрских да 24 золотника жемчугу по полутретья рубли золотник. И того же дня те золотые и жемчуг взял к царице в хоромы Василий Иванович Стрешнев»⁸⁴.

Или: «7138 г. сентября 7 по государеву указу, дано гостинные сотни Василию Шорину за жемчуг за 51 золот. 206 руб. Деньги посланы к окольному и князю Олексею Михайловичу Львову, потому что жемчуг к государю он принес»⁸⁵.

Указание цен жемчуга встречается не только в царских описях, но и в частном быту. И здесь мы видим очень подробный учет жемчуга в его весе, в его величине, но сколько на вес идет зерен жемчуга, опять-таки не сообщается⁸⁶.

Из этих записей видно, что количество зерен в золотнике не указывается, но существуют другие источники, которые пополняют эту неточность. Так, в торговой книге конца XVI—начала XVII века, в разделе, названном автором «Како молодым людям торг вести и знати всему цену», имеются более точные сведения. Они помещены в статье или главе «Память товарам немецким всяким, и ефимкам, и золотым, и сукнам и жемчугам, и всякой купеческой рухляди, по чему на Москве и в Мурманском и в немцах купят и продают». В этой книжке не только даются точные сведения о цене золотника жемчуга, но и также сообщается количество жемчужин в золотнике и, в зависимости от количества жемчужин, цена золотника⁸⁷.

Автор руководства «Како молодым людям торг вести» дает совет, как оценивать отдельные скатные зерна, так называемые «гурмытские»: «Жемчужные зерна гурмытские смотри, чтобы были скатны, и сходчивы, и видом были бы чисты, а цена по зерну смотря: а зерновой, окатной, чистой и белой, зерно против двоя денег в весу, купи за 2 рубли, а против 4-х денег в весу за 4 рубли, а против пяти денег в весу или против одного алтына в весу, купи за 7 или за 8 рублей»⁸⁸.

Несмотря на изобилие жемчуга в быту древней Руси, он все же был в большой цене, что видно из частного упоминания о жемчугах, как о драгоценностях, передающихся из рода в род. «Что буди примыслил при своем животе золота ли жемчугу ли то все дал есмь своей княгине» — говорится в духовной грамоте середины XIV века, или, например, в грамоте второй половины XV века: «Да ларец червлен, а в нем золото да саженье»⁹⁰.

В начале XVI века опять находим такую же запись о жемчуге передающемся в наследство: «Да три тысячи зерен жемчугу мелкого, да двести без десяти то внуке моей Овдотье»⁹¹.

Иностранцы, посещавшие Россию в XVI веке, удивлялись количеству и качеству жемчуга, который им приходилось видеть в России.. «Царская расходная казна, — говорит, например, Маржерет в XVI веке, — наполнена в великом количестве всякими драгоценными изделиями, преимущественно из жемчуга, который в России употребляется более, нежели во всей Европе»⁹².

То же сообщает Таннер о Москве XVII века (1678): «Разных драгоценностей у москвитян много — жемчугу, смарагдов, бирюзы, сапфиров, благодаря частым торговым сношениям» .

Жемчуг, как было сказано, привозился и с востока и через западные государства, а также из тех русских земель, где велась его добыча. Шел он преимущественно в Москву. Москва была главным торговым центром. Отсюда жемчуг расходился по всей стране. Трудно сказать, какова была доля русского жемчуга по отношению к общему количеству жемчуга, продаваемого на Руси. Но, повидимому, эта доля была значительна.

Русский жемчуг встречался и в предметах царского обихода, и церковного, и в народном быту. Он распространялся по всей стране, среди всех классов общества, достигая далеких окраин Московского государства. В якутском эпосе в былинах «Эр Согодох» мы встречаем не один раз такое образное сравнение: «Покатались у нее слезы из глаз, как русский жемчуг крупные»⁹⁴. Это указывает на проникновение русского жемчуга в XVII—XVIII веках в Якутию.

Таким образом, в Московском государстве имелось громадное накопление жемчуга, достигавшее изобилия. Это изобилие наблюдалось и в последующие столетия — в XVIII и XIX веках.

Особенно интересно посещение иностранцами Троице-Сергиевой лавры. Их поражало изобилие жемчуга. Описывая свое посещение в 1806 году Троице-Сергиевой лавры, англичанка мисс Вильмот сообщает в своем письме в Ирландию: «На священнических ризах я заметила маленькие билетки, и по спросе оказалось, что на них отмечено количество фунтов веса тех жемчужин, которыми расшита каждая из этих риз: иногда восемь, иногда десять и даже двенадцать фунтов»⁹⁵.

Путешествовавший по России в 40-х годах XIX века барон Гакстаузен сообщает: «Трудно сосчитать жемчуг на образах и утвари у Троицы, легче было бы мерить его четвериками. На образах богородицы и святых обыкновенно писаны только лики и руки, самое же платье покрыто золотой ризой. Наиболее уважаемые образа вместо риз покрыты сплошь жемчугом и драгоценными камнями. Быть может, в одной Троицкой лавре жемчугу больше, чем во всей остальной Европе. Уже давно жемчуг мало-помалу стекался со всех сторон в Россию, где он идет частью в церкви, частью на украшение женских костюмов»⁹⁶.

Несомненно, что русский жемчуг составлял значительную долю этого жемчужного фонда. Особенно важно, что русский жемчуг был широко распространен в крестьянстве, мещанстве и мелком купечестве, то есть не был исключительно достоянием привилегированных классов.

Тот же Гакстгаузен пишет: «Есть губернии, как, например, Нижегородская, в которых каждая крестьянка носит на шее, на головном уборе от 200 до 300, а иногда и до тысячи настоящих жемчужин». И далее автор сообщает: «Какая масса жемчугов и драгоценных камней скопилась и продолжает скапливаться в России».

Хотя это свидетельство о бытовании и изобилии жемчуга в широких народных массах относится к первой половине XIX века, можно предполагать, что и в предшествующие столетия имелось такое же, если не большее изобилие жемчуга. Следует вспомнить, что все русское законодательство о жемчуге XVIII века имеет главным образом охранительное значение, так как в это время добыча жемчуга в России стала снижаться. Надо полагать, что в предшествующий период жемчужный промысел был более эффективен и, стало быть, количество жемчуга в народном обиходе было значительное.

Изобилие жемчуга как местного материала послужило основой для его широкого применения в различных областях народного декоративного искусства.

Одним из любимых и распространенных на Руси средств украшения одежды и различных предметов быта было украшение их шитьем, достигшее высокого искусства. Именно в этой области искусства жемчуг имел широкое распространение. Так возникли и получили развитие различные приемы шитья жемчугом и создано народное своеобразное искусство жемчужного шитья.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТЕХНИКА ШИТЬЯ ЖЕМЧУГОМ

Мастерство шитья жемчугом — «светлицы». — Шитье по настилу и без него. — Бель. — Приемы шитья. — Два вида техники шитья жемчугом — «низанье» и «саженье». — Способы шитья. — Виды орнаментации. — Мастера узора — «знаменщики». — Вышивальщицы

Шитье жемчугом — «низанье», «саженье» — является почти **исключительно** женским искусством. Если в кружевном деле иногда встречаются соперники в лице мужчин-кружевников, то в искусстве низанья жемчугом славится долгие века именно умение женщины.

Это искусство было распространено у нас на Руси повсеместно с очень давних времен. Иностранцы, которых нельзя заподозрить в излишних похвалах мастерству русских, и те отмечают большое умение наших женщин шить жемчугом. Так, например, шведский дворянин Петерей, бывший в России при дворе Бориса Годунова и Лжедмитрия I, а затем при Василии Шуйском, сообщает, что жены самые знатные сидят в своих светелках запертыми и шьют или вышивают... «В шитье,— говорит Петерей,— они опытни и искусны так, что превосходят многих вышивальщиц жемчугом и их работы вывозились в далекие **страны**»¹. И, действительно, сохранившиеся у нас памятники шитья жемчугом показывают высокое мастерство наших вышивальщиц, тем более, что искусство шитья жемчугом представляет большие трудности как в техническом, так и в художественном отношении.

Возраставшие потребности порождали и более сложные замыслы, которые могли быть осуществлены лишь при наличии большого числа умелых вышивальщиц. Это приводило к возникновению **мастерских** — «светлиц» в светском и монастырском феодальном хозяйстве. Начиная с XVI века главное место среди мастерских занимали царские «**светличные** палаты». Известны работы светлиц князей Старицких, бояр Годуновых, «торговых гостей» Строгановых и других. Такая же организованная работа шла и в женских монастырях, где часто шитье **выполнялось** на заказ, например Вознесенский монастырь в Кремле, Новодевичий и пр.

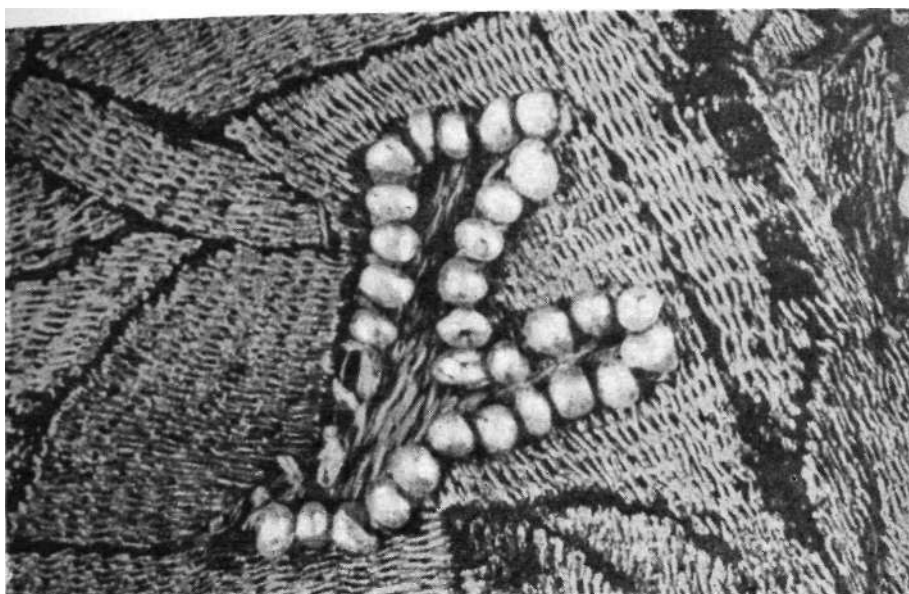

Рис. 12. Деталь жемчужного шитья поручей Варлаама Хутынского. XII в

Наиболее ранним дошедшим до нас образцом техники жемчужного шитья служат поручи XII века, хранящиеся в Новгородском музее. На этих шитых поручах из Великого Новгорода изображения святых, их: одежды, нимбы и орнамента выполнены очень тонким пряденым, золоченым- серебром («пряденое» золото, серебро — шелковая или льняная нить, обмотанная тончайшей плоской серебряной, чаще позолоченной проволокой), а обнизь вокруг них сделана жемчугом малого размера². Изучая на этом памятнике древнейшую технику шитья жемчугом, мы видим, что жемчуг здесь положен непосредственно на ткань без всякого настила (рис. 13).

Надо отметить, что вследствие обветшания фона все шитье еще в древности было переложено на новую землю (фон) и обшито жемчугом заново. Однако памятник этот, несмотря на переделку, все же хранит фрагменты первоначального шитья, относящиеся к XII веку. Такова обнизь контура руки одного из изображений (рис. 12), и на этом участке шитья видно, что «саженъе» жемчугом также было без настила, то есть непосредственно по ткани.

Рис. 13. Поручи Варлаама Хутынского. XII в

Такая техника шитья встречается редко (см. рис. 69). Большой частью жемчуг нашивается не прямо на ткань, а на так называемый настил. Настил делается либо из белого шнура, либо из белых ниток. Шнур в зависимости от толщины пришивается то в один, то в два ряда. Нашивка в два ряда встречается чаще. Иногда же шнур заменяется «белю», то есть белыми мягкими пеньковыми или хлопчатобумажными нитями. Уже в конце XV и в начале XVI века встречаем шитье жемчугом на бели.

Об этой особенности шитья мы имеем сведения опять-таки из архивных данных. Так, Димитрий Иоаннович, внук вел. кн. Иоанна III, составляя духовную грамоту около 1509 года, среди других вещей называет: «накапки женские сажены жемчюгом Гурмыским на бели на платцах, да запушье подволочное сажено жемчюгом Гурмыским з дробницею на бели на камке на червчатой», далее «да шубы женские, сажены жемчюгом Гурмыским с дробницею на бели»³.

Как пример еще приведем упоминание о бели для шитья жемчугом в переписке дворецкого с дьяками, относящееся к XVI веку, а именно

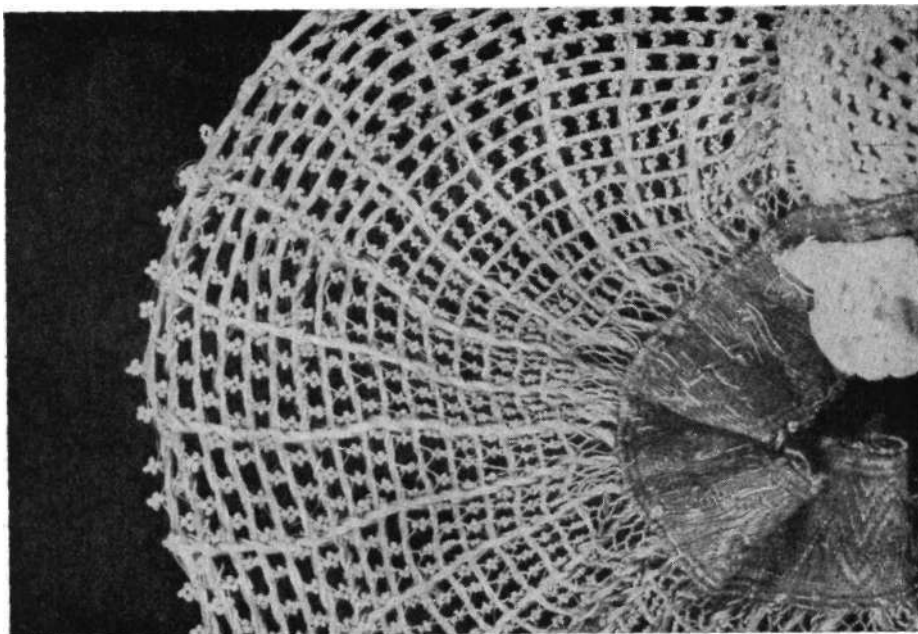

Рис. 14. Поднизь к головному убору, низанная на волосе

к 1581 году. Дворецкий пишет дьяку: «Благодетель, государь мой Федор Петрович. Умилостивись надо мною, не сделай в великой печали, пришли бели под жемчюг такой же, как вчерась прислал, а купи ее алтын на десять или на полтину; а хорошоб взять у старост прошлого 188 году. А пришли утре рано. 189 г. июня 6»⁴. И дальше, 7 июня требование прислать бель повторяется кратким призывом: «Бель прислать под жемчюг» . Автор письма с требованием бели был дворецкий при государевой светлице царя Алексея Михайловича.

Указание на то, что бель шла именно на **выметку**, мы также имеем в архивных данных.

В переписных книгах 131 года (Успенского собора) отмечается: «...жемчюгу, что осыпался с пелен от местных образов и тот жемчюг в казне у ключаря, а весить его нельзя потому что он на бели на **выметке** и на **нитях** и заволочен; а по нынешней описи мелкого жемчюгу с пелен весом без бели и без нитей 8 золотников»⁶.

Приготовление бели для жемчужных работ само по себе отмечалось и составляло особый раздел работ. И уже в первой половине царствования Михаила Федоровича в переписной-деловой книге Кадашевской слободы, а именно Перепелкиной улицы «Кто на чем живет и какое государево дело кто делает», сообщается о доме вдовы Марины Носковой на полделе. «Государево дело делает; четверть дела — бель, а другую четверть дела • прядет 2 полотна тверских»⁷

Отсюда видно, что работа по подготовке бели была местного производства и для государева дела выполнялась в Кадашевской государственной слободе и зачитывалась как казенная повинность на государев двор.

Теперь вернемся к самой технике «сажения» жемчугом.

При сажении жемчуга в самом начале работы жемчуг нанизывается на длинную белую крепкую льняную нитку или шелковую, толщина которой зависит от величины зерен жемчуга.

Прежде чем нанизать жемчуг на нити, жемчуг рассыпается на черном сукне или вообще на черной поверхности — на бархате, либо какой

другой черной гладкой, преимущественно матовой ткани. Потом жемчуг разбирается и сортируется по величине и по форме, а затем нанизывается на нити. Нанизывание производится при помощи иглки. На

Рис. 15. Витейка
с нанизанной жемчужной нитью

иголку обычно набирается по несколько зерен. Если же зерна очень мелкие и иголка не проходит в отверстие, то жемчуг нанизывается на шетинку, а в нее путем расщепа (щетинки) вкладывается нитка, на которую переносится жемчуг. При нанизывании жемчуга применялся в старину иногда следующий способ: нить заменялась волосом, который имел большую упругость и крепость. Этот способ применялся, например, на народных головных уборах, а именно при нанизывании жемчугом **поднизи**⁸ (рис. 14). Затем нитка с нанизанным жемчугом наматывается на деревянную или костяную «витейку» (рис. 15). Витейка — род круглого стержня. На одном конце она имеет трехгранное утолщение со скошенными углами. Витейка способствует натягиванию нити при шитье с нанизанным жемчугом.

Нитка берется длиннее, чем необходимо для нанизывания жемчуга, так как конец ее вдевается в иголку и ткань прокалывается насквозь у начала настила или вообще шитья жемчугом. Нитка с обратной стороны ткани освобождается из иголки и здесь с обратной же стороны шитья закрепляется при посредстве узла и затем притягивается **витейкой**.

Вышивание жемчужной нитью обычно ведется справа налево с целью сберечь наведенный на ткань узор, не стереть его, не попортить рисунка, сделанного углем или мелом, реже — краской.

При сажении жемчуга правая рука вышивальщицы находится сверху ткани, а левая внизу, под тканью. Под правую руку кладется дощечка-планка как устой, упор для руки, чтобы во время работы не помять шитья. При работе больших вещей, в особенности, когда шитье жемчугом делается по бархату, который при работе не складывается, не закатывается, середина шьется жемчугом отдельно, а потом вшивается. Работа в таком случае проводится двумя вышивальщицами: вдоль всей ткани кладется на пальцы большая планка-дощечка так, чтобы упор ее был на концах пальцев, не касаясь шитья. Одна вышивальщица находится на полу, под пальцами, а другая, облокотясь на положенную планку, пришивает вышитую жемчугом середину. Сидящая внизу пропускает иголку с ниткой, закрепленной узлом, в край или в середину шитья. Вышивальщица, находящаяся сверху, принимает иголку и, пропуская ее обратно, делает требуемый стежок в четверть, в половину или в целый сантиметр. Эта же вышивальщица, находящаяся наверху, указывает, где надо шить, и для этого толстой иголкой прокалывает отверстие, куда вышивальщица, сидящая внизу, должна направить иголку с ниткой.

Для большой работы пальцы делают большие, плотные, чаще **дубовые**, величиной в 3—4 м. В соответствии с пальцами и стойки делаются большие. Размеры шитых жемчугом покровов и пелен иногда достигали значительной величины. В «Описи Покровского женского

Рис. 16. Подвесная пелена. XVI в.

монастыря в городе Суздале 7105 (1597) года» значит: «...покров тафта червчата пяти сажень без локти, наконешники низаны жемчугом по черной камке»⁹. В Суздальском краеведческом музее хранится подвесная пелена XVI века из Покровского монастыря (№ СМ-1055), размер ее 4,0X0,97 м (рис. 16 и 17).

Жемчужная нить обычно выкладывается по узору и прикрепляется другой нитью, белой, льняной или шелковой, поперечным стежком. При этом этой прикрепляющей нитью делается стежок за каждым зерном

Рис. 17. Деталь жемчужного шитья подвесной пелены, левый угол каймы внизу. XVI в.

Рис. 18. Кайма набедренника. XVI в.

жемчуга поверх настила, в край настила или шнура. Таким образом, жемчужная нить оказывается плотно прикрепленной к настилу, а после этого вытягивается при помощи витейки. Эти поперечные стежки создают гнезда для зерен жемчуга. В этих гнездах жемчуг настолько плотно сидит, что в вещах, где он спорот или обсыпался, по отпечаткам его в гнездах можно судить и о количестве утраченных зерен и об их величине. В старых описях XVI, XVII веков, дошедших до нашего времени, эти пустые гнезда давали возможность точно отличать утраты жемчуга ¹⁰.

Обычно жемчужное шитье по краям с обеих сторон обшивается **шнуром**, чаще золотным, особенно в вещах церковных. Шнур этот обычно делается самими же вышивальщицами из шести или семи золотных нитей, которые скручиваются вместе. Крутка шнура производится следующим образом: к устою или к крючку привязывается белая или золотная нитка в зависимости от того, какой нужен шнур. Нитка берется больше, длиннее необходимого размера шнура. Эта нитка надевается на крюк, укрепленный в стену, и снуется во сколько нужно ниток для известной толщины шнура. Затем с крюка снимается один конец и натянутые нитки крутятся в одну сторону. Когда они достаточно скручены, мастерица, сложив пополам скрученный шнур, крутит его уже сложенным в обратную сторону, тогда шнур готов к работе.

При начале работы конец шнура укрепляется следующим образом: два конца льняной нити вдеваются в толстую иголку, образовавшейся таким образом петель захватывается конец шнура и иголка продевается сквозь ткань возле настила, где начинается шитье жемчугом, на обратную сторону шитья, где и оставляется. Затем закрепляется шнур и пришивается тонкой крученой шелковиной ¹¹.

В Суздальском краеведческом музее хранится набедренник XVI века (№ СМ—552) венецианского золотного бархата, кайма на нем имеет по зеленоватой камке узор, шитый мелким жемчугом, оконтуренный золотным сканным шнуром, размер набедренника 1×0,51 м (кайма 51×8 см) (рис. 18).

Эта обводка шнуром жемчужного «сажения» производится при помощи витейки. О таком назначении витейки сохранилась архивная запись 137 г. (1629): «Октября 19 от царицы из хором принес дьяк Сурьянин Тороканов 2 фунта канители золоченой, да в слитке серебра 27½ зол. да на витейке золоченого серебра весом и с витейкою 38½ зол» ¹².

При пришивке шнура иголка вкалывается в середину крученого шнура.

На Московской Руси высоко ценилось шитье жемчугом, и вышивальщица, создававшая жемчужный узор, шила его так, что по изна-

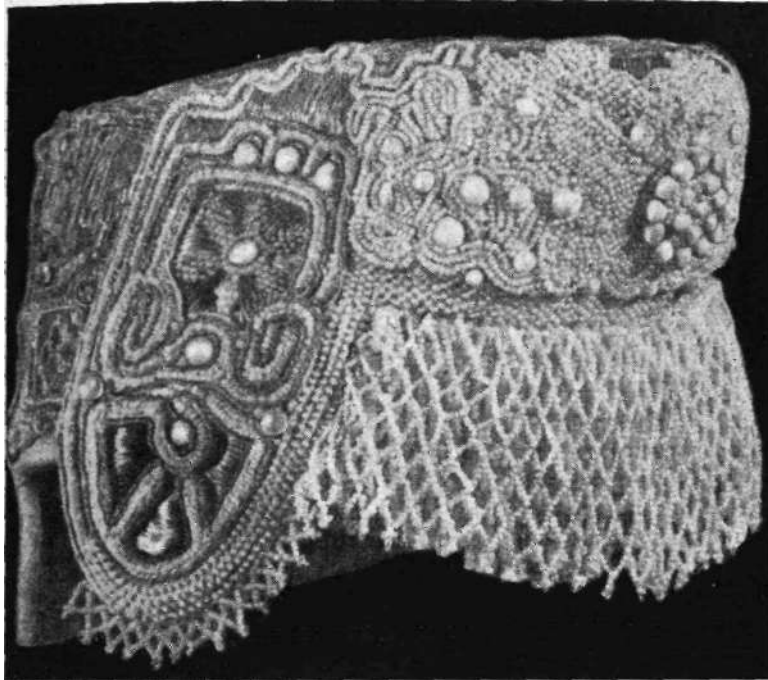

Рис. 19. Женский головной народный убор. XVIII в.

шивании ткани, то есть фона, жемчужное шитье, которое являлось более долговечным, можно было, вырезав по краю и не повредив пришивки шнура, переложить на новую ткань. Это обшивание жемчужного сажения золотым шнуром отмечается и в древних описях¹³.

Пряденое золото в виде «веревочки» вокруг жемчужного узора очень часто встречается на народных женских головных уборах. Этот технический прием сохраняется и в XVIII веке (рис. 20 и 21). На этом изображении дан головной убор XVIII века, возможно, свадебный, крестьянки бывш. Олонецкой губ. (ГИМ № 159/15898) с узором, саженым жемчугом, имеющим символическое значение: здесь шиты главным образом птицы, как символ счастья, орнамент яйцевидный и травный, и все жемчужное шитье обведено шнуром из пряденого золота.

Такую же технику шитья мы видим и на женском головном уборе «кика с рогом» (ГИМ № 131/50459) бывш. Вологодской губ. и Оло-

Рис. 20. Женский головной народный убор. XVIIIв.

Рис. 21. Женский головной народный убор. XVIII

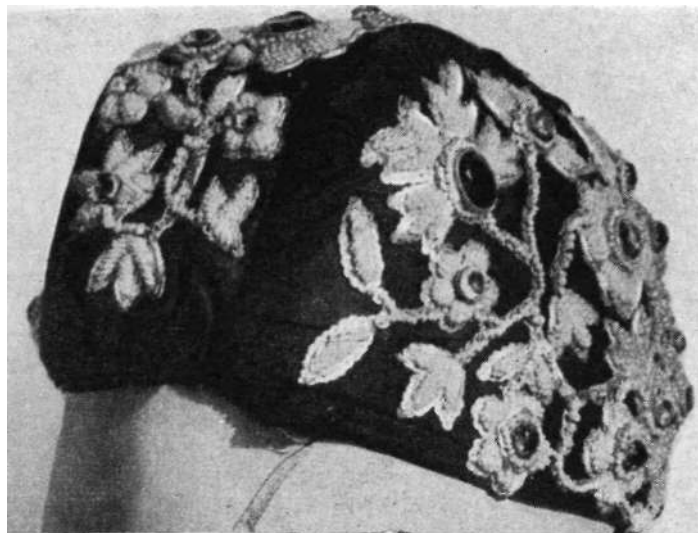

Рис. 22. Женский головной народный убор. Начало XIX в.

нецкой), богато расшитом жемчугом, половинчатым жемчугом и золотой веревочкой (рис. 19).

Обычно этот золотый шнур вокруг жемчужного сажения делается из пряженого золота, но встречаются древние памятники жемчужного **шитья**, где шнур сделан не из пряженого золота, а из канители. «У пречистыя богородицы пелена праздничная ...около всех дробниц и закраины у пелены обнизаны жемчугом середним и около всего жемчугу и **киотцев** и дробниц обведено канителью» .

Обв **одку** канителью находим и в описи большому государеву наряду, где дается описание «диадимы» ¹⁵.

Обводка жемчужного саженья канителью встречается редко на вещах церковных и чаще — на вещах народных. Ею часто обводится жемчужное шитье на народных женских головных уборах — кокошниках, киках, повязках, венцах, — причем иногда при обшивке канитель несколько растягивается.

«Веревка» вокруг жемчужного шитья бывает также и из сканного **золота** (золотая нитка, скрученная с цветной шелковой нитью). «Поручи отлас червлен с золотцем низаны жемчушком, обведены травы жемчужные золотом сканным» ¹⁶.

На народных женских головных уборах жемчужное саженье иногда обшивается просто блестками, как, например, на головном уборе из Великого Новгорода (ГИМ № 532/54786). Здесь дан сложный цветочный узор жемчужной нитью со вставкой цветных камней (рис. 22).

Все памятники древнего шитья «пяличного дела», дошедшие до нашего времени, — будь то жемчужные, или золотые, или шелком шитые, — обычно подклеивались, то есть с обратной стороны смазывались особым клеем — клейстером¹⁷. Подклеивание делалось для того, чтобы предохранить шитье от съезживания при освобождении его из пялец. Обычно в пяльцах ткань для работы натягивается очень туго: «натянуть, как барабан», — говорится про запяливание ткани.

Для клея употреблялись самые простые бытовые материалы: так, например, чистую мягкую пшеничную муку клали в посудину и заливали холодной водой или квасом до средней густоты. Затем ставили на огонь, мешали и до тех пор держали на огне, пока «не запахнет калачом», дальше масса остуживалась, и клей был готов.

Клей намазывался прямо рукой с обратной стороны шитья, а иногда, в особенности в крупных вещах, смазывалась полностью вся изнанка работы. В случае же слишком обильной смазки она чуть омывалась водой — разряжался клей. Очень часто клей для прочности варился не на чистой воде, а «на кислом квасу»¹⁸.

Несмотря на то, что древнее шитье обычно смазано клеем, оно в то же время редко подвергается порче жучком. Крайне важно при варке клея употреблять муку сухую, мягкую, пшеничную, и нужна опытная варщица клея, то есть нужно уметь сварить его в меру, тогда жучок не заводится, особенно когда клей приготовлен на квасу. Опытные вышивальщицы владели секретами приготовления клея.

Говоря о шитье жемчугом, употребляют термины «низанье» и «саженье». Техника шитья «низанья» и «саженья» жемчугом довольно сложная. В шитье жемчугом надо различать два основных вида работы: работы первого рода — это низание насквозь, нанизывание жемчуга на нитку без ткани, сквозной сеткой, что имело много общего с кружевной работой и нередко с ней сочеталось.

В XVI и XVII веках было очень распространено на древней Руси золотное плетеное на коклюшках кружево. Нередко в кружево вплеталась жемчужная нить. Это является особенностью именно русского кружева.

В «Описи казне и платью царевны Ирины Михайловны 7138—7141 (1629—1632) годов» приведено описание телогреи: «Телогрея отлас червчат гладкой; кружево плетеное, золотное. Меж золота низаны жемчугом репы»¹⁹.

Работа второго типа, «саженье жемчугом», — это прикрепление жемчужной нити к ткани, когда жемчуг нанизывается на какую-либо ткань,

что приближает саженье жемчугом к вышивке. При саженье жемчуга на ткань зерна нашиваются либо непосредственно на ткань²⁰ (см. рис. 37 и 69), либо, что бывает чаще, на выметку — настил²¹.

В XVI веке термины саженье и низанье ясно разграничивались. Так, например, в грамоте 1503 года читаем: «Да ожерелье сажоно, а из-под него ряд **снизан**»²². Но в дошедших архивных памятниках эти термины уже не различались.

Техникой второго типа, по настилу, выполнено большинство религиозных памятников XVI—XVII веков, шитых жемчугом, а также почти все народные головные уборы, сохранившиеся до нашего времени.

В зависимости от расположения зерен жемчуга при нанизывании существуют различные способы «низанья» жемчуга, которые имеют свои особенные технические названия, специальные термины. Так, например, обнизывать жемчугом, насаживая одно зерно в ряд к другому, можно в «одну нить», в «две нити» или «веревкой», «веревочкой», в «две веревочки». «На образе пресвятыя богородицы Гефсиманские.. обнизаны средним кафимским жемчугом в одну нить, венец кругом весь по краю обнизан в две веревочки кафимским же крупным и средним жемчугом»²³. А также: «Пелена отлас турецкой золотной клетчатой по красной земле... кругом дробницы в две нити обнизаны кафимским мелким жемчугом»²⁴.

Есть еще способ обнизывания — в «снизку»: «Покров гроба Иова патриарха, бархатной, таусиной, на нем крест с дробницами..., а около тех всех дробниц и трость и копке и подписи слова низаны средним жемчугом, а Адамля глава вынизана в снизку мелким жемчугом»²⁵.

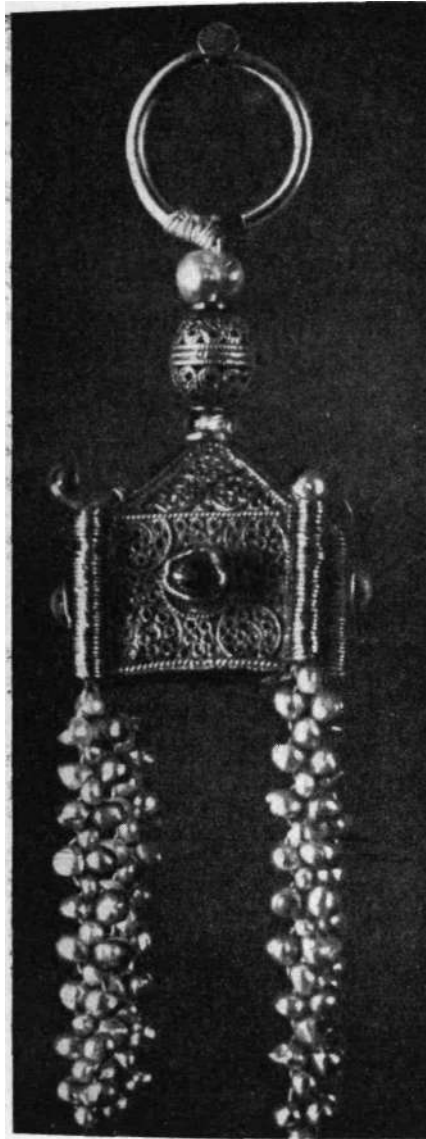
Нередко в старых описях встречаем такое выражение: «в одну прять», в «две пряти» и т. д.: «да двои сережки жемчужные по четыре пряти»²⁶.

Длинные жемчужные нити в одну или несколько прядей шли на так называемые «рясна», носимые при киках. С упоминанием о ряснах мы встречаемся; неоднократно в наших старинных источниках. Богатый материал по ряснам дает опись XVI века суздальского Покровского-женского монастыря, изданная как приложение к книге «Памятники старинного русского искусства в Суздальском музее» (текст Е. В. Георгиевской-Дружининой).

Особенно великолепным образцом убранства ряснами может служить головной убор богоматери на пелене XVI века вклада первой жены царя Ивана Грозного, Анастасии Романовны²⁷ (рис. 23). Эти рясна представляют собой жемчужные пряди, или, говоря языком древних описей, «пряти», скрепленные сверху колодками с кольцами (рис. 24). Длина этих прядей около 35 см (ввиду прорыва трудно точно установить).

Рис. 23. Пелена вклада Анастасии Романовны,
первой жены Ивана Грозного. XVI в.

• 24. Жемчужные рясна Анастасии Романовны. Деталь. XVI в.

Название этого способа низанья, саженья жемчугом — «рясою» или «ряскою» — произошло, вероятно, от слова «рясна», то есть бахромой или кистями.

Еще одним из способов низанья, саженья жемчугом было низанье «в рефид», в «варефид», «в рефить», «в арефедь», то есть в косую клетку — ромбами, в результате чего получалась жемчужная сетка²⁸; «двой поручи, а около каем обнизано в рефид мелким жемчугом»²⁹.

Такое саженье в «рефидь» имеется на нимбе пелены Грузинской богородицы и выполнено средним жемчугом.

В народной одежде «рефидью» часто называется поднизь жемчужная у женского головного убора. Так, А. Н. Волконский, помещая свои воспоминания в «Русском архиве», дает некоторые сведения о женских крестьянских одеждах Нижегородской губернии. Он пишет, что «крестьянки... на переднюю часть головы надевали рефети, тоже жемчужные».

Можно предполагать, что близок к этим «рефетям» и другой головной убор — так называемые «рефеля», — на который указывает рукопись 50-х годов XIX века в Нижегородской губ., в селе Ворсма, Горбатовского уезда³².

Близко к «рефеди», то есть к косой клетке, стоит способ низанья, саженья жемчуга «в сетку» прямую, «решеткой» и «клетками», «фонариком». Надо еще отметить один из способов шитья жемчугом — «в шахмат», при расположении зерен

жемчуга в виде узора шахматной доски. Этим способом низались, например, ожерелья-воротники мужские пристежные к разным одеждам. Таким ожерельем был пожалован принявший христианскую веру в 152 году (1644) Григорий князь **Сунгалеев** сын Черкасской. Он получил жалованья от царя Михаила Федоровича кроме сорочки и портов «ожерелье пристяжное низано в шахмат с пуговицами с лаловыми и с яхонтовыми с зерены в 56 руб. с четью»³³.

Благодаря исключительной точности в описании дьяками казны в описных и приходе-расходных книгах «Большой государевой шкатулы» до нас дошла подробная опись ожерелья царя Михаила Федоровича, которое тоже было низано «в шахмат». В описи указывается количество зерен жемчуга в каждом «шахмате» и в общем низанье и число этих «Шахматов».

«Ожерелье пристежное, низано по отласу по червчатому жемчугом гурмыжским в шахмат, 15 Шахматов, а в шахмате по 16 зерен. И тсго 240 зерен, ценили золотого дела мастера 300 рублей, а торговые люди оценили 200 рублей»³⁴. По оценке видно, насколько было великолепно это пристежное царское ожерелье, низанное в шахматы.

Затем есть еще способ саженья жемчуга — в «крест», «крестик», «крестец». Таким узором сажено на подвесной пелене Грузинской богоматери по краю **мефория** и рукава (рис. 23).

Кроме основных узоров — «клетка», «шахматы», «крестик» и прочих — жемчужной нитью дается и более разнообразный, иногда очень сложный узор. Часто встречается узор «трав», жемчугом выполняются буквы, надписи на церковных пеленах и других предметах, что придает надписи вид орнамента³⁶.

При «сквозном» низанье или при «прорезном» шитье часто для достижения большого колористического эффекта под шитье жемчугом подкладывалась разноцветная фольга (очень тонкий лист меди, окрашенный чаще всего в алый цвет), что обычно встречается в народных женских головных уборах.

Интересно отметить особый вид техники: выполнение узоров **так** называемым «высоким» или «возвышенным» шитьем, под которым понимается обычно шитье жемчугом не прямо по ткани или по «бели», а по накладке.

Накладка эта бывает довольно высокой и иногда достигает 3—4 см, особенно на головных женских народных уборах. Эта выпуклая накладка делается из бересты, или из кожи, или из другого плотного материала и покрывается тонкой тканью. На эту настилку-выпуклость накладывается жемчужная нить и прошивается насквозь, прикрепляясь к основной ткани. Если же накладка очень высока, то она выделяется, расшивается отдельно, а затем в расшитом готовом виде прикрепляется к основному **шитью**.

Из особенно интересных примеров «высокого» шитья приведем женский головной убор XVIII века бывш. Псковской губ., Торопецкого уезда (рис. 25). На этом уборе спереди нашиты конусообразные "шишки"; торчащие над лбом (ГИМ, № 191/23152/Щ).

В XVIII и отчасти в XIX веке применялась особая техника рельефного жемчужного шитья. Она заключается в искусном подборе жемчуга различной величины, который при сплошном нанизывании дает шитье различных уровней, производящее впечатление рельефа. Эта техника наблюдается в жемчужном шитье орнаментальной детали омофора (см. рис. 37), хранящегося в Архангельском областном краеведческом музее (оп. № 146). Оно выполнено жемчугом различной величины, дающим различные уровни. В рельефный жемчужный орнамент вкраплены цветные камни. Как особенность стоит отметить шитье жемчугом без настила непосредственно по ткани.

Прежде чем нашивать жемчуг, вышивальщица наносила нужный узор на ткань мелом, углем или красками.

Узоры для низанья, так же как и для вышивания, помимо самих вышивальщиц выполнялись в зависимости от сложности узоров также и квалифицированными художниками того времени — «знаменщиками». Имена этих художников далеко не все дошли до нас, но все же некоторые из них упоминаются в старинных рукописях. Так, например, известно, что во второй половине XVI века Посник Дмитриев сын Ростовец «знаменовал» покров, который расшивался жемчугом. «В 1584 году, марта 30 он получил в награду сукно английское доброе, зато — знаменовал он на гроб государев царев и великого князя Ивана Васильевича, во иноцех Иону, покров бархат венедицкой черн гладкой, сажали жемчугом с дробницами»³¹. Кто был этот знаменщик Посник Дмитриев сын Ростовец, более точных сведений нам не удалось получить. Но, видимо, это был, несомненно, большой художник, если ему поручили разрисовать под шитье жемчугом покров для усопшего царя Ивана Грозного. Трудно утверждать, но возможно, что это был тот самый Посник, имя которого с другим русским зодчим, Бармою, упоминается при постройке храма Василия Блаженного (Покровского собора). Известно еще одно имя: в первой половине XVII века художником, делавшим узоры «под низанье», был Гомулин Иван Ильин, государева серебряного дела знаменщик, считавшийся одним из лучших мастеров своей эпохи. «Знаменовал он серебряные вещи в 20-х годах А в XVII века на Государевом Патриаршем дворе, в 30-х годах знаменил он серебряный вкладень с блюдом, серебряные братины и т. д.» . А в 1643 году июня 4 «знаменил крест на гроб царевича Ивана Михайловича да к стихарю оплечье под низанье, что Верху в собор Пречистые Богородицы; да тропарь да кондак Александру Сверхскому чудотворцу. На эту работу ему понадобилось 5 дней»³⁹;

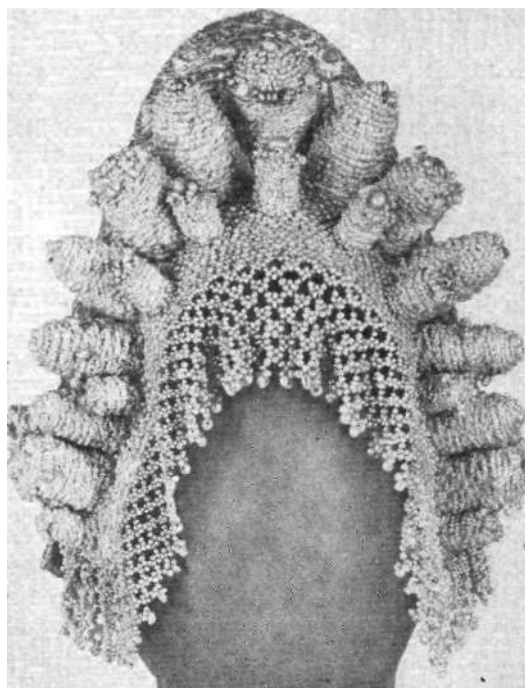

Рис. 25. Женский народный головной убор. XVIII в.

Мастерство шитья жемчугом считалось одной из сложных женских работ.

До нас дошло мало сведений об оплате труда вышивальщиц жемчугом, так как в феодальных светских и церковных мастерских этот труд в большинстве случаев не оплачивался, за исключением заказов, поступавших извне.

Однако сохранились документальные свидетельства об оплате работы отдельных мастериц-вышивальщиц: «188 г. (1680), генваря 17, по указу патриарха сделана в его патриаршу ризную казну палица понахидная на вишневом отласе, а на палице государева мастерица вдова Мария Горяинова вышила золотом и серебром образ распятие да херувимы в лицах и около Спасова образа и херувимов обнизала домовым жемчугом и за работу ее той палицы 5 рублев дано»⁴⁰.

Другой документ сообщает: «189 г. (1681)... построено Иосифом митрополитом в соборную церковь (Переяславля Рязанского) плащаница большая... а шила оную разными шелками и серебром и золотом и низала жемчугом Григория Димитриевича Строганова прикащика его Алексеева жена Агапова. Дано ей за те труды 80 рублей»⁴¹ -

Из приведенного материала видно, что оплата за труд вышивальщицы была довольно значительная, так как курс рубля того времени был очень высок.

Приведенные документы любопытны также и тем, что они донесли до нашего времени имена скромных мастериц этого большого искусства, так как обычно источники не упоминают имен вышивальщиц.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ШИТЬЕ ЖЕМЧУГОМ НА ПРЕДМЕТАХ БЫТА

Широкое распространение жемчужного шитья в светском и церковном быте. — Функция жемчужного шитья в XI—XV веках и как особенность — слабая насыщенность его жемчугом. — Развитие жемчужного шитья в XVI—XVII веках, сильное насыщение его жемчугом и драгоценными материалами, доходящее до перегрузки. — Изменения в жемчужном шитье XVIII века. — Две линии развития — народное шитье, церковное шитье. — Последний этап в развитии жемчужного шитья XIX — начала XX века. — Уход жемчужного шитья из народного быта. — Перерождение церковного жемчужного шитья в шитье поддельным жемчугом

Основными предметами быта, на которые распространялось шитье жемчугом, была одежда. Им украшалась главным образом праздничная одежда, а в правящих кругах — повседневная. Значение одежды в быту древней Руси было очень велико; ее очень ценили. Это можно объяснить тем, что при низком уровне техники того времени изготовление ткани, даже простой, требовало очень много труда, умения и времени.

Изготовление же узорной, богатой ткани из ценной пряжи — тонкой шерсти, шелка, золотной нити и пр. — требовало большого мастерства, порой переходящего в искусство. Можно себе представить, как могли цениться одежды, построенные из дорогих шелковых, золотных и других тканей.

Высокая стоимость материала, из которого изготовлялась одежда, и его добротность вызывали бережное отношение к одежде. Она передавалась, как ценная вещь, по наследству. Это практиковалось и у простого народа и у верхушки феодального общества.

Начиная с XIV века в духовных грамотах князей мы постоянно встречаем передачу одежд наряду с другими ценными предметами.

Одной из особенностей одежд в древней Руси, как и вообще древней одежды, была большая устойчивость покроя. Ряды поколений продолжали носить ту же одежду, делая лишь малые изменения. Повидимому, эта устойчивость может быть в значительной степени объяснена ценностью материала, который шел на ее изготовление, а давно установившийся покрой отвечал практическим требованиям.

Главное внимание обращалось на материал, из которого была построена одежда, и чем она была украшена. Покрой оставался единым во всех слоях общества. Но одежда простолюдина существенно отличалась от одежды «знатного» человека. Отличалась она именно материалом и украшением. В народе главным образом бытовали ткани домашней выработки — из шерсти, льна, конопли.

Богатые слои общества пользовались и своими тканями более тонкой выработки и привозными — золотными, шелковыми, шерстяными. Одежды, построенные из этих тканей, часто покрывались жемчужным шитьем.

Документальный материал начиная с XIV века дает сведения о тканях, которые шли на одежды имущих классов (объярь, парча, **зендень**, отлас и пр.). Подробно описывается самая ткань (парча «золотная», бархат «рытый», «двоеморхий» и пр.), ее свойства (шелк «дорогильный», камка куфтерь и пр.) и расцветка (бархат «крапивный», камка «огненная» и т. д.), ее узоры (изорбаф «чешуйчатый», камка «с репы», травы «большой руки»). Обычно дается точное название ткани (камка «бурская», бархат «венецийский», бархат «турский» шелк «шемаханский», «лундыш английской» и пр.).

Далее указывается покроем одежды и все украшения на ней: ожерелье, пуговицы, вошвы, жемчуг и драгоценные камни. Причем описывается это крайне подробно. Пуговицы описываются, например, с указанием материала, выделки и формы. Что же касается драгоценных украшений, то на них обычно останавливаются особенно. И часто даже упоминается о смене одного драгоценного камня другим — то есть дается как бы история одежды. Неизменно отмечается утеря даже самого незначительного жемчуга, бирюзы, лала. Почти всегда указывается количество камней, их название, величина, отделка (в «гнездах», на «спнях» и пр.) Часто указывается форма жемчуга, количество зерен, иногда вес его и цена.

Как по сохранившимся памятникам, так и по рукописным данным мы видим, что жемчугом и драгоценными камнями украшались одежды как женские, так и мужские.

В древнерусской одежде жемчуг имеет самое широкое применение. Этот благородный материал опоэтизирован русским народом. Его белизна, матовый, переливчатый блеск делают его эмблемой чистоты и **святости**.

Насколько многообразно было применение жемчужного шитья, какова была степень его насыщения жемчугом, мы можем судить по разным видам источников.

Древнерусская живопись — фреска, икона и мозаика — с XI века свидетельствует о широком применении жемчужного шитья в русской одежде, головных уборах, обуви и пр.

Особенно важны для нас ранние фрески XI века в соборе Новгородской Софии — изображение пророка Соломона и фрагмент фрески, дающий, повидимому, портретное изображение княжеской **семьи**¹. На обеих фресках жемчужное шитье прослеживается достаточно отчетливо. На одежде и головном уборе пророка Соломона видна орнаментация жемчужным шитьем (см. рис. 6). Она состоит из рядов жемчужных зерен, посаженных на некотором расстоянии друг от друга. Приблизительно тот же характер носит изображение жемчужного шитья и на фрагменте фрески. На одежде первой мужской фигуры орнамент состоял, повидимому, из больших концентрических кругов, между которыми шло жемчужное шитье, состоящее из отдельных посаженных друг за другом зерен. На головных уборах двух других фигур жемчужное шитье представляет собой отдельно сидящие зерна.

Функция жемчужного шитья в украшении одежд значительна, хотя шитье еще сравнительно слабо насыщено жемчугом.

То же можно сказать и о мозаике XI века. В куполе собора св. Софии в Киеве XI века из четырех мозаичных фигур архангелов сохранилась лишь одна. Одежда этого архангела покрыта жемчужным шитьем. Прерывистая жемчужная линия окаймляет одежду; отдельные жемчужины разбросаны по ее полю.

Те же явления наблюдаются и в следующем столетии. Фрески XII века дают изображения одежд, головных уборов и обуви, покрытых жемчужным шитьем.

В росписи церкви Спаса **Нередицы** под Новгородом, 1199 года, обладавшей на редкость полным и обширным иконографическим ансамблем, богатым материалом по истории русской одежды, можно проследить широкое применение жемчужного шитья как в самой одежде, так и в сопровождающих образ эмблемах и предметах обихода. Князь ктитор (основатель) Ярослав Владимирович (в нише южной стены) изображен в корзно (вид плаща, обычно с застежкой на плече), край которого обведен жемчужной каймой с прерывистым рядом жемчужин. На корзно жемчужным шитьем даются концентрические круги, между которыми прерывистый ряд жемчужин (как на фрагменте фрески XI века из собора Софии Новгородской), а внутри круга геральдический орнамент. На обуви жемчужное шитье окаймляет голенища и идет от носка до верха подъема.

За исключением одежды князя-ктитора Ярослава Владимировича, которому подобает иметь богатую одежду, украшенную драгоценными камнями и жемчугом, нигде жемчуг не подчеркивает богатства изображаемого лица.

Как выражение идеи чистоты и святости жемчуг сопровождает изображения ангелов и архангелов, украшая шитьем их оплечья, одежды, головные ленты, даже края крыльев (у ангелов, поддерживаю-

щих ореол Христа в куполе). В «Страшном суде» ангелы, стоящие за рядом сидящих апостолов, видны по грудь. Видимая часть одежды сплошь украшена **жемчужным** шитьем; она виднеется между головами апостолов. Жемчуг, как бы струясь, служит своеобразным обрамлением голов апостолов и участвует в общем композиционном замысле²

В изображениях святых жен введение жемчуга имело целью подчеркнуть не богатство, а их достоинство. Так, св. Христина имеет головной убор в виде короны (очень близкий к народным женским головным уборам архангельским, вологодским), расшитый жемчугом — прерывистым рядом со спускающимися по сторонам жемчужными рядами. Жемчугом же расшиты плечье, зарукавья и передняя полоса одежды. Шитье вводится в виде небольших четырехугольников с жемчужинами по углам.

Некоторые из фигур этого цикла имеют украшенные жемчугом отдельные части одежды. У св. Феклы по краю плаща идет кайма с нашитым на нее рядом крупных жемчужин. В композиции «Введение во храм» на северной стене можно видеть такую же полосу с рядом жемчужин, окаймляющую мантию священника. Мантия имеет у ворота круглую застежку — фибулу, украшенную жемчугом. Здесь мы видим бытовые одежды на юных подругах девицы Марии — с воротами-оплечьями, краями платья, расшитыми жемчугом.

На фреске **XII** века в Димитровском соборе с изображением «праведных жен» также наблюдается жемчужное шитье, украшающее одежды. По своему характеру оно аналогично изображению жемчужного шитья на фресках церкви Спаса Нередицы.

Материальным памятником от **XII** века являются шитые поручи, по преданию принадлежавшие: **Варлааму** Хутынскому (ум. 1193), хранящиеся в музее Новгорода Великого (см. рис. 13). При описании поручей необходимо отметить выполнение шитых надписей русскими буквами. Надписи, несомненно, сохранились древние. На одной — «агиос Иоан», а на другой — «**Иован**». Эти надписи свидетельствуют о русском происхождении памятника. Размеры поручей — 26X43,5 см и 25 X 45,5 см.

Поручи построены из шелковой рубчатой темносиней ткани. Шитые изображения обеих поручей аналогичны. Орнамент состоит из трех полукруглых арок. В арках расположены изображения «Деисуса» (Христос, дева Мария, Иоанн). Колонны арок украшены растительным орнаментом. Изображения выполнены золоченым серебром в «прикреп» узором «в клопчик». Тем же узором шиты нимбы, арки и орнамент. Контуры фигуры и нимбов обнизаны мелким жемчугом.

Насколько в **XII** веке велико было количество шитых жемчугом **облачений**, хранившихся в ризницах, свидетельствует упоминание Ипатьевской летописи 1183 года. Летописец, желая передать кар-

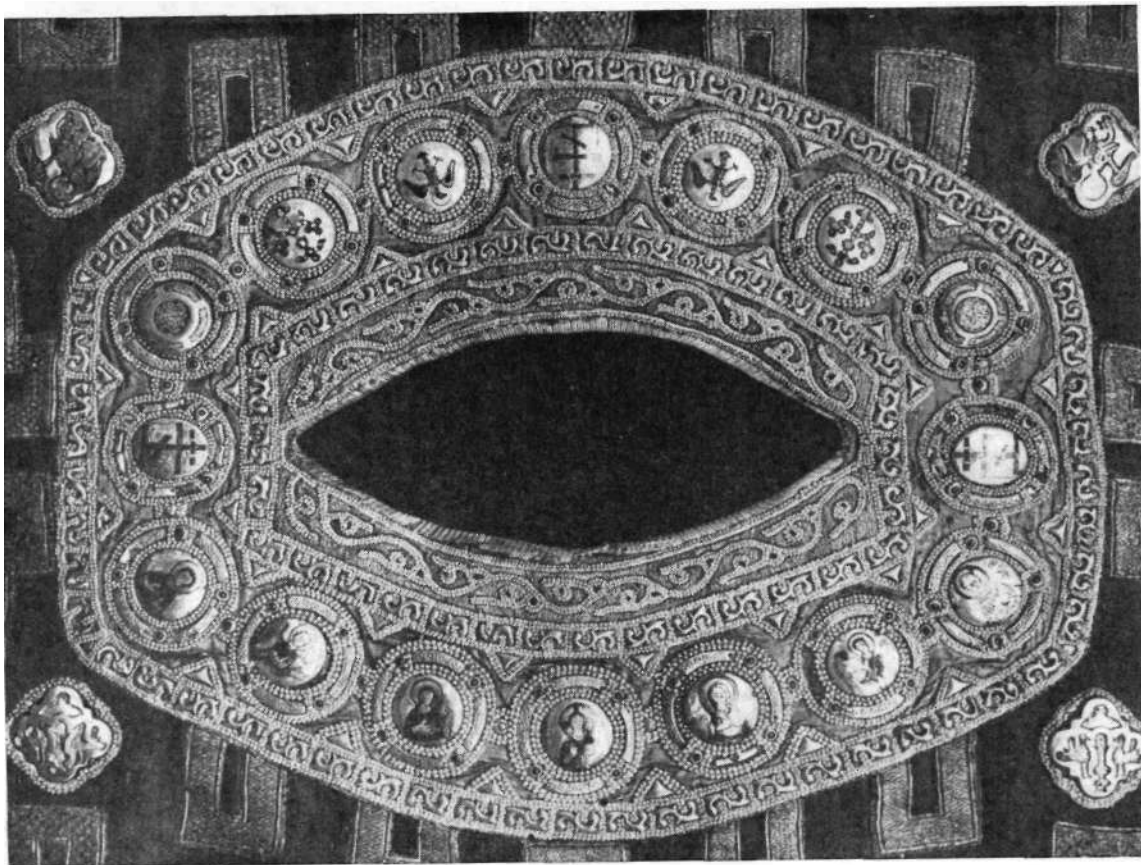

Рис. 26. Оплечье саккоса митрополита Алексия. XIV в.

тину бедствия, которое нанес пожар стольному городу Владимиру, свидетельствует: «бысть пожар велик» — сгорел Успенский собор Боголюбского «Богородица Золотоверхая» в городе Владимире Суздальском.

В этой церкви в числе других «узорочии» сгорело много «порт шитых золотом и жемчугом, еже вешали на праздник в две верви от Золотых ворот до Богородице, а от Богородице до владычных сеней в две же верви, чюдных»³.

По этому документальному сообщению мы можем составить себе представление об обилии шитых золотом и жемчугом церковных облачений.

Пространство между этими архитектурными сооружениями, где протягивались «верви», весьма значительное⁴. Если церковь располагала таким большим количеством шитых жемчугом облачений, то несомненно, что и в светском быте общее количество одежд, шитых жемчугом, было еще значительнее.

Материал по жемчужному шитью XIII столетия очень скуден. Это объясняется опустошением, которое причинило татарское нашествие. От конца XIII века до нас дошло фресковое изображение князей Бориса и Глеба в церкви Николы на Липне близ Новгорода. На обоих князьях надеты корзна, под которыми видны кафтаны. На ногах обувь, напоминающая сандалии. Корзна, кафтаны, зарукавья, пояса и обувь орнаментированы жемчужным шитьем. У обоих князей край корзна окаймлен узкой золотой полосой, по которой на некотором расстоянии друг от друга посажены отдельные жемчужные зерна.

На кафтане Бориса спереди виден узор, состоящий из концентрических кругов, внутри которых посажен ряд отдельных жемчужин. По низу кафтана идет широкая кайма с орнаментом из ромбов. Внутри каждого ромба посажено по жемчужине. Сходный узор видим и на кафтане Глеба.

Пояса и зарукавья князей окаймлены по обоим краям рядами отдельных жемчужных зерен. Ремни сандалий также украшены отдельными идущими одна за другой жемчужинами.

Жемчужное шитье XIII века сохраняет те же черты, которые прослеживались в XI и XII веках. Жемчужное шитье составляет главный элемент в украшении, но оно мало насыщено жемчугом, который «садится» отдельными зернами.

И в XIV веке, несмотря на тяжелые последствия татарского нашествия, несмотря на суровые экономические и политические условия жизни, жемчужное шитье продолжает применяться как в светском, так и церковном быте. Летописец упоминает о шитых жемчугом предметах. При нашествии на Москву в 1382 году Тохтамыша татары «пелены шитые золотом и жемчугом ободраша»⁵.

Рис. 27. Деталь жемчужного шитья оплечья саккоса митрополита Алексия. XIV в.

Наши сведения о жемчужном шитье в XIV веке весьма ограничены. Материал, которым мы располагаем, представляет собой главным образом перечисления в «духовных» грамотах шитых жемчугом одежд, иногда с некоторым описанием. Мы получаем сведения о применении жемчужного шитья в одежде того времени и о различных видах одежды, на которые оно распространялось.

Одежды, «саженные» жемчугом высокого качества, представляли большую ценность, поэтому они особо отмечались в духовных грамотах московских князей. Благодаря этому до нас дошли и названия этих одежд.

От первой половины XIV века упоминание о шитых жемчугом одеждах имеется в духовной грамоте вел. кн. Ивана Даниловича Калиты (1326): «А ис порт из моих сыну моему Семену кожух червленой жемчужной», другому сыну, Ивану «кожух желтая обирь... с жемчугом» и далее в этой же грамоте Ивана Калиты упоминаются еще два украшенных жемчугом кожуха: «...а что есмь ныне нарядил два кожуха с лалами, с жемчугом, а то есмь дал меньшим детям своим Марьи же и **Феодосьи** ожерельем»⁶.

В этой же «духовной» Иван Калита своему третьему сыну, Андрею, передает «бугай»⁷ соболей с наплечки с великим жемчугом с камнем».

Необходимой частью русской одежды, как мужской, так и женской, были пояса. Пояс помимо практического назначения должен был и **украшать** одежду. Поэтому они часто расшивались жемчугом.

В духовной грамоте от 1328 года Ивана Калиты среди перечисляемых вещей находятся ценные пояса: «...пояс большой с жемчугом с камнем»⁸. Очень часто и в последующие века в «духовных», рядных и прочих документах упоминаются пояса, саженные жемчугом.

К числу украшавшихся жемчугом одежд относятся «опашень»⁹ л «однорядка». В духовной грамоте вел. кн. Ивана Ивановича Красного, отца Дмитрия Донского, при перечислении одежд, передаваемых сыновьям Дмитрию и Ивану, говорится: «...опашень скарлатен сажон», то есть опашень суконный алый, шитый жемчугом. И там же: «Однорядка скарлатна строка сажена жемчугом Гурмыским, а пуговицы у нее лалцы и плохое камень и жемчужки»¹⁰, то есть однорядка алого сукна, возможно, по шву шита «гурмышским» жемчугом, и т. д.

От второй половины XIV века также имеется упоминание о шитых жемчугом одеждах в духовной грамоте 1311 года Дмитрия **Ивановича** Донского. Великий князь передает своему сыну князю Василию Дмитриевичу¹¹ «порты саженые»¹², то есть какие-то одежды, шитые жемчугом, без уточнения их названия. В той же «духовной» упоминается еще одна верхняя одежда, украшенная жемчугом, — «вотола сажена»¹³.

Как видно из приведенного материала, он не дает нам сведений о характере орнаментации и о степени насыщения шитья жемчугом. Мы можем делать предположения о виде этого шитья, основываясь на единичных памятниках материальной культуры XIV века и на более раннем и на более позднем материале памятников изобразительного искусства, относящихся к концу XIII и началу XV века. Это изображение жемчужного шитья, во-первых, на одеждах Бориса и Глеба (фреска XIII века в храме Николы на Липне) и, во-вторых, на одной из «праведных жен, идущих в рай» (фреска Андрея Рублева начала XV века в Успенском соборе во Владимире).

Функция жемчужного шитья XIII века состояла в окаймлении различных частей одежды рядом отдельно посаженных жемчужных зерен или из зкрапления в орнамент отдельных жемчужин.

В начале XV века, судя по фреске Рублева, функция шитья заключалась в окаймлении ворота, передней полосы с застежкой и полосы по подолу одежды. Это окаймление осуществлялось путем последовательного «сажения» жемчужных зерен, образующих сплошную линию.

Возможно, что орнаментация перечисляемых в духовных грамотах одежд носила тот же характер.

Упоминание в «духовной» Ивана Калиты, что оплечье бугая сажено «великим жемчугом», указывает на орнаментацию оплечья отдельными жемчужинами.

Материальным памятником жемчужного шитья первой половины XIV века является епитрахиль московского митрополита Петра. Узор шитья жемчугом епитрахили состоит из стилизованных деревьев и напоминает скульптурный орнамент XIII века на стенах собора в Юрьеве-Польском. Узор епитрахили выполнен жемчужным «сажением» в виде сплошной линии жемчуга, дающей рисунок орнамента. В этом памятнике видим тот же принцип орнаментации жемчугом, который наблюдается и в XII веке на поручах Варлаамия Хутынского, с той разницей, что здесь в состав орнамента введены дробницы.

Ко второй половине XIV века относится жемчужное шитье на оплечье саккоса митрополита Алексия (1348—1378), (О П № 12001) (рис. 26 и 27). Орнамент оплечья состоит из шестнадцати круглых дробниц; вокруг дробниц двойная обнизь жемчугом. Затем круг, состоящий из плащиков, жемчуга и драгоценных камней, и снова двойная обнизь жемчугом. Сверху и снизу весь орнамент окаймлен жемчужным шитьем в сочетании с плащиками своеобразной формы (археологическое — «птенцы»). У горловины травный орнамент выполнен жемчужным шитьем.

Как и на жемчужном шитье епитрахили митрополита Петра, функция жемчужного шитья состоит в обведении контура орнамента. Жемчужное шитье сочетается с дробницами.

Памятником, в своей основе относящимся к XIV веку, являются поручи, по преданию митрополита Алексия (№ ОП 12064). По описи 1651 года они были приписаны митрополиту Фотию (XV в.). Повидимому, шитье на поручах неоднократно обогащалось, о чем свидетельствуют плащи и дробницы, относящиеся к разным столетиям XII—XV—XVII веков.

Поручи эти лазоревого атласа. Орнамент их состоит из крупных дробниц, образующих ряд косых крестов. Дробницы обведены рядами плащиков, обнизанных жемчугом. По верхнему краю поручи окаймлены рядом плащиков, оконтуренных с обеих сторон жемчугом. По нижнему краю имеется ряд драгоценных камней в гнездах, также оконтуренных жемчужной обнизью (рис. 28).

Материал для изучения жемчужного шитья XV века также не отличается обширностью, но он представлен всеми видами источников. В нем уже начинают сказываться те характерные особенности, которые получают дальнейшее развитие в XVI и XVII столетиях, то есть самостоятельное значение жемчужного шитья и высокая степень насыщенности его жемчугом.

Как уже указывалось, от начала XV века мы имеем изображение жемчужного шитья на фреске Андрея Рублева (Успенский собор во Владимире) с изображением «праведных еи, идущих в рай». На женской фигуре переднего плана живописной композиции можно видеть одеяние, расшитое жемчугом. Жемчужное шитье представляет собой обрамление сплошной жемчужной нитью крайних частей рдежды.

К первой четверти XV века относится саккос митрополита Фотия («большой саккос», ОП № 12002). Это митрополичье облачение построено в Византии. Саккос орнаментирован шитьем золотной и шелковой нитью. Шитьем даются изображения двенадцатых праздников, отдельных сцен с евангельскими сюжетами и портретные изображения византийского имп. Иоанна Палеолога с супругой, русской княжной Анной, и родителей имп. Анны вел. князя московского Василия Дмитриевича с вел. кн. Софией Витовтовной.

Этот памятник византийского шитья уже позднее на Руси подвергся дополнительной обработке в соответствии с местными эстетическими запросами. Весь многофигурный тематический орнамент византийского шитья был обнизан по контуру жемчугом¹⁴, что придало шитью большее величие, хотя и снизило его художественную ценность.

В Оружейной палате хранятся также другие шитые жемчугом части облачения митрополита Фотия: Палица (ОП № 12093), на которой золотной нитью шит многофигурный тематический орнамент, ~~вписанный~~ в круг. Контуров фигур, предметов и круг обнизаны жемчугом. Жемчугом вынизан текст молитвы. Вся палица по краям оконтурена жемчугом. Епитрахиль (ОП № 12106), на которой золотным

шитьем даны изображения Богоматери и Крестителя во весь рост. Под каждой фигурой в кругах даны поясные изображения святых. Круги расположены в несколько рядов, по два в каждом. Епитрахиль окаймлена травным орнаментом. Обе фигуры линии одежд и нимбы оконтурены жемчужным шитьем. Так же выполнены круги, нимбы святых и травный орнамент окаймления епитрахили (рис. 29).

Жемчужное шитье палицы и епитрахили сильно насыщено жемчугом, так же как и шитье саккоса. Здесь мы уже имеем образец такого шитья жемчугом, когда этот материал начинает играть самодовлеющую роль, не оправданную требованиями композиции орнамента. Эта тенденция получает развитие в XVI и в XVII веках. В XV веке она лишь намечается.

Как образец шитья, сильно насыщенного жемчугом, можно привести оплечье фелони Пафнутия Боровского (1475) (ГИМ № РБ 2654/78291). Чешуйчатый орнамент шитья «сажен» жемчугом и заполняет все оплечье. В это сплошное жемчужное шитье вкраплены серебряные с чернью дробницы и серебряные каплевидные плащики (рис. 30). О широком применении жемчужного шитья в одежде и высоком качестве этого материала в шитье свидетельствуют духовные грамоты кн. Михаила Андреевича Верейского (1486). В этих документах мы читаем: «...ожерелье пристяжное с передцы низано тогож ожерелья запястье великим жемчугом низано». И там же «ожерелье с великими яхонты сажено з зерны с великими»¹⁵. (В первом случае пристежной

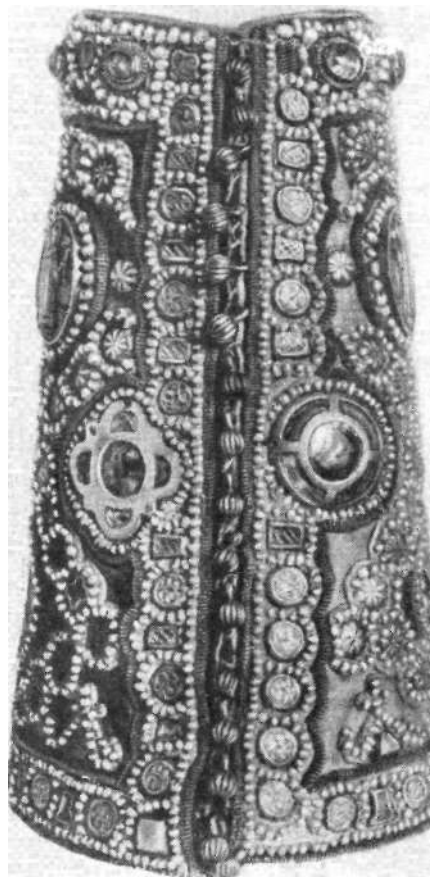

Рис. 28. Поручи митрополита Алексия XIV в.

воротник, шитый по переду жемчугом, и к нему такого же вида зарукавье во втором случае тоже воротник, сажженный яхонтами и жемчугом.)

Далее читаем: «...сорочка шидена сажена з дробницею» (сорочка ситцевая шитая жемчугом с дробницами). Сорочки, как мужские, так и женские

шили жемчугом по вороту, по запястьям, подмышками и по швам. В этих же духовных встречаем и упоминание о шитом жемчугом головном уборе — покрывале: «да убрус сажен». Но, к сожалению, это упоминание слишком кратко и не дает возможности говорить о характере шитья.

К XVI веку в связи с определенными историческими условиями шитье жемчугом в среде правящих классов начинает сильно насыщаться этим материалом.

В XVI веке складываются особо благоприятные условия для развития искусства шитья жемчугом. Мощь и богатство Московского государства должны были получить отражение в блеске великокняжеского двора. Это достигалось пышными дворцовыми приемами иностранных посольств, великолепием убранства дворцовых палат и необычайной роскошью одежд государя и его окружения.

Посол имп. Максимилиана II Ганс Кобенцль, бывший в Москве в 1575—1576 годах, рассказывает, что мантия Ивана Грозного была сплошь покрыта алмазами, рубинами, смарагдами и другими драгоценными камнями и жемчугами величиной в орех.

Казна московского государя накапливала несметное количество драгоценных камней — лалов, яхонтов, бирюзы, смарагдов и пр.; но главное место среди всех драгоценностей занимал жемчуг и жемчужное шитье, которое являлось самым любимым и ценным украшением. Эти сокровища показывались иностранным посольствам. Известный англичанин, служивший при царском дворе зимой 1557—1558 годов, сообщает: «14 апреля утром, когда М. Грей и я были уже готовы отправиться в Англию, за нами прислали дьяка и просили нас придти к ним в приказ, где по нашем прибытии нам показали громадное число царских драгоценных камней и богатых платьев, прося нас заметить и осмотреть их внимательно, чтобы мы по приезде в Англию могли рассказать, что видели здесь»¹⁶.

Впечатление, которое эта сказочная роскошь производила на иностранцев, было потрясающим. Архиепископ Арсений Элассонский (Фесалия) описывает великолепие наряда царицы Ирины Федоровны Годуновой во время приема константинопольского патриарха Иеремии (1588-1589).

Он передает, что всех увидевших царицу объял как бы «сладостный трепет благоговения» («omnes blandus quidam horror perstrinxit»).

«Царица имела ослепительного блеска корону, которая была искусно составлена из драгоценных камней и разделена жемчугами на

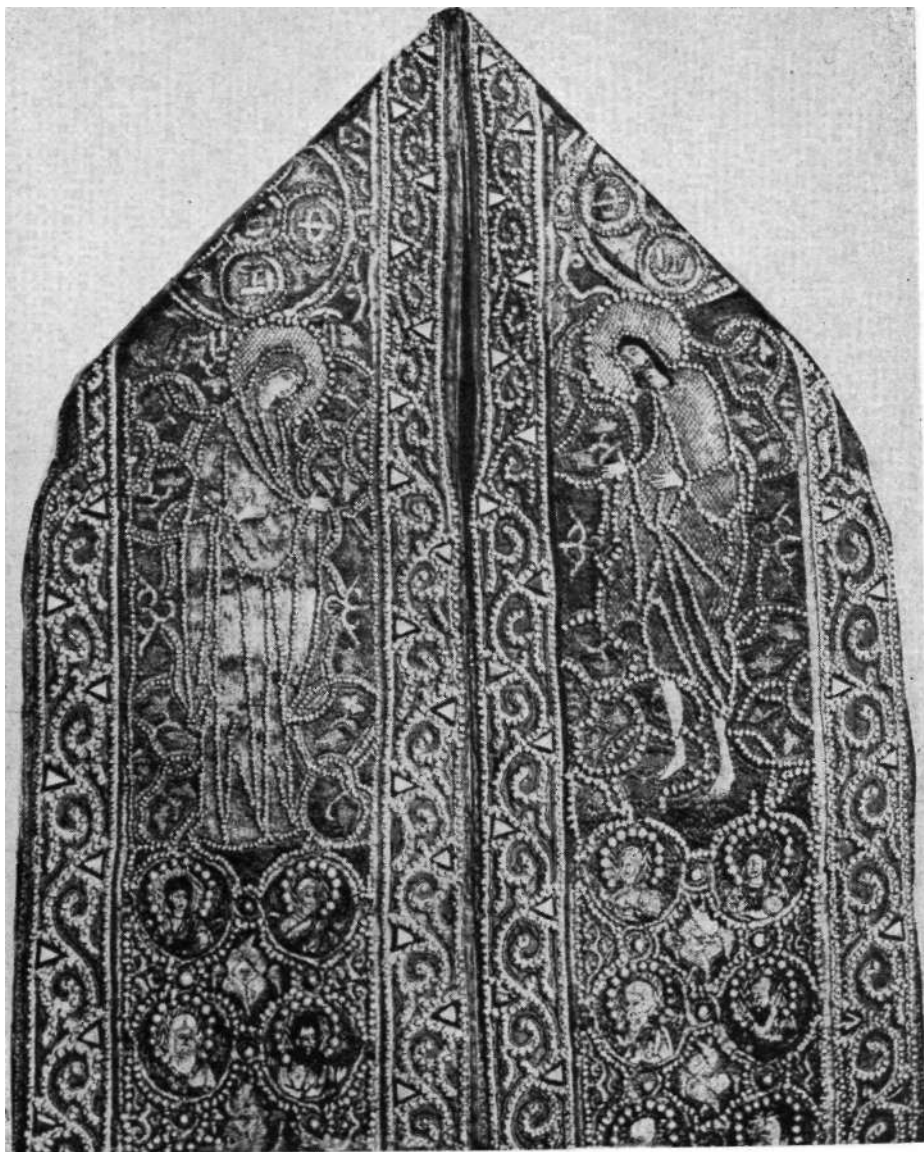

Рис. 29. Епитрахиль митрополита Фотия. XV в

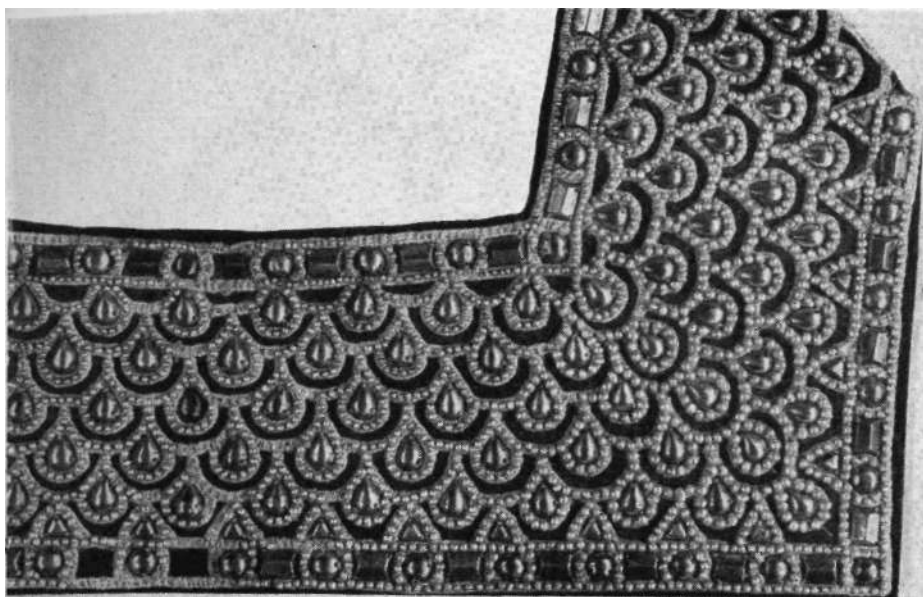

Рис. 30. Оплечье фелони Пафнутия Боровского. Деталь. XV в

двенадцать равных башенок по числу двенадцати апостолов. В ней находилось множество карбункулов, бриллиантов, топазов и круглых жемчугов, а кругом была унизана большими аметистами и сапфирами. С обеих же сторон спускались три длинные цепи, составленные из столь драгоценных каменьеv и покрытые столь большими и блестящими изумрудами, что их достоинства и стоимость были выше всякой оценки».

«Одежда государыни с длинными рукавами, достигавшими пальцев, была сделана с редким искусством из толстой шелковой материи с многими изящными украшениями. Она была усажена драгоценными жемчугами и посреди украшения блистали превосходные драгоценные каменья, с виду очень простая безыскусственная, на самом же деле чрезвычайно дорогая и замечательная по множеству сапфиров, алмазов и драгоценных камней всякого рода, которыми она была покрыта. Такою же пышностью отличались башмаки, цепь и диадема великой княгини. Малейшей части этого великолепия достаточно было бы для украшения десяти государей» (Arsenii Ellassonis «Iter in Moscoviam»).

На этом приеме царица Ирина поднесла в дар константинопольскому патриарху чашу, наполненную шестью тысячами жемчужин.

Без включения в шитье жемчуга не обходилось ни одно народное одеяние, ни одно украшение. Жемчужное шитье в XVI веке занимает важное место в орнаментации самых различных бытовых и церковных предметов. Жемчужным шитьем покрывались и предметы, предназначенные для почетного дара в иноземные страны. В 1566 году Иван Грозный сделал вклад в Хиландарский монастырь на Афоне, где среди прочих предметов находилась шитая жемчугом катапетасма (завеса) ¹⁷.

В 1591 году царь Федор Иоаннович отправил на построение храма константинопольскому патриарху Иеремии богатый дар, состоящий из большого количества ценных мехов и «рыбьего зуба» (моржовая кость). Лично патриарху послал царь: «Омофор, сажен жемчугом, чару золотую на святую воду, да убрусец сажен жемчугом дробным» ¹⁸.

Для XVI столетия имеется уже довольно значительный литературный, документальный и вещевой материал. Можно составить ясное представление о степени развития жемчужного шитья и о тех художественных особенностях, которые к этому времени в нем проявились. Жемчужное шитье приобретает самостоятельное декоративное значение. Оно усложняется и сильно насыщается жемчугом. Сочетание жемчужного шитья с дробницами, плащиками, со включением драгоценных камней придает ему характер особого великолепия.

Жемчужным шитьем покрываются самые различные предметы светского и церковного обихода. В особенности оно занимает большое место в украшении великокняжеских, царских одеяний и в одеждах придворных.

Герберштейн указывает, что прислужники за великокняжеским столом при Василии III стали носить платье—терлики,—«тяжелое от драгоценных камней и жемчуга» ¹⁹. Эта роскошная одежда выдавалась из государственной казны.

Общие сведения о применении жемчужного шитья в Москве XVI века, которые дают нам иностранные наблюдатели того времени в значительной степени могут быть восполнены и уточнены документальным материалом этого столетия.

От первого десятилетия XVI века мы имеем ряд духовных грамот кн. Иулианы Волоцкой (1503), кн. Ивана Борисовича Волоцкого (1504) и вел. кн. Дмитрия Иоанновича, внука Ивана III (1509). Эта группа источников показывает нам значение жемчужного шитья в одежде знати данного периода.

В духовной кн. Иулианы Волоцкой дается описание шитого жемчугом ожерелья: "...да ожерелье сожоно, а исподней (последний.—Л. Я.) ряд снизан да четыре у него пуговицы жемчужины» ²⁰. Это ожерелье шито с применением двух видов техники — саженья и низанья.

О том, как богато шились жемчугом мужские ожерелья, о количестве

и качестве этого материала свидетельствует духовная грамота кн. Дмитрия Иоанновича «да с ожерелья с мусково зерен гурмыских сто и девяносто и два зерна»²¹.

В той же грамоте кн. Иулианы поминается исподняя шитая жемчугом одежда: «...да сорочка шита червчата рукава сожаны» (да сорочка ситцевая алая, рукава шиты жемчугом).

По данному документальному материалу жемчужным шитьем, как и в XV веке, покрывалась и верхняя одежда. Так, в духовной Дмитрия Ивановича поминается верхняя накидная одежда, носившая название «ментеня» — «ментеня отлас вишневы Вenedицкой на черевах на белих, а кружево у нее сажено жемчугом Гурмыским на бели з дробницею»²². Эта ментеня была сшита из вишневого венецианского атласа и подбита беличьим мехом. Она была украшена жемчужным шитьем — «кружевом». Термин «кружево», который дает духовная грамота, надо понимать как обозначение шитья, окаймлявшего ментеню. Что это кружево не представляло собой плетения, а было вышивкой, подтверждает указание духовной, что шитье сделано «на бели», на подкладном материале. Скупой текст документа не позволяет нам говорить о характере орнамента и о насыщенности его жемчугом. Указывается только, что орнамент включал в себя дробницы, что дает возможность предполагать некоторую его сложность. Тип жемчужного шитья со включением дробниц более раннего периода мы видим на епитрахили митрополита Петра (XIV в.). Шитье ментени было выполнено ценным гурмыжским жемчугом.

Обозначение жемчужного шитья термином «кружево» встречается при упоминании другой верхней одежды — «русской» шубы «...да кружево с рукава шубы русские сажено жемчугом Гурмыским»²³. Повидимому, и здесь говорится о шитье, окаймляющем рукав.

При другом упоминании жемчужного шитья на шубе в той же духовной читаем: «...да саженье шубы женские сажено жемчугом гурмыжским с дробницею на бели». Повидимому, под этим «сажением» шубы «жемчугом с дробницею на бели» можно понимать орнаментацию шубы, не являющуюся окаймлением.

Упоминание о включении в шитье дробниц говорит о сложности узора, и такая «саженная» шуба, вероятно, являлась парадным одеянием. С жемчужным «сажением» парадных шуб мы встречаемся в официальном описании приема вел. кн. Василием III турецкого посла 28 мая 1514 года: «А сидел князь велики в набережной палате малой, а бояре у него сидели в сажених шубах»²⁴.

Жемчужным шитьем богатой орнаментации покрывались головные уборы и обувь. Во всех приведенных грамотах мы встречаемся с описанием головных уборов, шитых жемчугом. Кн. Иулиана оставляет в на-

следство «колпак полки сажоны жемчугом»²¹. Сын кн.Иулианы кн.Иван Борисович также передает по наследству расшитый жемчугом колпак. «А что меня благословила мать моя двои серги яхонты, а третьи лалы, а то камень и жемчуг на колпаце на моем» .

В цитируемой уже не раз грамоте Дмитрия Иоанновича читается: «...да колпак столбун полицы сажоны жемчугом гурмыским»²⁷. Судя по этим кратким высказываниям, жемчужным шитьем покрывались поля колпака — «полки», «полицы».

Как и в предшествующие столетия, жемчужное шитье распространялось на украшение обуви. В духовной Дмитрия Ивановича упоминается: «Да чоботы Тимовы по швом сажоны жемчугом Гурмыским». Из текста видно, что жемчужное шитье не представляло собой развитого орнамента, а располагалось по месту соединения материала, из которого были сшиты чоботы. По тексту источника нельзя составить представление о покрое данного вида обуви. Интересно, что здесь дается имя мастера.

Иностранцы, приезжавшие при Иване Грозном в Московское государство и наблюдавшие жизнь русского общества, в частности его верхних слоев, подметили склонность к украшению одежд жемчужным шитьем. Судя по высказываниям иностранцев, жемчужное шитье занимает первенствующее место в украшении одежды мужской и женской и в облачении духовенства. По этому вопросу весьма интересны записки Флетчера.

Он дает довольно подробное описание одежд и их орнаментации. Из его высказываний видно, какое широкое применение находило жемчужное шитье. Им украшались различные виды мужской и женской одежды²⁸, воротники-ожерелья.

Флетчер обращает внимание на женские головные уборы, украшавшиеся жемчугом. «Летом часто надевают покрывало из тонкого белого полотна или батиста с двумя длинными висящими кистями, завязываемое у подбородка. Все покрывало густо унизано дорогим жемчугом»²⁹.

Зимним женским головным убором служила шитая жемчугом шапка. Флетчер замечает, что обычай украшать шапки жемчужным шитьем принял слишком широкое распространение. «Благородные женщины с недавнего времени перестали унижать шапки жемчугом, потому что жены дьяков и купеческие стали подражать им»³⁰.

Жемчужным шитьем, как говорит тот же автор, покрывалась и обувь. Сапоги у русских мужчин «делаются из персидской кожи, называемой сафьян, и вышиваются жемчугом». Шитые жемчугом разноцветные сапоги являлись и женской обувью. «На ногах сапожки из белой, желтой, голубой или другой цветной кожи вышиты жемчугом» .

Богато расшивалось жемчугом и облачение духовенства. Неизвестный англичанин в XVI веке дает описание шитых жемчугом одеяний ду-

ховенства, принимавшего участие в церковной процессии «шествование на осликах»: **десять** или двенадцать лиц было в белых узорчатых дорогах ризах обремененных прекрасными восточными **жемчужинами**³².

По вопросу о применении жемчужного шитья в одежде значительный интерес представляют собой документальные сведения о домашнем имуществе царя Ивана Васильевича Грозного. Среди описи различного платья, покрытого жемчужным шитьем, имеются описания однорядки и терлика, которые мы берем как образец повседневной одежды, шитой **жемчугом**³³. «Однорядка скорлатна с сажеными лопатками³⁴, завязки голубы с золотом». Терлик³⁵, сорок второго наряда: «Терлик сделати Бурской на бели круги серебряные желтым да с лазоревым шелком чешуйчато, что куплено у Махмет Чилибея, образцы **сделати тронные низати жемчугом по червчатому атласу...**»

В первом случае жемчужное шитье украшает только концы **завязок** — «лопатки» (лопасти). Во втором случае применяется своеобразный способ орнаментации накладным украшением — «образцами» В приводимом документе образцы шиты жемчугом по атому атласу.

Из головных уборов Ивана Грозного, упоминаемых в описи, можно привести **два** — колпак и шапку, — оба шитые жемчугом: «Колпак суконный черн большой низан жемчугом рясою» четырнадцатого наряда: «Шапка скорлатна о двух прорехах с собольим пухом, полицы и на прорехах репы низаны великим жемчугом с запанюю, а другая спорота, а в запанах и в репях и круживе пятнадцать яхонтов лазоревых, во сем алмазов и изумруд, на прорехах 6 пуговиц яхонты лазоревы, на закрепах зерна жемчужные»³⁷.

Следовательно, колпак суконный, черный, большой, шитье на котором состоит из сплошных рядов жемчужных нитей (низан рясой). И шапка алого сукна на соболях с двумя прорехами. На прорехах и на **полях** идет жемчужное шитье. На прорехах оно, **повидимому**, имеет узор «репей», состоящий из зубчатых листков или цветков³⁸. Что «репей» здесь имеет значение узора, а не ювелирного термина («репей» — «лапки»), показывает выражение «репы низаны». На полях жемчужное шитье — кружево. Все шитье выполнено крупным жемчугом со включением драгоценных камней.

Приведенный документальный материал свидетельствует о постоянстве применения и многообразии жемчужного шитья в повседневной одежде Ивана Грозного.

Еще более широкое применение находит жемчужное шитье в украшении парадных одежд и предметов царского обихода.

Джером Горсей, проживший восемнадцать лет в Московском государстве (1572—1591), описывая церемонию венчания на царство Федора Ивановича, передает, что «парадное платье царя было украшено драгоценными камнями всякого рода и множеством жемчуга; оно ве-

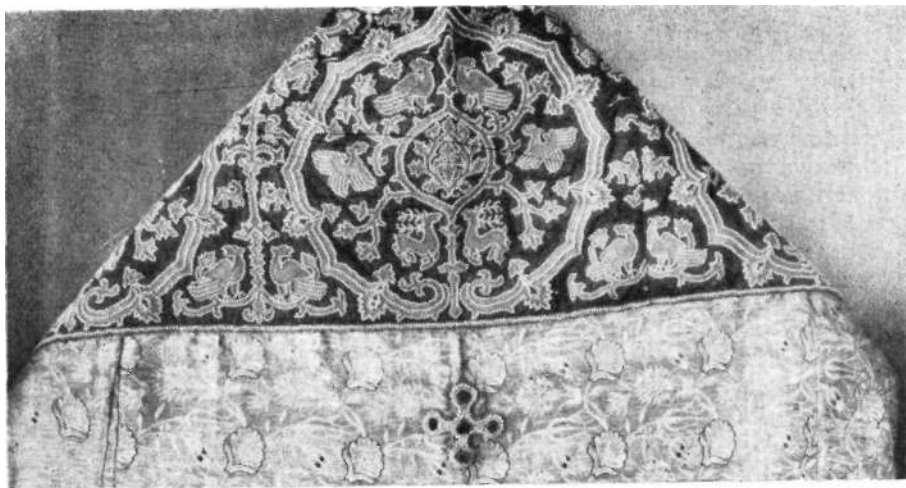

Рис. 31. Фелонь вклада Петра Щенятьева. 1544 г.

«сило двести фунтов». По окончании обряда коронования царю подвели «богато убранного коня под покрывалом, вышитым жемчугом и драгоценными камнями, с таким же седлом и со всем прибором, ценою, как говорили, в триста тысяч фунтов стерлингов»³⁹.

Дж. Горсей обращает внимание, что одежды Бориса Годунова и других бояр были богато украшены крупным жемчугом. «Царица не присутствовала на церемонии и сидела во дворце перед большим открытым окном, с венцом на голове, в драгоценной блистательной одежде, украшенной дорогими камнями и жемчугом».

Другой иностранец, французский офицер Жак Маржерет, находившийся в Московском государстве с 1590 по 1606 год, также подчеркивает склонность русских к роскоши в одежде и любовь к украшению ее жемчугом. «Я видел в этой казне (царской. — Л. Я.) до пятидесяти царских платьев, вышитых вместо позумента драгоценными узорами, видел одежды, унизанные жемчугом сверху донизу или на фут, полфута и пальца на четыре во всю окружность, с полдюжины покрывал, усыпанных жемчугом, и др. подобные вещи»⁴⁰.

Маржерет говорит, что даже повседневные головные уборы богато расшиваются жемчугом⁴¹. Знатные московские женщины носят шляпы с широкими полями, унизанные жемчугом. Жемчугом расшивается и такой обычный мужской головной убор, как тафья⁴².

Говоря о царских пирах, Маржерет сообщает: «Во время этих пир прислуживают 200 или 300 дворян, одетых в кафтаны из золотой и серебряной персидской парчи с длинными воротниками, висящими на спине на добрых полфунта и унизанными жемчугом»⁴³.

От XVI века до нас дошел многочисленный вещевой материал, свидетельствующий о высоте мастерства, на котором находилось в это время искусство шитья жемчугом. Как пример жемчужного шитья этого столетия мы приводим памятники, вышедшие главным образом из царской мастерской. Они представляют собой вкладные шитые жемчугом пелены, «воздухи» и пр. На этих памятниках можно наблюдать различные приемы шитья и способы применения жемчуга в орнаментации.

Прекрасным образцом шитья с применением жемчуга является вкладная пелена 1525 года супруги Василия III вел. кн. Соломонии Сабуровой. Причиной, побудившей вел. кн. к этому вкладу, было ее бесплодие. Это к получило отражение в надписи на вкладной пелене⁴⁴ и в тематическом орнаменте

Пелена представляет собой плат малинового бархата (длина 76 см, ширина 72 см), на котором шелком и золотной нитью с применением жемчужного низания дан сложный тематический орнамент, включающий в себя свыше девяноста человеческих фигур. Центральную часть композиции составляет середник в форме четырехугольника. Посередине этой центральной части находится восьмиконечный крест с подножием в виде Голгофы. По обе стороны креста шиты две группы фигур, изображающие деву Марию с апостолом Иоанном и Петром и Сергия Родонежского с его учеником Никоном. У подножия креста по обе стороны идет вотивная надпись. Изображение креста дается сплошным жемчужным шитьем, выполненным крупным жемчугом.

Линии одежд деви Марии, ее жезла и нимба низаны жемчугом так же, как и нимбы над головами других персонажей. Посвятительная надпись дана вязью и выполнена жемчужным шитьем, как и другие надписи **середника**. Весь середник окаймлен сплошной жемчужной линией. Пространство между середником и краем пелены заполнено изображениями сюжетов священного писания, а также изображениями **свя — покровителей** Москвы. Нимбы и на некоторых фигурах линии одежд низаны жемчугом, так же даны и многочисленные надписи. Вся пелена обведена по краю жемчужной линией. Роль жемчужного шитья в **данной** композиции состоит в выделении главного — креста, нимбов, отдельных фигур, на которых сосредоточивается внимание. Жемчугом даны надписи и линии, ограничивающие отдельные части композиции.

Образцом жемчужного шитья княжеской частной мастерской середины XVI века является фелонь вклада 1544 года князя Петра Щенятье-

ва (рис. 31). Фелонь золотной персидской парчи, оплечье лазоревой камки шито жемчугом. Орнамент оплечья состоит из крупных многогранных клейм. Внутри клейм травы, птицы и звери, напоминающие оленей. Такие же травы, птицы и звери заполняют пространства между клеймами. По своему характеру этот орнамент тождествен с народным.

Аналогичные изображения зверей встречаются в каменной резьбе XII века (Димитровский собор во Владимире). В шитье XVI века подобные изображения зверей наблюдаются на ширинках — платках-

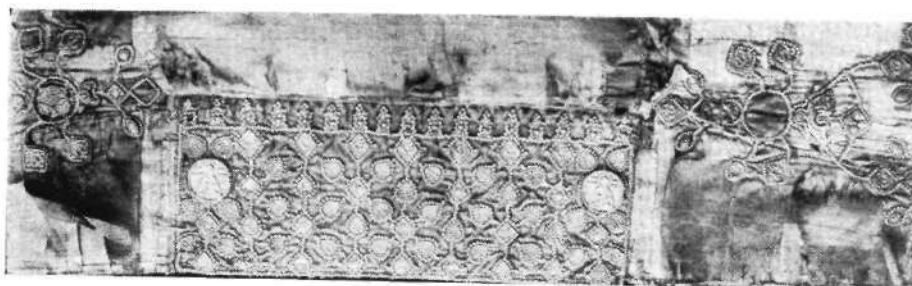

Рис. 32. Убрус Анастасии Романовны, первой жены Ивана Грозного. Очелье. Деталь. XVI в.

(Областной краеведческий музей Архангельска, № 399) и на оплечье фелони (Исторический музей).

Весь орнамент обнизан жемчугом. По горловине и по нижнему краю оплечья идет сплошная линия жемчуга. На тыловой части стана жемчугом шит крест.

Примером жемчужного шитья царской мастерской от середины XVI века может служить вклад первой жены Ивана Грозного, Анастасии Романовны, сделанный ею в Суздальский монастырь. В этот вклад входит: шитая жемчугом пелена (рис. 23), такой же убрус (рис. 32) и жемчужные рясны (рис. 24).

Пелена⁴⁵ состоит из двух частей — середника, алой камки (собственно пелена) и поля — черной камки. На середнике дано изображение девы Марии с младенцем, выполненное шитьем золотой и серебряной нитью. Контуры и линии одежд обнизаны жемчугом. Низанием в «рефидь» со включением драгоценных камней выполнены нимбы.

Жемчужным шитьем даны надписи. Средник обведен жемчужным шитьем в сплошную линию. На полях в определенном порядке распо-

ложены басменные плащи (пластинки) золоченого серебра с изображением святых. Все плащи обведены одной извилистой линией сплошного жемчужного шитья. Сплошная жемчужная линия обводит край пелены. По сравнению с жемчужным шитьем пелены Соломонии Сабуровой на пелене Анастасии Романовны жемчужное шитье имеет более самостоятельное значение и более сложно.

Шитый жемчугом убрus⁴⁶ (рис. 32) вклада Анастасии Романовны представляет собой прямоугольный, продолговатый плат. Он состоит из трех частей: очелья и двух наконечников. Общая длина убруса 2 м 21 см, ширина очелья 40 см, ширина наконечников — 36,5 см. Убрус сделан из алой тафты, очелье и наконечники из синей камки.

На очелье жемчужное шитье состоит из сплошной жемчужной линии, обводящей расположенные в известном порядке плащи и дробницы. Это шитье с некоторыми изменениями переходит на основную часть убруса, спускаясь к наконечникам. Жемчужная линия становится более извилистой.

Орнаментация наконечников состоит из двух смежных рядов квадратов по четыре квадрата в каждом. Линии квадратов даны плащиками, обведенными жемчужным шитьем. Внутри квадратов косым крестом расположены плащики, также обведенные жемчугом. Очелье и наконечники по краю обведены жемчужным шитьем.

Иной характер носит жемчужное шитье на покрове вклада второй жены Ивана Грозного, царицы Марии Темрюковны, внесенном в 1561 году в Троице-Сергиеву лавру.

Покров построен из темнолазоревой камки. На нем дано во весь рост иконографическое изображение пр. Сергия Радонежского и ветхозаветной троицы.

Все изображения выполнены шелком и золотной нитью. Венец над головой Сергия Радонежского низан по золоту жемчугом со включением драгоценных камней. Вокруг венца идет обнизь мелким жемчугом. Такой же обнизью даны нимбы над головами св. троицы. Жемчужным шитьем выполнен текст тропаря и кандака.

Жемчужное шитье этого памятника имеет то же назначение, что и на пелене вел. кн. Соломонии, то есть выделить существенное. Оно должно сосредоточить внимание молящегося на лике святого, на троице и выделить молитвенный текст.

К последней трети XVI века можно отнести пелену, хранившуюся в Покровском монастыре в Суздале под № 463 (рис. 33).

Пелена неизвестного происхождения и вклада, возможно, вышла из частной мастерской. В. В. Касаткин дает следующее ее описание: «Пелена красной камки, посредине крест с подножием, трость, копие низаны крупным жемчугом, а около креста под титлами слова, Адамова голова и поля по вишневному атласу низаны средним жемчугом, на

Рис. 33. Пелена, сплошь шитая жемчугом. X в.

полях около жемчуга обведено шнуром сканным, золотным, длиною 3/4 аршина, шириною 16 вершков»⁴⁷.

Примером жемчужного шитья царской мастерской облачения духовенства может служить саккос митрополита Дионисия 1583 года (рис. 34). Оплечья и зарукавья низаны мелким и средним жемчугом. Полольник и сторонники также шиты по лазоревому атласу жемчугом и дробниами. На сторонниках жемчугом низана летопись о вкладе Ивана IV, сделанном по сыне Иване Ивановиче (ОП № 12043).

На рис. 34 дается деталь орнамента жемчужного шитья — розетка состоящая из двух рядов лепестков по восьми в каждом ряде. В центре розетки дробница, обнизанная жемчугом. Каждый лепесток также состоит из дробницы, обнизанной жемчугом. Вся розетка оконтурена золотным шнуром.

Конец XVI века знаменуется новым этапом в развитии жемчужного шитья.

Жемчужное шитье приобретает облик ювелирных изделий. Оно в избытке насыщается жемчугом и перегружается дробницами, плащиками, драгоценными камнями. Это направление в искусстве шитья жемчугом получает полное развитие в XVII веке.

Образцом шитья конца XVI века может служить вкладная пелена царской семьи Годуновых. Как сообщает вкладная надпись, пелена была положена в Троице-Сергиеву лавру на втором году царствования Бориса Федоровича Годунова от лица всей царской семьи (рис. 35).

Пелена представляет собой прямоугольный плат, вытянутый в ширину. Середник продолговатый, малиновой камки (куфтер), поле вишневого атласа. На середнике изображение четырехконечного креста на подножии, с тростию и копием. По обе стороны креста надпись: «Црь славы И. С. Х. С. Ника». Крест и подножие построены из круглых, золоченых дробниц, обнизанных крупным жемчугом. Внизу подножия восемнадцать золотых пластинок, на которых чернью выполнена вкладная надпись. Пластины обведены жемчужной обнизью. Трость, копие и надписи низаны жемчугом. Весь середник обведен сплошной жемчужной обнизью. Поле заполняет сложный орнамент, выполненный жемчужным шитьем, пятигранными золочеными дробницами и круглыми мишенями с драгоценными камнями. Вся пелена по краю также обведена сплошной жемчужной линией.

Стремление к роскоши, развившееся в XVI веке, еще более усиливается в XVII веке. Соответственно растет значение жемчужного шитья.

1 яжелое великолепие этой эпохи прекрасно характеризуют высказывания двух польских посольств. Первое высказывание относится к началу XVII века, второе — к его концу.

Семнадцатое столетие было вершиной в развитии искусства шитья

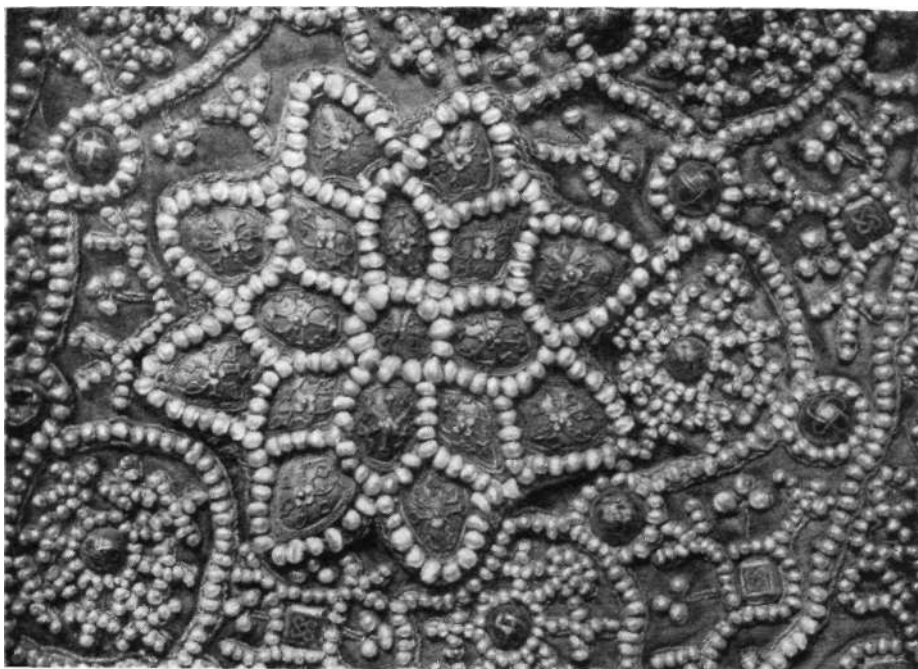

Рис. 34. Саккос митрополита Дионисия. Деталь. 1583 г.

жемчугом. Его можно назвать веком жемчужного шитья. Иностранные авторы подчеркивают выдающуюся роль жемчуга в орнаментации одежд. Эти высказывания многочисленны, и мы приводим лишь некоторые из них, так как для XVII века лучшим свидетельством является обильный документальный и вещевой материал. Последний в большинстве принадлежит церковному обиходу.

К самому началу XVII века, именно к 1606 году, относится описание коронационных торжеств, составленное польскими послами⁴⁸. Они подробно описывают одежды Дмитрия и Марины: «На царе был красный бархатный плащ, вышитый жемчугом и подбитый соболями; красный бархатный кафтан, также вышитый жемчужными узорами в виде коронованных орлов; сапоги были из гладкого бархата, подкованные. Царица, одетая по-польски в красный телет, унизанный жемчугами, на голове имела ту самую корону, которую возложили не нее за несколько перед тем дней»⁴⁹.

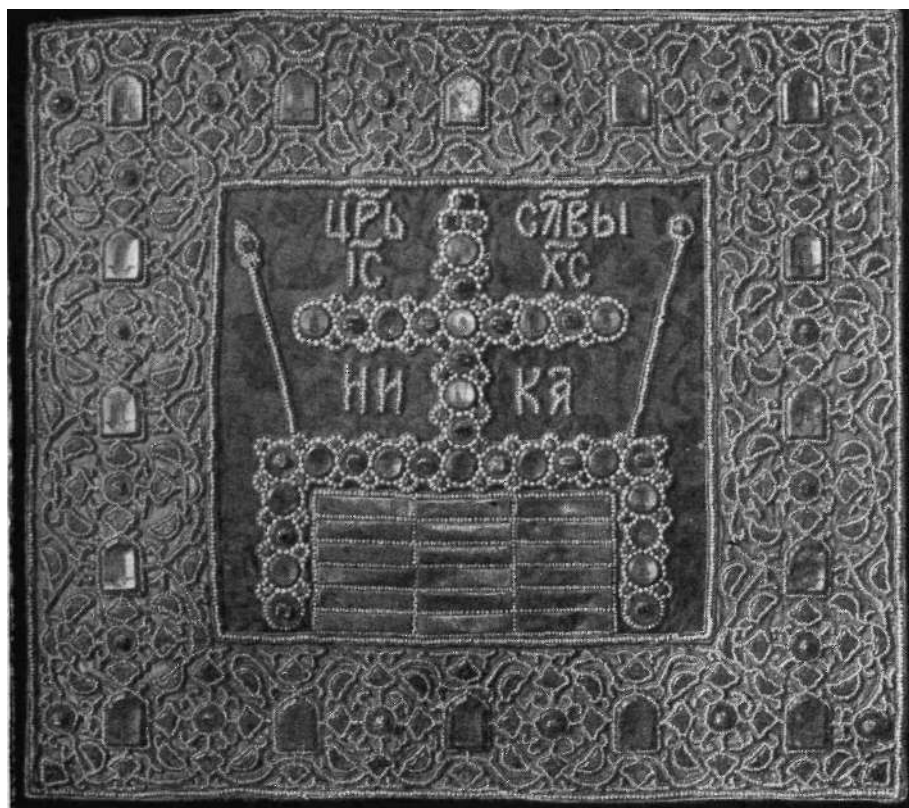

Рис. 35. Пелена. Вклад семьи Годуновых. 1599 г.

Приводим другое описание шитого жемчугом наряда Марины Мнишек, сделанное теми же польскими послами: «18-го мая была коронация... пан воевода Сандомирский и князь Мосальский вели уаря под руки. Царица шла вместе с ним в русской одежде с широкими рукавами, красной бархатной, унизанной алмазами, рубинами, жемчугом и в подкованных сапогах, также осыпанных жемчугом. На голове у нее была корона, какие носят все русские паньи, только богато убранная камнями».

Эта картина дает представление о роскоши и великолепии московского двора начала XVII века, когда жемчужное шитье достигло высшего уровня своего развития.

В дальнейшем наблюдается перегрузка шитья драгоценным материалом, что снижает его художественное значение.

«Великое разорение» 1611—1612 годов, сопровождавшееся разграблением Москвы интервентами⁵⁰, не отразилось на широком применении жемчужного шитья. Немецкий ученый Адам Олеарий, принимавший участие в ряде голштинских посольств, которые были направлены в Москву в 30—40-х годах XVII века, дает ценные сведения о дворцовом в частном быте в Москве. Во время приемов посольства на царе Михаиле Федоровиче⁵¹, боярах и других дворцовых чинах были надеты, как указывает Олеарий, роскошные одежды, расшитые крупным жемчугом.

Описывая частный быт, Олеарий отмечает жемчужное шитье на кафтанах, шапках, шляпах, тафьях и пр. Он дает описание брачного наряда невесты, в котором жемчужное шитье является главным украшением. «...ее верхнее платье спереди, сверху вниз, и вокруг рукавов (которые шириною в 3 аршина или локтя), равно как и ворот ее платья (он шириною в 3 пальца и туго, не без сходства с собачьим ошейником, охватывает горло), — густо обсажены крупным жемчугом; такое платье стоит гораздо более тысячи талеров»⁵².

В своей работе Олеарий дает сведения, относящиеся и ко времени царствования Алексея Михайловича. В частности, говоря о московском восстании 1648 года и о разгроме двора боярина Б. И. Морозова, он передает: «Жемчуг меряли они (чернь) пригоршнями, продавая полную шапку за 30 талеров» . Это указание позволяет нам судить с значительным накоплением жемчуга в боярских домах.

И в конце XVII века жемчужное шитье преобладает в орнаментации одежды и различных предметов. Примером роскошного жемчужного шитья может служить мантия, которая была на царе Федоре Алексеевиче во время приема польского посольства 1678 года. Мантия была так расшита жемчугом и алмазами, что царя Федора Алексеевича на польском подворьи называли «убранным звездами, солнцем»⁵³.

Одежды придворных были также украшены жемчугом. Бернгард Таннер сообщает: на царских спальниках «ловко сидели красные полукафтаны и другие вроде длинного плаща были накинута на шею, мастерски вышитые, подбитые соболем: они называли их ферязями. На каждой ферязи на груди виднелись розы-из крупных жемчужин, серебра и золота. Они носили эти ферязи, отвернув их у правого локтя и забросив за спину»⁵⁴.

Документальный материал XVII века относится не только к дворцовому быту, но и к быту частных лиц. Он в значительной степени

-уточняет наше представление о бытовании жемчужного шитья. Этот материал весьма обширен и открывает возможность для отбора.

От начала XVII века мы имеем описание украшенных жемчугом мужских сорочек, принадлежавших Богдану Вельскому. Эти сорочки были настолько хороши, что были взяты для царя Михаила Федоровича ⁵⁶. Они были сшиты из алой и белой тафты и усажены жемчугом по вороту, ластовцам и прорехам.

Обильным жемчужным шитьем покрываются мужские и женские ожерелья-воротники. Чаще ожерелье не «низалось» на нитях, а «садилося» или же «низалось» по ткани, например, по атласу, бархату, какой-либо другой дорогой ткани, а также и полотну (как современные «ожерелки»). Например: «124 г. июля 23 к иноке Марфе Ивановне в хоромы отнес дьяк Шипов... ожерелейцо низано по отласу по белому половинчатым жемчугом, счетом 145 жемчужин» ⁵⁷.

Обычно ожерелье имело вид отложного воротника, но кроме отложных ожерелья эти шились и стоячие; так, например, у Михаила Федоровича в 7137 году (1628—1629) «Ожерелье стоячее 1-го наряду» ⁵⁸.

Такие же отложные воротники в XVII веке носили название **диадимы**. В описи государева наряда царя Михаила Федоровича имеется богато расшитая диадима ⁵⁹. Эти же «диадимы» в царском быту носили название «барм»... «да святые бармы, еже есть царская **диадима**» ⁶⁰, — говорится в чине венчания на царство царя Алексея Михайловича.

Жемчужное шитье-кружево широко применялось в украшении различного вида мужской и женской одежды. Как пример могут служить документальные описания двух **кафтанов** ⁶¹. Первый принадлежал Михаилу Федоровичу, а второй — Федору Алексеевичу.

Кафтан Михаила Федоровича: «1-го наряду: кафтан отлас золотой по лазоревой земле в травах шелк бел, червчат; кружево низано **жемчугом** с канителью и с картулином по червчатому отласу. 12 пуговиц низаны жемчугом» ⁶².

Кафтан Федора Алексеевича: «Кафтан становой, забрав серебрян то **нем** травы золоты с разными шелки, кружева и запястья низаны жемчугом с камением» ⁶³. Кафтан, на который, по словам **Таннера**, «нельзя было пристально смотреть, был столь роскошен, что и после, при возвращении на польское подворье только и было разговоров, что о нем» ⁶⁴.

Как видно из этих описаний, жемчужное шитье-кружево составляло основное украшение обоих кафтанов.

У Олеария мы встречаемся с упоминанием подобного вида ornamentации этой одежды: «...кафтаны были из золотой парчи и широко **вышиты** очень крупным жемчугом и с драгоценными камнями» ⁶⁵.

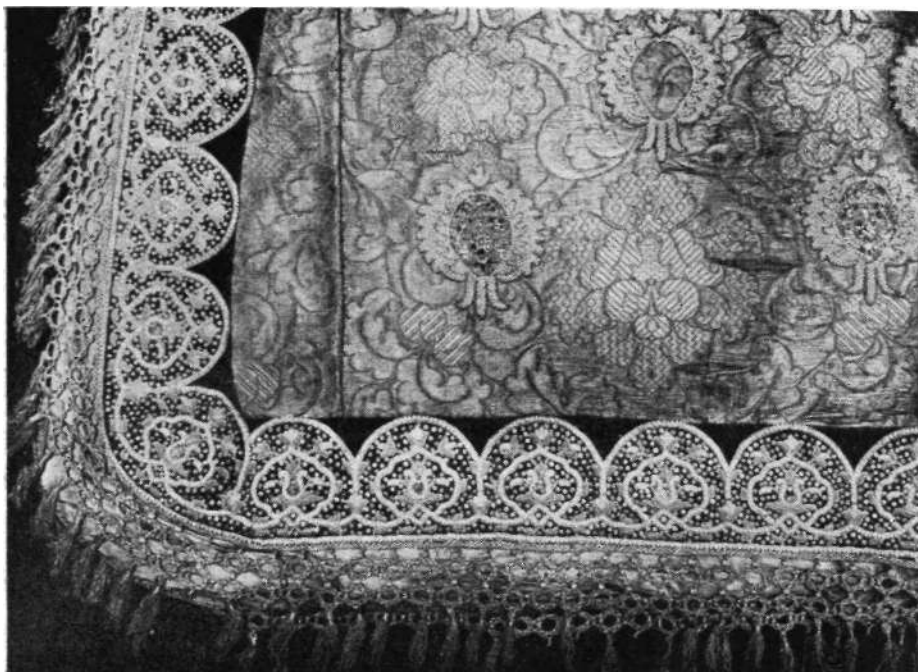

Рис. 36. Чепрак русской работы. XVII в.

В описании торжественной царской одежды «платно» также говорится о применении жемчужного шитья-кружева со включением драгоценных камней. «Платно низано жемчугом с канителью по червчатому бархату»⁶⁶.

Подобное жемчужное шитье-кружево встречается на различных видах женской одежды: «летниках», «телогреях», «душегреях», «опашнях»⁶⁷ и пр.

В Расходных книгах XVII века читаем: «Генваря 1 к государыне великой старице иноке Марфе Ивановне 143 золотников жемчугу середняго. Отдан мастерицам низати кружево государю к аксамитной шубе»⁶⁸.

Документальный материал дает нам и другой вид орнаментации жемчужным шитьем. Наблюдается сложный развитой орнамент, воспроизводящий геральдическую эмблематику.

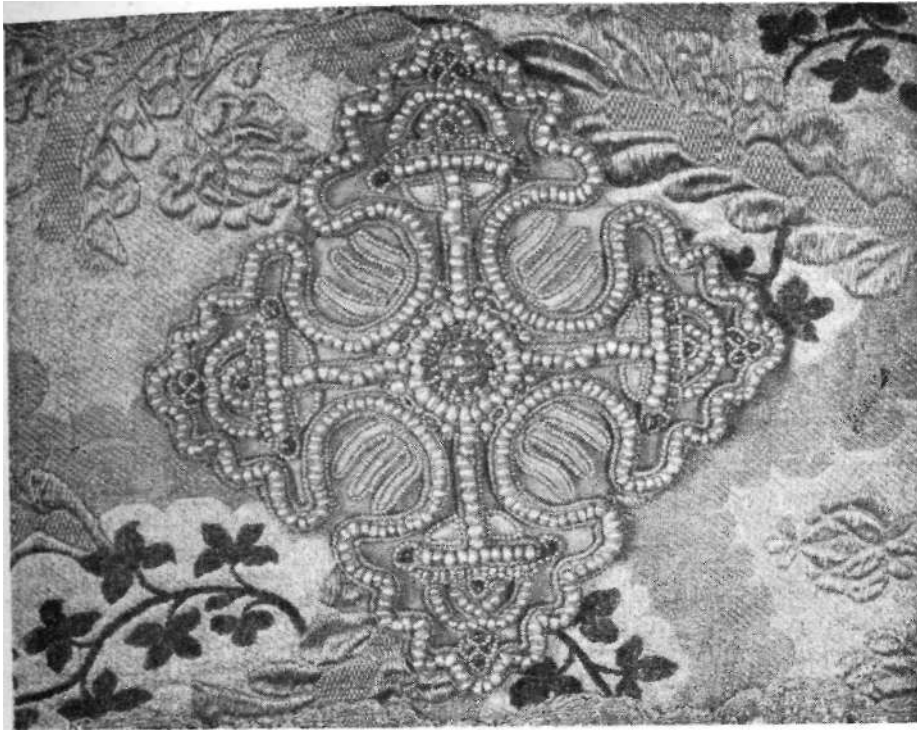

Рис. 37. Омофор. Деталь. XVII в.

В описании летней женской одежды — «летника» — (1626—1628) царицы Евдокии Лукьяновны говорится: «...вошвы по бархату по червчатому низаны жемчугом орлы и инроги (единороги - Л. Я.), с канителью и с трунцалом, с нацветы»⁶⁹. Следовательно, летник был украшен нашивками из алого бархата, покрытыми жемчужным шитьем. Узор из орлов и единорогов был шит жемчугом в сочетании с канителью, трунцалом и стразами. Узор с геральдическими мотивами уже приводился в описании кафтана Дмитрия Самозванца.

Жемчужное шитье находило, как и прежде, широкое применение в мужских и женских головных уборах. Документы говорят о богато-расшитых тафьях. «Тафья бархат червчат, гладкой. На тафье запона золота с финифты с разными в золотых гнездах 13 алмазов гранены-

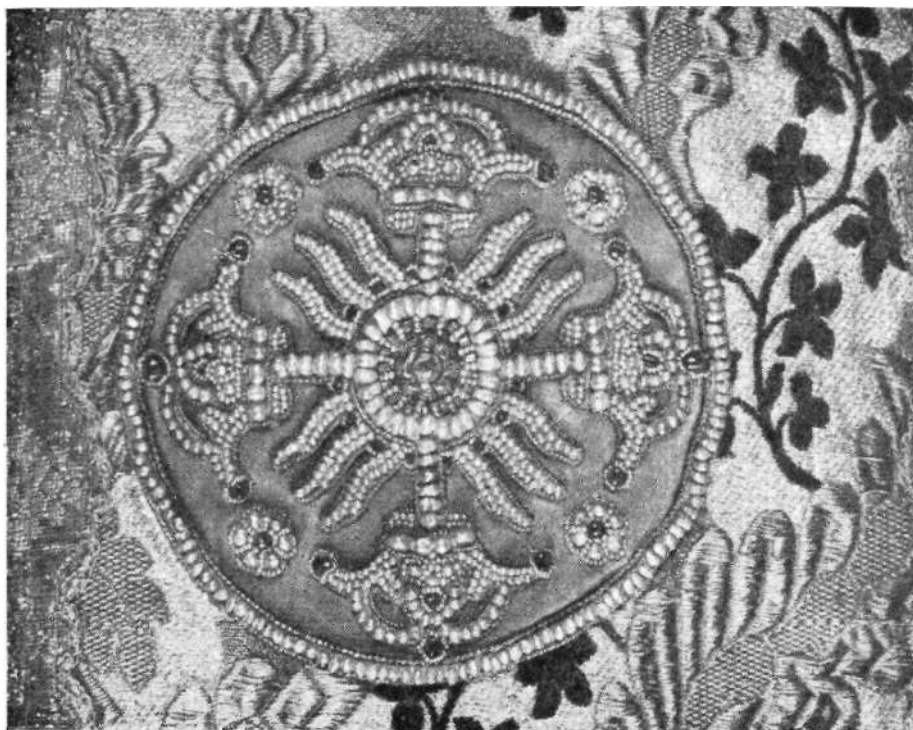

Рис. 38. Омофор. Деталь. XVII в.

Около запоны 17 зерен гурмыцких, да около тафьи в нижней кайме 68 зерен гурмыцких, да в верхней кайме 71 зерно гурмыцких же. Тафья подбита тафтою лазоревой. И та же тафья переделана наново в большую тафью первого наряду»⁷⁰.

Упоминание в документе о переделке тафьи в большую тафью первого наряда свидетельствует о ее парадном назначении. В тафье можно было присутствовать на официальных приемах. Олеарий описывает одежду бояр, участников тайной аудиенции: «У каждого боярина на голове находилась шапочка (вроде наших калотт), вся вышитая крупным жемчугом, с драгоценным камнем на верхушке»⁷¹.

Таким же богатым шитьем расшивались и шапки. «Шапка скорлат червчат, об одной прорехе. Над прорехою запона золота, в ней

51 алмаз. Около запоны и круг шапки круживо, низано жемчугом **большим; в** нем шесть яхонтов лазоревых, 12 лалов, шесть изумрудов; **жемчугу в круживе 377 зерен**⁷².

Здесь снова мы встречаемся с жемчужным шитьем-кружевом, видимо, служившим окаймлением.

Насколько богато расшивались шапки, видно по данной выписке: «7146 сентября в 6 день боярин Борис Иванович Морозов по государеву имянному приказу взял из филимоновых товаров 168 зерен жемчугу государю царевичу кн. Алексею Михайловичу на шапку»⁷³.

Шапки разных форм были женским головным убором. На них также применялось жемчужное шитье, в частности коужево, что мы видим по «сговорной» свадебной 1611—1612 годов. «Две шапки женских камчатых, лазорева да красная, одна с круживом с жемчужным»⁷⁴. В одной «рядной» записи упоминается «треух низан на соболях»⁷⁵. В книге Мейерберга в треухе изображена жена царя Алексея Михайловича Мария Ильинична.

Но особенно обильно жемчужное шитье было на женских и девичьих головных уборах, носившихся и в доме и вне его. Это кики, кокошники, девичьи челки, повязки, коруны, венцы, убрусы и пр. Эти шитые жемчугом и драгоценными камнями головные уборы иногда представляли собой большую ценность и были предметом дарения. «В 7131 (1624) году новобрачная Мария Григорьевна Ляпунова, выходящая замуж за царевича Михаила Арасланалеевича Кайбулина, получила в дар от царя Михаила Федоровича шитую жемчугом и камнями кикую ценою в сто рублей»⁷⁶.

В свадебной «сговорной» от 15 августа 1696 года упоминается «кокошник жемчужный с камешки, цена сорок пять рублей»⁷⁷.

Котошихин в описании брачного обряда бояр сообщает: «Невеста от себя посылает с боярынею к царице и к царевнам дары, убрусы тафтяные шиты золотом и серебром с жемчугом»⁷⁸.

Для примера можно привести документальное описание убрусов, принадлежавших царевне Ирине Михайловне: «Два убруса тафта червчата, застенки низаны жемчугом, меж жемчугу дробницы серебряны, злочены; на них резаны травы»⁷⁹.

Расшивались жемчугом рукавицы как мужские, так и женские. **1 акие** рукавицы перечисляются среди имущества «монаха Никона» — бывшего патриарха Никона: «Рукавицы персчатые с кистями серебряными, низаны по местам жемчугом, подложены атласом лазоревым»⁸⁰.

Рукавицы, шитые жемчугом, выделялись как из кожи, так и из разных тканей. «Рукавицы лосиные, запястье шито по черному бархату высоким швом канителью. Понизаны жемчугом. Бахрома золото с серебром; на бахроме и на запястье звездки серебряные»⁸¹.

Рис. 39. Митра. Вклад жены кн. Дмитрия Пожарского. XVII в.

Роскошным дополнением к общему наряду служила обувь. Она выделялась из различных материалов — как из цветных кож, так и из драгоценных, разноцветных тканей: бархата, парчи, атласа и т. д., и богато украшалась золотым и жемчужным шитьем.

В документальном материале среди описаний различных видов шитой жемчугом обуви можно отметить «чеботы». По описям 1626—1628 годов «царицыной мастерской палаты» видно, что чеботы были «полные» и «полуполные».

Чеботы были мужской и женской обувью. «Чеботы по бархату по червчатому низаны жемчугом полные. На чеботах в травах каменя...»⁸² (чеботы Евдокии Лукьяновны, первой жены Михаила Федоровича). Запись 135 (1627) года, ноября 24: «Снесены из мастерские палаты чоботы: низаны жемчугом травы по бархату по червчатому полуполные...»⁸³ Имеется и вещевой материал, отдельные образцы обуви.

В Оружейной палате хранится женский сапог русской работы XVII века темнокрасного бархата. Подошва короткая, цельная, переходит на высокий деревянный каблук. Носок круглый. Подъем и проход в голенище широкие. Верх голенища вырезан козырем. По краям

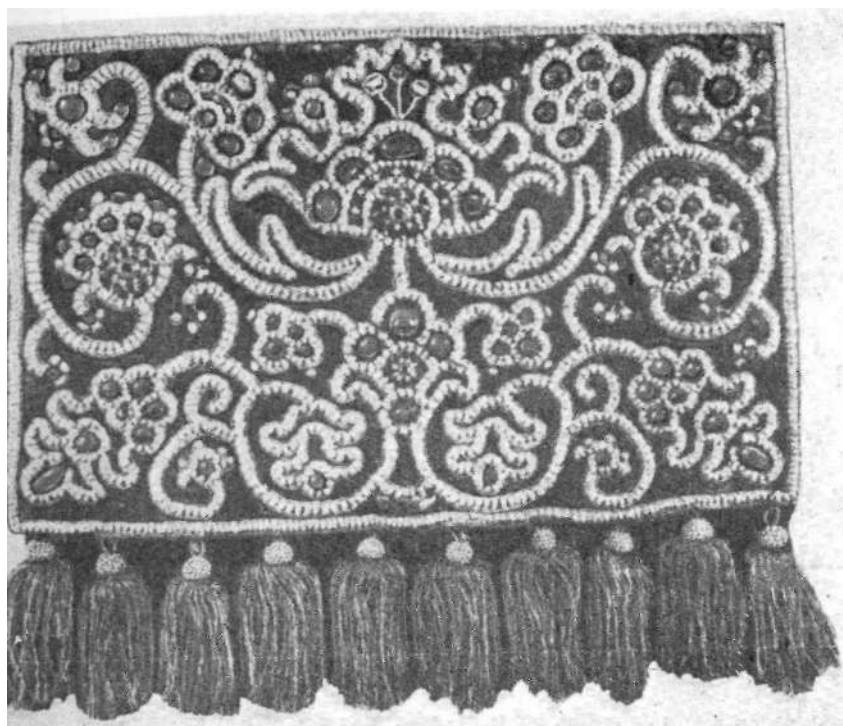

Рис. 40. Набедренник. *XVII* в.

его сохранился кусок зеленого с золотом шнура. Сапог был шит жемчугом, о чем свидетельствует сохранившийся настил (бель), обведенный золотым шнуром. Травный узор покрывает сапог от концов носка и задника до половины голенища (ОП № 3688).

Там же, в Оружейной палате, хранится пара женских башмаков (ОП № 3749) русской работы *XVII* века. Башмаки остроносые, без задков. Каблуки высокие, деревянные, со сплошными железными подковами, длинными шипами и подпорками в переймах. Башмаки червчатого бархата шиты жемчугом с серебряной канителью и мелкими камешками.

Не менее богато, чем одежда, шились жемчугом конские уборы— чалдары, чепраки, седла и пр. Примером может служить чепрак

XVII века (ОП № 9113)⁸⁴ (рис. 36), алого бархата, окаймленный жемчужным шитьем. Жемчужное шитье состоит из ряда дужек, обращенных выгнутой стороной к середине чепрака, и цветочного орнамента внутри дужек. Жемчужное шитье включает драгоценные камни. По краю чепрака бахрома из жемчужных нитей.

Так же богато расшивался жемчугом «кречатый наряд», колпачки из драгоценных тканей, надевавшиеся на охотничьих соколов, кречетов. Этими колпачками закрывали голову и глаза соколу до начала охоты. В 7134 (1624—1626) году было уплачено: «За 9 золотников жемчугу 35 рублей с гривною. А взят тот жемчуг **низати** Государевы **кречатые** наряды, которые послать в Кизильбаши к шаху в **дарех**»⁸⁵. Приведенный документ интересен тем, что указывает на украшение жемчужным шитьем предметов, которые отправляли в дар в зарубежные страны.

Другой широкой областью применения жемчужного шитья был церковный обиход.

Облачения духовенства, церковная утварь (пелены, **воздухи** и пр.), ризы на иконах обильно покрывались драгоценным шитьем. Об этом свидетельствуют иностранные наблюдатели, архивные документы и вещевой материал.

Церковный вещевой материал довольно обширен и отличается многообразием. Его сохранность была обусловлена церковной традицией. Поэтому характеристика церковного жемчужного шитья может быть дана главным образом вещевым материалом в сочетании с другими видами источников.

Шитьевым памятником самого начала XVII века является покровец (Троице-Сергиева лавра, гл. оп. № 2) на главу Сергия Радонежского (см. рис. 10).

Этот покровец—вклад Бориса Годунова 1601 года—был выполнен при участии царевны Ксении Годуновой. Он представляет собой удлиненный прямоугольный плат. Длина покровца 55 см, ширина 52 см. Середник малинового атласа, поля — вишневого. На **середнике** шитьем золотной и шелковой нитью дано изображение восседающей под мамврийским дубом ветхозаветной троицы. На заднем плане видны палаты и горный пейзаж. Над центральной фигурой надпись: «*святая животворящая троица*». Контуры фигур, нимбов и прочих изображений обнизаны жемчугом. Обнизью дана надпись. Середник обведен сплошной жемчужной линией. На полях — в углах и по сторонам расположено восемь пятигранных киотчатых крупных дробниц из золоченого серебра. В дробницах чернью даны изображения Деисуса, патронов семьи Годуновых и других чтимых святых.

Эти восемь дробниц обнизаны жемчугом. Остальная часть поля заполнена жемчужным шитьем в сочетании с мелкими дробницами оаз-

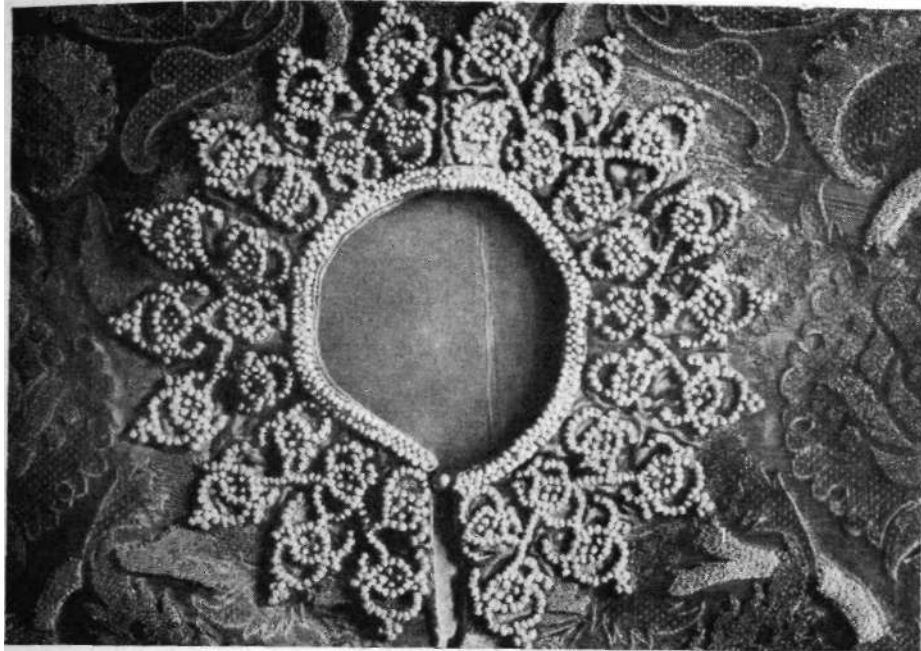

Рис. 41. Оплечье саккоса патриарха Никона. 1653 г.

личной формы. Весь покровец также обведен сплошной линией из мелких жемчужин. Шитье покровца отличается сочетанием необычайного богатства материала с высокой художественностью выполнения.

Другим образцом жемчужного шитья начала XVII столетия могут служить орнаментальные детали омофора (рис. 37, 38 и 69) (Архангельский областной краеведческий музей, № 146). Одна деталь крестовидная, другая в форме звезды, вписанной в круг. Линия рисунка дается жемчужной обнизью. Шитье выполнено по атласу табачного цвета крупным жемчугом «на бели» и оконтурено золотным шнуром. В него введены дробницы и драгоценные камни.

Жемчужное шитье середины XVII века может быть охарактеризовано рядом предметов облачения духовенства.

В музее хранится митра вклада жены князя Дмитрия Михайловича Пожарского в суздальский Покровский монастырь (рис. 39).

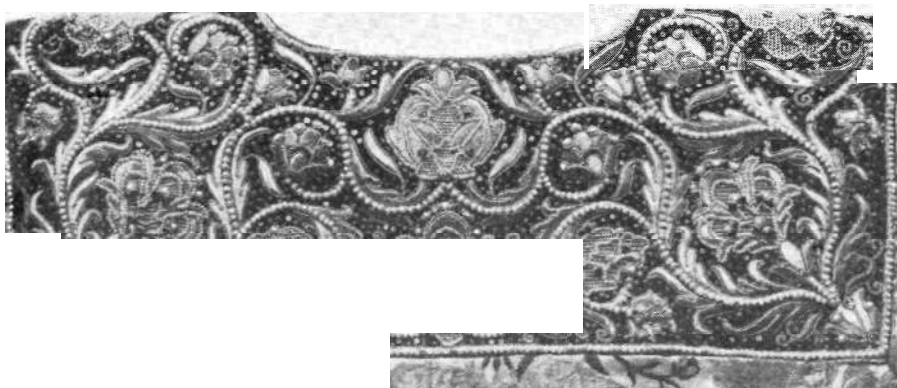

Рис. 42. Оплечье стихаря. XVII в.

Рис. 43. Зарукавье стихаря. XVII в

Митра имеет своеобразную форму, принятую русской церковью дониконского периода. Она состоит из тульи высотой 17 см с плоским донышком и полей. По очертаниям напоминает древнерусскую шляпу. Митра построена из фиолетового атласа, шита золотом и серебром в прикреп цветными шелками. На донышке митры в круге шито изображение богоматери «Знамение». По тулову деисусовый чин с предстоящими апостолами Петром и Павлом и митрополитами московскими Петром и Алексием. Контуры фигур, линии одежд и нимбы обнизаны мелким жемчугом. Круг, обрамляющий «Знамение» шит средним жемчугом со включением мелких драгоценных камней в гнездах. Поля митры опущены горностаем. Низ тулова окружен серебряной пластинкой 3,5 см с гравированной вкладной надписью (ГИМ № Р.Б. 4206/78526).

Из собрания Исторического музея можно привести как образцы жемчужного шитья этого времени набедренник, оплечье стихаря и зарукавье.

Набедренник построен из двух видов ткани. Верхняя часть из алого шелка, затканного золотом и серебром. Нижняя часть — коричневатого бархата. Эта часть набедренника украшена сложным растительным орнаментом, выполненным жемчужным шитьем со включением запан и нацветов. Жемчужное шитье дано по настилу и обведено золотным шнуром. Весь орнамент ограничен сплошной жемчужной нитью. По нижнему краю набедренника расположены десять золотных кистей. Ворворки кистей обнизаны жемчугом (рис. 40).

Оплечье стихаря и зарукавье зеленого бархата украшены растительным орнаментом. Узор выполнен золотным шитьем. Главные элементы узора — цветы, основные линии, завитки шиты жемчугом со включением полудрагоценных камней (рис. 42 и 43).

Особого великолепия достигает жемчужное шитье на облачении высшего духовенства.

В собрании Оружейной палаты хранится саккос (ОП № 12025), построенный в 1653 году для патриарха Никона. Саккос богато шит жемчугом. На приведенном оплечье (рис. 41) жемчужное шитье просто по своей орнаментации.

Высокое качество жемчуга и тонкость выполнения сообщают жемчужному шитью особую строгую красоту. Оно напоминает наложенное на ткань кружево.

Прекрасным памятником жемчужного шитья XVII века является также саккос, хранящийся в Ярославском областном краеведческом музее. Саккос этот вклада Димитрия Андреевича Строганова 1662 года работы строгановских мастерских (рис. 44).

Это епископское облачение богато шито золотной нитью и жемчугом. На оплечье поясные изображения святых, у горловины, по краю оплечья текст. На обоих зарукавьях изображения святых во весь рост и

Рис. 44. Саккос. Вклад Д. А. Строганова. XVII в.

по краям зарукавий текст. На тыльной стороне становой части ниже плечья греческий четырехконечный крест. Поле стана заполнено крупными цветами в клеймах. По наподольнику вкладная надпись. Ниже золотное плетеное кружево зубцами вниз. Оплечье и зарукавья оконтурены жемчугом. Жемчужное шитье дает контуры фигур, нимбы и линии одежд. На стане крест вынизан жемчугом. Цветы в клеймах даны жемчужным шитьем.

Образцом жемчужного шитья пелены этого периода назовем подвесную пелену вклада по боярине Б. И. Морозове в 1667 году. Середник на ней золотной ткани. На середнике четырехконечный крест сплошь низан средним жемчугом, и летопись низана мелким жемчугом. Весь середник обведен жемчужной нитью. Поле зеленого бархата. На поле травный орнамент шит крупным жемчугом со включением в него дробниц. Вся пелена также оконтурена жемчугом (ОП № 12284).

К 70-м годам XVII века относится шитье на покрове вклада Строгановых, хранящемся в музее Троице-Сергиевой лавры. Покров построен в 1671 году по кончине Димитрия Андреевича Строганова и вложен его вдовой Анной Ивановной с детьми в Троице-Сергиеву лавру (см. рис. 11).

Шитье выполнено золотом, серебром, шелками и жемчугом. На середнике шито изображение в рост Сергия Радонежского в монашеском облачении с венцом вокруг головы. По обеим сторонам головы надписи. В венце пять золотых запонов, осыпанных изумрудами, яхонтами и красными ладами. В центре каждой запоны красный яхонт. Средняя запоны более крупная. Ее центральный яхонт четырехугольной формы, гранистый.

Контур изображения, венец, запоны, линии одежды, орнаментальные детали и надписи обнизаны жемчугом различной величины. Середник обведен жемчужной нитью.

Поля золотой парчи с позументом и канителью. На полях клейма. В клейме над головой Сергия изображение троицы. В других клеймах: житие Сергия. Под клеймами надписи. Изображения в клеймах обнизаны по контуру жемчугом. Так же даны надписи. Сами клейма и весь покров оконтурены жемчужным шитьем⁸⁶. Весь покров обведен жемчужной нитью. В шитье включены драгоценные камни в гнездах.

Образцом жемчужного шитья конца XVII века может служить омофор из белой серебряной обьяри патриарха Адриана (1688—1700). Омофор хранится в Оружейной палате (рис. 45). Концы его богато шиты жемчугом. По краям омофора вдоль идет узкая прошивка, шитая по атласу средним и мелким жемчугом со сверленными изумрудами в гнездах. Золотные кисти с низанными средним жемчугом узлами и ворворками (ОП № 12085).

Как видно из описаний, в последние десятилетия XVII века функция жемчужного шитья в орнаментации и степень его насыщенности жемчугом остаются такими же, как и в начале столетия.

Начало XVIII века совпадает с годами царствования Петра I и является поворотным пунктом в развитии шитья жемчугом. Петровские реформы, сблизившие Россию с западноевропейской культурой,

Рис. 45. Омофор патриарха Адриана.
Деталь. 1683—1700 гг.

повлекли за собой изменения во всех сторонах жизни общества, главным образом в его высших слоях. Сильным изменениям подвергся быт дворянства, крупного купечества, отчасти духовенства. Изменились эстетические требования и произошли значительные перемены в области прикладного искусства, в частности это сказалось на развитии шитья жемчугом.

После реформы Петра I правящее сословие перестало носить русское платье. Вследствие отказа верхов общества от национальной одежды сузилась область применения жемчужного шитья.

В обиходе рядового дворянства жемчужное шитье на одежде заменяется самоцветными камнями, стразами (поддельные драгоценные камни из свинцового стекла с различными примесями, сильно преломляющего лучи), а у высшего дворянства — драгоценными камнями, в частности бриллиантами. Только изредка встречаются указания об украшении платья жемчугом, например шитое жемчугом платье супруги Бирона.

В других слоях общества, сохранивших одежду (среднее и мелкое купечество, крестьянство), жемчужное шитье продолжает бытовать как народное искусство.

Хотя в церковном обиходе шитье жемчугом и не утратило прежнего значения, однако в художественном и техническом отношении и отчасти по качеству материала оно значительно уступало памятникам жемчужного шитья XVI и XVII веков.

Следует отметить, что в XVIII веке уже наблюдается стремление к замене дорогостоящих шитьевых материалов более дешевыми, в частности настоящего жемчуга поддельным.

В XVIII веке в России все чаще начинает применяться поддельный жемчуг, что может быть объяснено упадком русского жемчужного промысла.

Как уже упоминалось, целый ряд указов Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны и Екатерины II предусматривал поднятие русского жемчужного промысла.

В конце XVII века (1680) в Париже Pierr'oM Jaquin был найден способ приготовления искусственного жемчуга. Основой поддельного жемчуга были стеклянные бусы, заполненные особым составом. Жемчуг, приготовленный по способу Jaquin, обычно носит название «бургиньона», «Perle bourguignon», и очень близок по виду к настоящему жемчугу ⁸⁷.

Такой поддельный жемчуг нередко встречается в шитье XVIII века как на вещах церковного быта, так и на народных одеждах. Им украшены многие пелены, хранящиеся в Историческом музее, а также встречается он на разнообразных народных женских головных уборах — челках ⁸⁸, венцах, киках и пр.

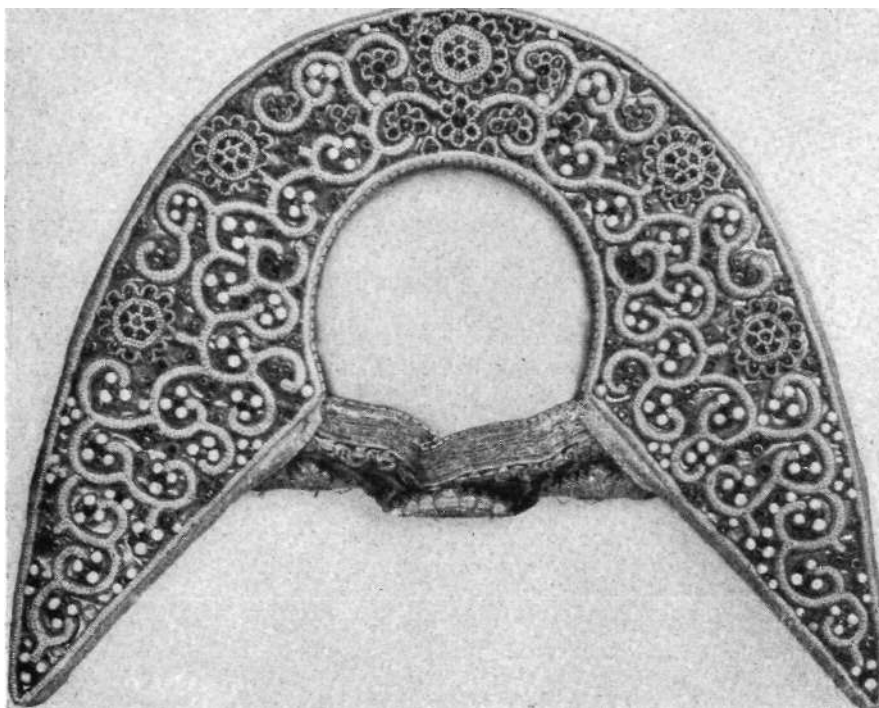

Рис. 46. Головной женский народный убор «челка». XVIIIв.

Другим заменителем настоящего жемчуга был битый перламутр, то есть бусы из перламутра.

Иногда, как в народном, так и в церковном шитье, поддельный жемчуг и битый перламутр применялись в сочетании с настоящим жемчугом. Такое соединение создавало впечатление подлинности жемчужного шитья.

Материал по жемчужному шитью для XVIII века претерпевает значительные изменения. Литературные источники, свидетельства иностранцев уже не дают сведений о жемчужном шитье. Это понятно, потому что жемчужное шитье перестало быть повседневным явлением в орнаментации одежды дворян, а иностранные наблюдатели уделяли

свое внимание главным образом этому общественному слою. Сведения о жемчужном шитье не встречаются и в русских литературных **источниках XVIII** века.

Документальный материал, относящийся к светскому быту, сильно сужается, так как одежды не являются более предметом наследования. Церковный документальный материал сохраняет полностью свое **преж-
нее** значение.

Светский вещевой материал дает предметы народной одежды, главным образом женские головные уборы. Церковный вещевой материал представлен различного вида утварью: фелонями, стихарями, **воздухами** и пр.

В XVIII веке различие между церковным и светским жемчужным шитьем становится более глубоким.

Церковное жемчужное шитье отражает проникновение в русское декоративное искусство западных влияний, но подвергает их самостоятельной переработке.

Между тем народное жемчужное шитье сохраняет древние традиции русского декоративного искусства. Характер орнамента остается неизменным.

Исторический музей имеет обширное собрание различных предметов народного жемчужного шитья XVIII века, в основном это женские и девичьи головные уборы. Этим собранием мы пользуемся для характеристики народного шитья данного периода.

Для первой половины XVIII века приводятся два девичьих головных убора и два женских. Обе девичьи «челки» — **Новгородской губ.**

На первой челке (ГИМ № 2844/20770/Щ) узор состоит из центральной, крупной и сложной по рисунку пальметы и двух боковых, менее крупных и менее сложных. Орнамент выполнен жемчужным шитьем со включением камней в гнездах и без гнезд. Шитье прорезное, наложено на красную фольгу. По нижнему краю «челки» идет поднизь «рефедью» (рис. 48).

На второй челке (ГИМ № 678/20745/Щ) сложный растительный орнамент, напоминающий цветы, низан мелким жемчугом и обведен тонким золотным шнуром. В шитье включены камни в гнездах, плашки и запаны. Шитье прорезное (рис. 47).

Первый женский головной убор Олонецкой губ. — кика (ГИМ № **159/15898**) — украшен повторяющимся узором из сердцевидной, орнаментальной детали и двух птиц, расположенных по сторонам. 1 исунок узора вынизан средним жемчугом в сочетании с половинчатым и обведен золотным шнуром (см. рис. 20 и 21).

Второй женский головной убор также Олонецкой губ. (Каргопольский уезд) — «кика с рогом» (ГИМ № E1310/50459). Очелье богато

Рис. 47. Головной девичий народный убор «челка». XVIIIв.

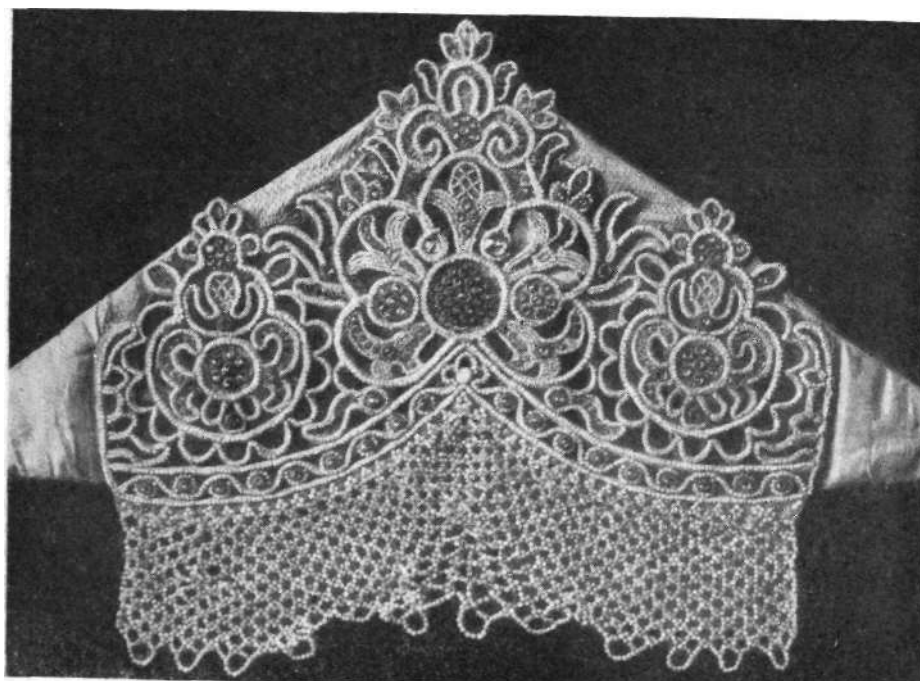

Рис. 48. Головной девичий народный убор «коруна». XVIII

:

Рис. 49. Головной девичий народный убор «венец». XVIII в.

шито жемчугом, впереди образует выпуклость в виде рога. По очелью, примыкая к тыльной части, идет жемчужная поднизь в «рефедь». Жемчуг шитья различной величины и качества, в том числе половинчатый (см. рис. 19).

Такие же кики бытовали в Вологодской губ. По своему характеру и по технике шитья этих головных уборов близко к XVII веку. Оно выполнено на бели, что вообще характерно для народного шитья.

Ко второй половине XVIII века относятся следующие головные уборы. Девичий венец «с городы» («коруна») Нижегородской губ.

(ГИМ № Е560/54787) (рис. 49). Орнамент травный с прорезями. Центральную часть орнамента образуют три круглые, расположенные спереди запаны с камнями. Жемчужный «побежек» окаймляет «города». Шитье выполнено мелким, средним и половинчатым жемчугом с включением камней.

На кокошнике Нижегородской губ. (ГИМ № Е9/23287 Щ), имеющем вид полумесяца с опущенными вниз концами, травный орнамент выполнен шитьем мелким жемчугом «на бели» (рис. 46).

Иной характер носит шитье на другом головном уборе Владимирской губ. (ГИМ № 820/2385/Щ). Жемчужное шитье покрывает очелье. На приводимой детали орнамента (рис. 52) очелья узор состоит из стилизованных цветов на стеблях, вписанных в треугольник. Шитье выполнено средним и мелким жемчугом и включает цветные камни. Остальная часть кокошника местами покрыта жемчужным шитьем с прорезями, подложенными цветной фольгой; шитье сочетается с золотными блестками.

Кокошник Костромской губ., Галичского уезда (ГИМ Е62/23277), имеет своеобразную форму (рис. 50). Лицевая часть представляет сильно вытянутый в высоту треугольник. Она покрыта жемчужным шитьем на бели в сочетании с цветными камнями. Орнамент шитья травный, прорезной, подложен золотной фольгой.

На кокошнике Вологодской губ. (ГИМ № Е393/23220/Щ) орнамент очелья состоит из пяти крупных цветов, вышитых жемчугом. В центре каждого цветка группа из камня и пяти половинчатых жемчужин, обведенных мелким жемчугом, образует как бы венчик цветка, поднизь «вниз» походит на кружево.

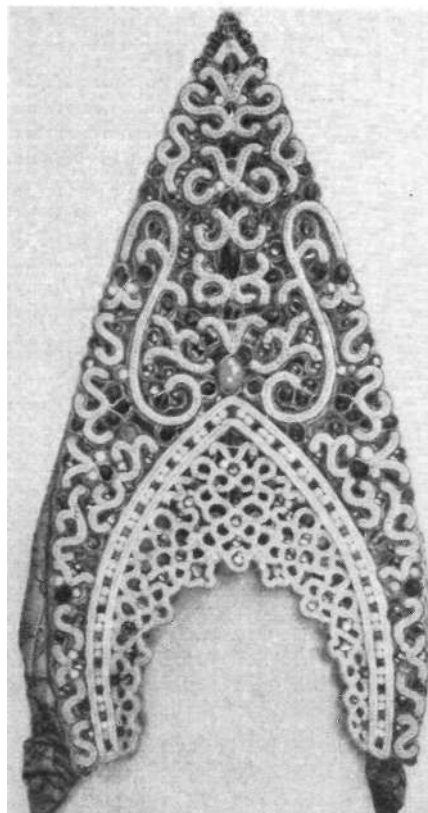

Рис. 50. Головной женский народный убор «кокошник». XVIII в.

Рис. 51. Головной женский народный убор «кокошник». XVIII в.

Интересным образцом «высокого» жемчужного шитья является кокошник Псковской губ., Торопецкого уезда (ГИМ № Е191/23152) (см. рис. 25).

По переднему краю кокошника шит орнамент, состоящий из низанных жемчугом «шишек», числом более двадцати.

Сочетание двух видов шитья — «высокого» и «по настилу» — наблюдается на очелье кокошника-чепца Калужской губ. (ГИМ № Е396/53054) (рис. 51).

Рис. 52. Деталь головного народного убора
«кокошник». XVIII в.

Орнамент состоит из довольно крупной овальной выпуклости в середине и более мелких, расположенных по две в ряд с каждой стороны. Выпуклости низаны и обведены жемчугом, в центре их посажены камни. От выпуклостей по очелью расходится растительный орнамент, выполненный жемчужным шитьем.

Помимо головных уборов в собрании Исторического музея имеются и другие шитые жемчугом девичьи и женские уборы, например косники (№ Е303/20755/Ш) и ожерелки (№ Ч279/20755/Ш).

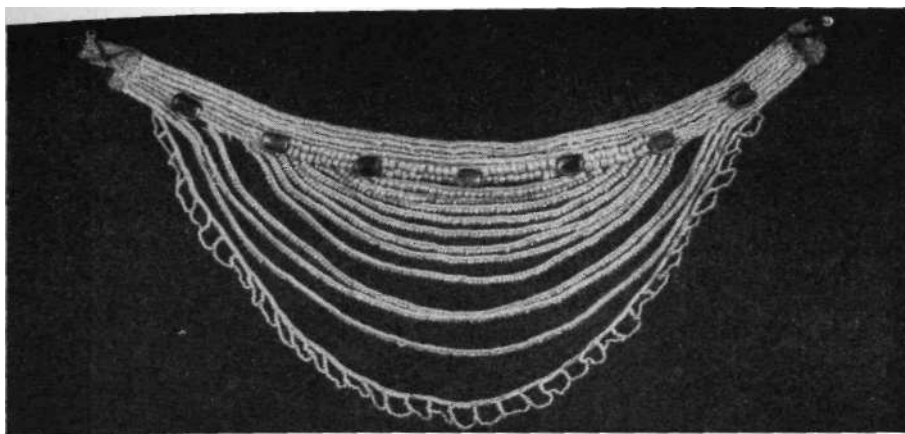

Рис. 53. Ожерелье «ожерелок»

Девичий **убор** — косник (рис. 54) вплетался в самый конец косы и удлинял ее. Он представляет собой большую круглую розетку, обрамленную сборчатой лентой. К розетке прикреплена кисть. Узор состоит из вписанной в круг семилопастной орнаментальной фигуры с круглой запаной в центре. Запана украшена камнями, посаженными в гнезда. Семилопастная фигура шита половинчатым жемчугом в сочетании с перламутровыми бусами. Такими же бусами шит обрамляющий круг и низана кисть. Перламутровые бусы служат заменой настоящего жемчуга.

Ожерелье («ожерелок») просто по своему строению (рис. 53). Оно состоит из восемнадцати рядов низанья жемчугом по шнуру. Низанье в основном выполнено мелким жемчугом, более крупный — у горловины. По горловине расположены цветные продолговатые бусины.

Другая линия развития в искусстве жемчужного шитья наблюдается в церковном шитье. Как уже упоминалось, церковное шитье жемчугом быстро восприняло и переработало новые, западные формы декоративного искусства. Но в первой четверти XVIII века церковное жемчужное шитье еще продолжает хранить древние традиции; таков характер шитья оплечья на фелони (Краеведческий музей в Серпухове, № 776/200).

Фелонь начала XVIII века построена из золотой парчи. Оплечье коричневого бархата покрыто жемчужным шитьем со включением страз.

Узор шитья состоит из крупных орнаментальных мотивов и в сочетании с травами подчеркивает очертания креста.

Ко второй четверти того же столетия может быть отнесено жемчужное шитье оплечий на трех фелонях из собрания Угличского краеведческого музея.

На оплечьи фелони (Угличский музей, № 328) (рис. 55) центральную часть орнамента представляют три довольно крупные дробницы. Вокруг дробниц в строгой симметрии расположены завитки, охватывающие растительные мотивы. Весь рисунок орнамента обнизан жемчугом средней величины со включением страз. По краю оплечье также обведено жемчугом.

Второе оплечье (Угличский музей, № 318) (рис. 56) вишневого бархата. Орнамент состоит из усложненной многолепестковой звезды, над которой находится корона. Вокруг звезды симметрично расположены клейма в форме неправильных овалов. Внутри клейм растительные мотивы. Шитье выполнено жемчугом и цветными камнями. По краю оплечье обведено жемчугом.

Третье оплечье зеленого бархата (Угличский му-

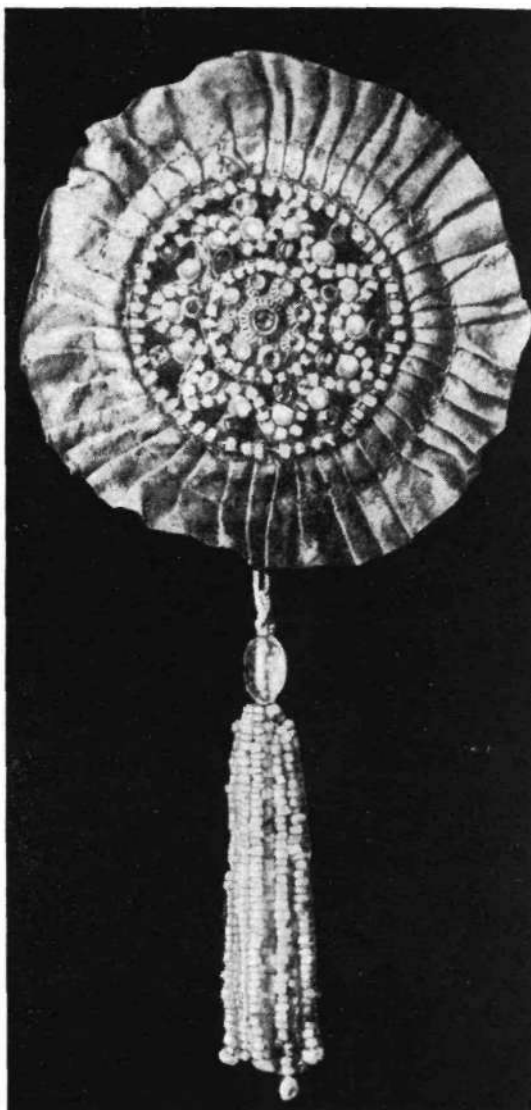

Рис. 54. «Косник», шитый половинчатым жемчугом

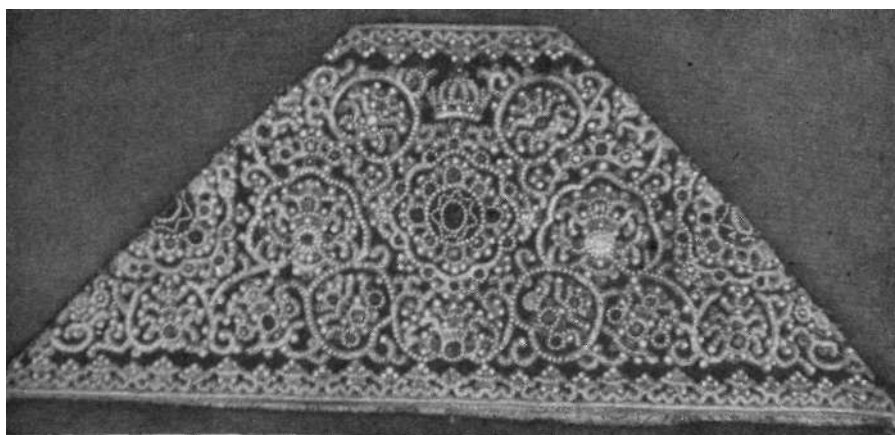
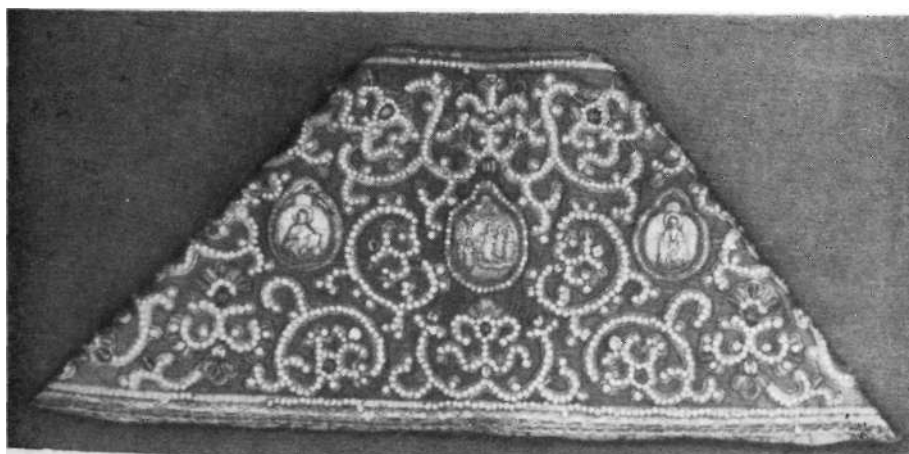

Рис. 55. Фелонь парчовая, оплечье, шитое шнуром и низанное жемчугом и цветными стразами. XVIII в.

ис. 6. Фелонь парчовая с бархатным вишневым оплечьем, с камнями и жемчугом. XVIII в

Рис. 57. Фелонь серебристой парчи с оплечьем из зеленого бархата с шитыми изображениями жемчугом в овале. XVIII в.

зей, № 323) (рис. 57). Основой композиции узора является овальное клеймо, внутри которого дан многофигурный тематический орнамент. Справа и слева клейма, и над ними расположены три круглые дробницы. От нижней части овала в обе стороны отходит растительный орнамент, разветвляющийся по полю оплечья. Этот растительный орнамент состоит из тонких длинных листьев и таких же стеблей, оканчивающихся цветами. Фигуры в клейме сплошь шиты жемчугом. Овал обнизан жемчугом с включением страз. Растительный орнамент дан жемчугом и стразами.

В разработке орнамента шитья всех трех оплечий наблюдается отход от старых традиций и проникновение новых веяний. Это сказывается в очертаниях клейм и растительных мотивов, в трактовке фигур тематического орнамента и во включении в орнамент короны как отдельного мотива. Во второй половине XVIII столетия все эти явления получают дальнейшее развитие.

Образцом может служить оплечье фелони второй половины XVIII века, хранящейся в Оружейной палате, фелонь вклада Екатерины II, о чем свидетельствует шитая на ней посвятельная надпись (рис. 58). Центральную часть композиции орнамента составляет греческий четырехконечный крест, помещенный наверху тыльной части. По сторонам креста расположены трость и копие. Эти изображения орга-

связываются со сложным растительным орнаментом, которым заполняет все оплечье. На месте соединения оплечья со становой частью фелони расположена вотивная надпись.

Весь оисунок орнамента низан жемчугом различной величины. Шитье дается по настилу и без настила. В шитье включены запаны, **плашки** и драгоценные камни. Оплечье окаймлено линией жемчуга средней величины. Ниже идет шитый жемчугом посвяtitельный текст, под которым двойная линия мелкого жемчуга. Применение способов шитья по настилу и без него и различная величина жемчуга создают впечатление рельефности орнамента.

С большим искусством и мастерством выполнено жемчужное шитье на оплечье фелони вклада Екатерины II в Троице-Сергиеву лавру (рис. 59). Узор оплечья представляет собой интересную переработку травного орнамента во вкусе XVIII века⁸⁹.

Существенной частью орнамента является помещенная в центре оплечья монограмма, состоящая из трех латинских букв: "T. S. L." (Троице-Сергиева лавра). Монограмма заключена в овал. Буквы, овал и обрамляющий орнамент низаны жемчугом различной величины. Такое шитье с различным уровнем дает впечатление рельефа. Этот шитьевый прием мы уже видели на фелони собрания Оружейной палаты.

Следует обратить внимание также на то, что введение в орнамент шитья жемчуга монограммы было новшеством. На Руси давался текст, сокращения, отдельные буквы, инициалы, цифры, но монограммы как соединения нескольких начальных букв и цифр в единую фигуру, имеющую самостоятельное орнаментальное значение, не было.

Любопытным случаем своеобразного применения монограммы является жемчужное шитье на фелони вклада Екатерины II, хранящейся в собрании Оружейной палаты. На тыльной части фелони вместо обязательного изображения креста дан вензель *ЕП*, что составляет резкое нарушение церковного правила.

Обзор материальных памятников XVIII столетия завершим описанием одежды на престол вклада митрополита Платона 1796 года в Троице-Сергиеву лавру. Это памятник совершенно исключительный по великолепию, мастерству и художественности выполнения. В нем наблюдаются все черты шитья жемчугом XVII века: насыщенность жемчугом, ооилие драгоценных камней, ювелирных деталей (дробницы, запаны и пр.) (рис. 60).

Традиционная тематика и символика орнамента разработаны в декоративных формах конца XVIII века. Здесь снова наблюдается введение в орнамент монограммы. На южной стороне одежды вензель из трех латинских букв «*T. S. L.*» обозначает место вклада (Троице-Сергиева лавра), как и на фелони дара Екатерины II. На северной стороне дан вензель вкладчика «*P. M. M.*» (Платон, митрополит Московский).

Рис. 58. Фелонь с посвятельной надписью Екатерины II. XVIII

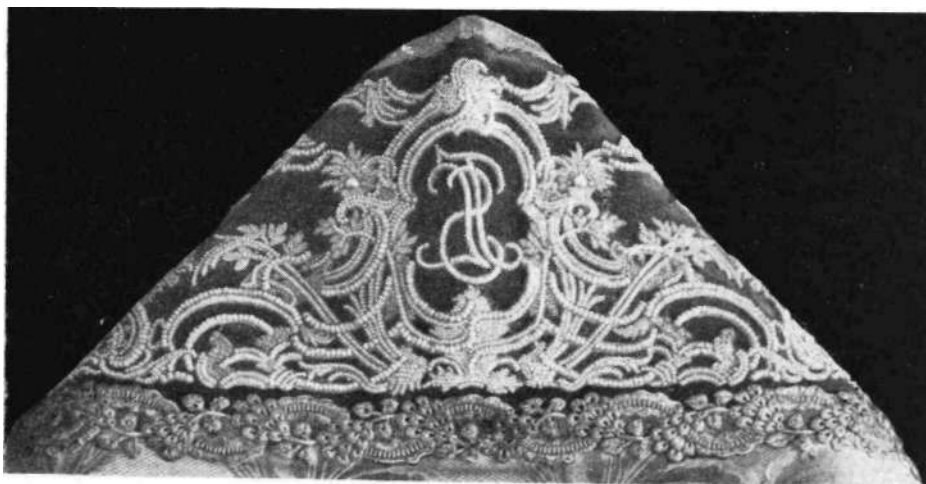

Рис. 59. Фелонь. Вклад Екатерины II. 1791 г.

Значительный интерес представляет шитье жемчугом надписи. **адная** надпись на южной стороне дает полностью имя вкладчика, его сан и дату вклада. На северной стороне надпись сообщает общее количество жемчуга, драгоценных камней и золотых вещей, употребленных на создание памятника ⁹⁰.

XIX и начало XX века являются последним этапом в истории жемчужного шитья. Его можно разделить на два периода. Первый связан с кризисом крепостнической системы, а второй — с развитием и уничтожением капитализма в России.

В первой половине XIX века народное жемчужное шитье сохраняет свое прежнее значение. Церковное искусство становится менее роскошным и художественным, но еще имеет широкое применение.

Во второй половине XIX и начале XX века в связи с изменением общественных отношений сильно меняется и народный быт. Городское платье все более проникает в деревню. С уходом народной одежды уходит и народное жемчужное шитье.

Церковное жемчужное шитье утрачивает прежнее значение и переходит в шитье поддельным жемчугом, отчасти бисером. Встречаются лишь единичные памятники, шитые настоящим жемчугом.

В XIX веке русский жемчужный промысел находится в упадке и з XX века прекращает свое существование. Наряду с настоящим жемчугом применение находят «бургиньон» и различные виды поддельного жемчуга, в частности так называемый «римский жемчуг» ⁹¹.

Следует заметить, что хотя поддельный жемчуг и применяется в народном жемчужном шитье, но он не вытеснил настоящего жемчуга, а существовал с ним одновременно.

Виды источников по шитью жемчугом XIX — начала XX века меняют свое значение.

От первой половины XIX века имеется целый ряд воспоминаний, принадлежащих русским и иностранным наблюдателям жизни нашей страны. Авторы воспоминаний проявляют особый интерес к народному быту в городе и деревне, что составляет особую ценность передаваемых ими сведений.

Документальный материал почти утрачивает свое значение, так как жемчужное шитье уходит из частного и церковного быта.

Вещевой материал представлен главным образом женскими головными народными уборами и предметами церковного обихода. Большая часть народного вещевого материала относится к первой половине XIX века, для второй половины его и начала XX века этот материал становится более редким.

Бытование жемчужного шитья в крестьянстве отражено в воспоминаниях бывшего крепостного крестьянина помещика И. Салтыкова-Николая **Шапова** ⁹². Автор родился в 1802 году в слободе «Выездной»

Рис. 60. Одежда на престол. Вклад митрополита Платона. 1795г.

Рис. 61. Головной женский народный узор.
XIX в.

близ Арзамаса, Нижегородской губ. Он дает следующее описание свадебной одежды своей невесты: «Смотрение невесты было в 1820 году. Невеста была в шелковом вышитом золотом сарафане и в белой как снег рубашке; на шее было ниток 40 разной величины жемчуга; в ушах жемчужные серьги, на голове жемчужная повязка и в косе целый пучок алых лент... Перед обедом надели на мою молодую жемчужный кокошник».

Описание шитых жемчугом головных уборов крестьянок Нижегородской губ. встречается и в воспоминаниях А. Н. Волконского. «До 1823 года,— говорит он,— они носили кокошники из золотой парчи, богато украшенные жемчугом».

К 1854 году относится рукопись Ф. Фаворского, которую приводит Д. Н. Зеленин; в ней упоминается о своеобразных низанных жемчужных головных уборах крестьянок села Ворсма, Горбатовского уезда, Нижегородской губ.: «Богатые носят «рефеля» жемчужные, которые надеваются на кудри и накрываются платками»⁹⁴. На жемчужное шитье в быте го-

родского и сельского населения обращает внимание немецкий исследователь сельских учреждений Гакстгаузен, путешествовавший по России в 1843 году⁹⁵. Говоря о Нижегородской губернии, автор сообщает: «У всех женщин, которых я тут видел, даже у самых бедных рыбацек, было на шее по крайней мере 3—4 нитки настоящего жемчугу; у более достаточных бывает по 10—12 ниток и даже головные уборы, вышитые жемчугом, наподобие диадемы. На здешние купеческие свадьбы купчихи приезжают совершенно унизанные жемчугом и драгоценными камнями, тюр, стоящий 100 000 ассигнациями, считается у них ни по чем»⁹⁶.

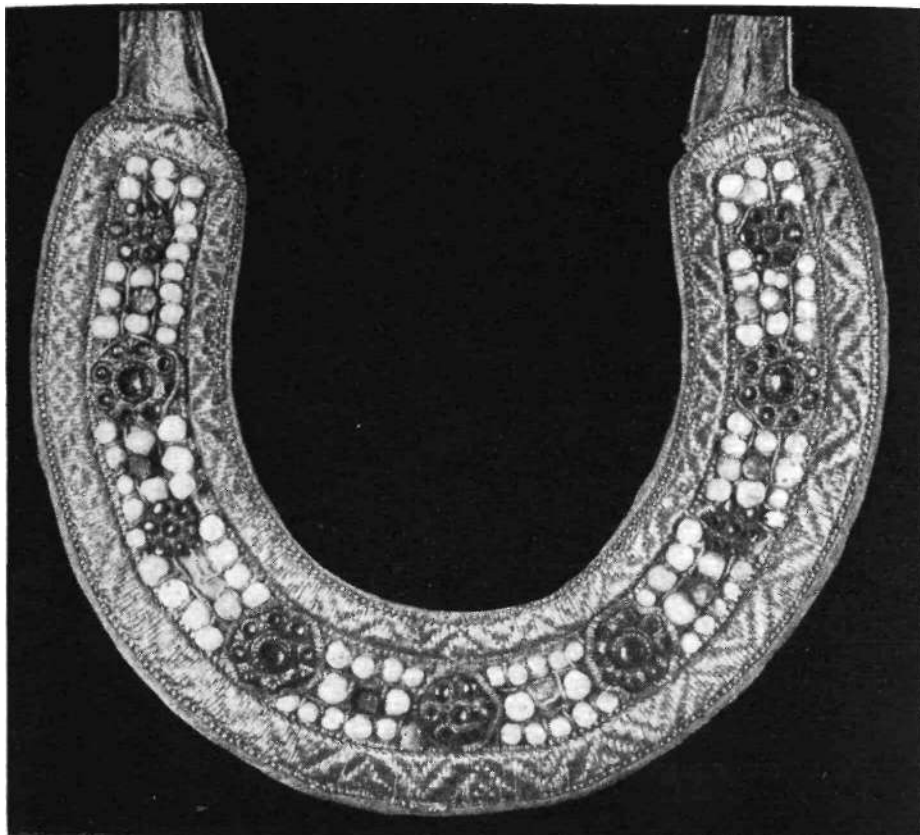

Рис. 62. Ожерелье «наборушник».
XIX в.

К первому десятилетию XIX века относятся письма англичанки мисс Вильмот, в которых упоминается об обилии жемчужного шитья в орнаментации облачения духовенства Троице-Сергиевой лавры.

Во второй половине XIX века сообщения о жемчужном шитье становятся очень редкими. По сообщению жителей города Кеми, еще в 20-х годах текущего столетия у поморов на свадьбе невеста наряжалась в шитые жемчугом алый сарафан, головной убор и «наборушник».

Народное жемчужное шитье первой половины XIX века может быть охарактеризовано головными уборами этого периода собрания Исторического музея. К началу XIX века может быть отнесена девичья «челка» Новгородской губернии (ГИМ № 679/5475/25854). Орнамент, прорезной насквозь, носит растительный характер, в виде ~~цветов~~ и расходящихся побегов. Шитье выполнено поддельным жемчугом («бургиноном») на бели и включает в себя ~~запаны, украшен-~~ные камнями (см. рис. 9).

Образцом шитья на женском головном уборе городского населения является «повойник» (косыня), который носили мещанки города Старая Русса, Новгородской губ. (ГИМ № 532/54786) (см. рис. 22). Растительный орнамент шитья состоит из цветов и листьев, расположенных на извилистых стеблях. Жемчужное шитье выполнено двумя способами: цветы даны высоким швом (подложены ватой). Лепестки цветов сплошь низаны жемчугом и окаймлены блестками. В центре каждого цветка посажен камень. Так же даны и листья. Стебли выполнены шитьем «на бели». Сочетание высокого шитья с низким придает орнаменту большую живость.

Два кокошника Тверской губернии — Ржевского и Осташковского уездов (ГИМ № 212/53054 и ГИМ № 205/23289/Щ) — сходны по форме и по характеру орнамента и шитья. Композиция орнамента определяется формой кокошника. На передней части кокошника Ржевского уезда, на его очелье орнамент состоит из трех крупных округлой формы цветов, соединенных между собой стеблями. По навершью и тыльной части идет травный орнамент. Весь рисунок узора низан жемчугом на «бели» с включением камней.

На передней части кокошника Осташковского уезда (рис. 61) основная часть орнамента состоит из цветка, помещенного как бы в вазон с подножием. Ниже идет кайма из травного орнамента, охватывающая весь кокошник. Шитье кокошника выполнено средним жемчугом на бели в сочетании с блестками. Шитье окаймления ограничено сверху сканным золотным шнуром и тонкой золотной цепочкой. Любопытной особенностью узора этого кокошника является включение в орнамент монограммы, расположенной на навершии. Это нарушение традиций народного орнамента указывает на некоторое проникновение новых веяний в народное искусство.

Женский головной убор Вологодской губ. — «сборник» (ГИМ № 290/36629) своеобразен по форме. Он состоит из твердого очелья и мягкого, «в сборы» верха. По очелью идет травный орнамент, ~~перех-~~ходящий на верхнюю часть «сборника». Шитье выполнено по бели римским жемчугом и перламутровыми бусами с включением половинчатого жемчуга и камней. Поднизь состоит из бургинона, римского жемчуга и перламутровых бус (см. рис. 8).

Примером жемчужного шитья на шейном женском уборе может служить ожерелье — «наборушник» (ГИМ № 209/35434). Ожерелье округлой формы на твердом подкладе (лубок), орнамент состоит из девяти круглых усаженных камнями **запон**, между которыми **группами** расположен половинчатый жемчуг. Этот убор обрамлен золотным шнуром, по краям наборушник шит золотом (рис. 62).

Образцов народного шитья жемчугом на предметах мужской одежды сохранилось очень мало. В собрании Исторического музея имеется несколько поясов, низанных жемчугом.

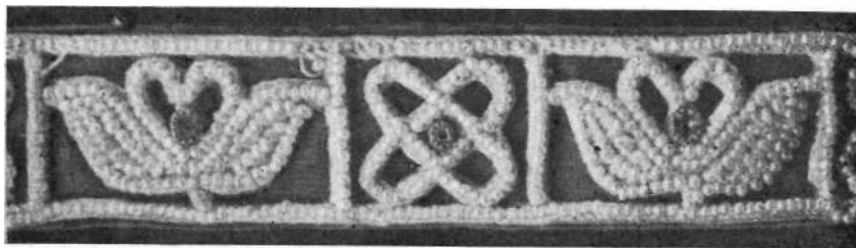

Рис. 63. Мужской пояс, шитый жемчугом. Деталь. XIX в

Как пример приводим бархатный пояс (ГИМ № 268/58057) с серебряной золоченой пряжкой. Орнамент шитья состоит из прямоугольных и квадратных клейм.

Внутри прямоугольных клейм помещены изображения цветка, внутри квадратных — розетка. Весь рисунок орнамента вышит жемчугом. В сердцевинах цветов и в центре розеток посажены камни в гнездах (на рис. 63 дается деталь орнамента).

Образцы церковного жемчужного шитья XIX, а также начала XX века немногочисленны.

Во Владимирском краеведческом музее хранится шитый жемчугом оклад с иконы Владимирской Богоматери и ряд убрусов. Риза Владимирской Богоматери (№ В 2753) (рис. 64) относится к началу XIX века, размер ее 31,5Х45 см. Жемчужным шитьем на бели даны контуры и линии одежд. На одеждах растительный орнамент, состоящий из крупных цветов с листьями и стеблями. Орнамент выполнен жемчугом в сочетании с перламутровыми бусами. В шитье включены драгоценные камни и стразы. Шитье прорезное, подложено зеленой и фиолетовой фольгой. Первый убрус того же периода (№ В 2747, размер 32Х32 см).

Рис. 64. Оклад иконы Владимирской Богоматери
XIX в.

шит жемчу1ом, камнями и перламутром по темножелтой тафте. Подложен золотной фольгой. Орнамент растительный. Второй убрус (№В 2244, размер 35Х43 см) шит мелким жемчугом, перламутром, камнями, стразами и поддельным жемчугом. Подложен золотной фольгой. Орнамент растительный (рис. 65).

Более поздний по времени, но в пределах первой половины XIX века убрус (№ В 27-41, размер 33×38 см) шит жемчугом, блестками, **канителью**, бисером и стразами, кораллами. Подложен золотной фольгой. Орнамент растительный (рис. 66).

По этим кратким описаниям можно составить представление о материале, применявшемся в шитье окладов в первой половине XIX века.

Рис. 65. Убрус. XIX в.

Материал удешевляется, широко применяется перламутр, стразы, реже — бисер; жемчуг в ограниченном количестве. Создается полная иллюзия роскоши.

К началу XIX века может быть отнесено шитье на оплечье фелони (I ИМ № 2134/68989). Орнамент носит растительный характер и состоит из довольно крупных цветов и листьев. Шитье в основном золотное. Жемчужное шитье без настила украшает каждую деталь орнамента. В общем шитье не отличается художественностью и роскошью (рис. 67).

Другое впечатление производит покроец из собрания бывш. Ново-дезичьего монастыря (Н. Д. № 319/3262) второй четверти XIX века

Рис. 66. Убрус. XIX в.

(рис. 68). Покровец красного бархата, размером 46X46 см. В центре четырехконечный крест с расходящимися лучами низан жемчугом разной величины. Воздух окружен растительным орнаментом, состоящим из кистей винограда и колосьев, соединенных волнистой линией. Кисти винограда и колосья даны жемчугом, высоким швом. По краю воздух окаймлен тремя жемчужными линиями, по углам жемчужные кисти. Жемчуг шитья различной величины. Здесь наблюдается тот же прием, что и на фелонях собрания музея Троице-Сергиевой лавры,— создающий впечатление рельефности. В сочетании с высоким швом это шитье кажется скульптурным.

В церковном шитье второй половины XIX века настоящий жемчуг почти совсем вытесняется поддельным, но техника шитья сохраняется прежней.

Однако шитье настоящим жемчугом еще применяется. Сохранились отдельные образцы, например в собрании Владимирского краеведческого музея хранится воздух (№ В 18-32) конца XIX — начала XX века. Воздух крестообразный, темнофиолетового бархата, размер 47,5 X 47,5 см. На лопастях растительный орнамент шит жемчугом и золотной нитью.

Образцом шитья поддельным жемчугом второй половины XIX века может служить покровец собрания музея Ново-Девичьего монастыря (Н. Д. № 3808). Покровец голубого бархата, в центре крест, по краям растительный орнамент, выполненный золотным шнуром, поддельным жемчугом в сочетании с блестками.

В конце XIX — начале XX столетия в церковном шитье наблюдается стремление к восстановлению и переработке древнерусских орнаментальных форм. В Оружейной палате хранятся пелены, осуществленные по рисункам Васнецова и Нестерова. Шитье на пеленах выполнено поддельным жемчугом. Примером может также служить полное епископское облачение собрания музея Ново-Девичьего монастыря

Рис. 67. Оплечье фелони. *Начало XIX в*

(Н. Д. № 3262/319). Облачение построено в 1912 году в Москве, в Ивановском женском монастыре в Златоустенском переулке, по рисунку В. М. Васнецова. Из полного облачения приводится описание саккоса (рис. 70). Саккос белой шелковсй ткани атласной выработки с узором. Шитье расположено по оплечью, наподольнику и зарукавьям. Орнамент растительный, стилизованный из листьев и цветов заостренной формы. Шитье выполнено цветными шелками, пряченым золотом, канителью, блестками. Основная часть узора шита поддельным жемчугом. Аналогично выполнены и другие части этого облачения. Поддельный жемчуг шитья хорошо имитирует настоящий, и создается иллюзия великолепия. Это является завершающим этапом в развитии церковного жемчужного шитья.

Русские вышивальщицы в созданных ими предметах шитья являются творцами большой художественной области народного искусства, искусства коллективного, не знавшего школ, руководившегося чувством красоты, гармонии и декоративного вкуса, заложенным в русском народе с глубокой древности.

Вышивальщицы по данным им, часто сухим контурам творили самостоятельно свое произведение из шелка, золотных нитей, камней и жемчуга; последний накладывался, «садился» с особым чувством.

Жемчугом оконтурены главные очертания: рисунок фигур (кроме лица), одежды, орнамента.

Этим переливающимся, светящимся контуром дано то, что вышивальщица хочет выделить как самое существенное в композиции. Кон-
твоная роль жемчуга наблюдается в памятниках шитья с XI столетия.

И в мозаиках храма св. Софии в Киеве XI века, в одежде ангелов купола, видим отражение жемчужного контура в передаче одежды; и в других ранних памятниках, в частности во фресках церкви Спаса Неофита под Новгородом XII века, в церкви св. Софии в Новгороде, во фреске «Константин и Елена» XII века, видим контурные линии одежд, переданные жемчугом.

Если перейти к предметам обихода раннего периода, то и на них видим тот же принцип применения жемчуга — им либо обнизывается контур орнамента, либо отдельные жемчужины вкрапливаются в орнамент.

На поручах XII века Варлаама Хутынского среди гармоничного орнамента, окружающего архитектурный мотив арок на колоннах, изображены три фигуры композиции деисуса. В то время как все остальное передано шитьем золотной и шелковой нитью, эти три фигуры тщательно обведены контуром жемчужным шитьем, выделяясь в композиции как самое в ней существенное.

Нужно оговориться, что в памятниках стенной живописи, отражающих древнерусскую одежду, видим несколько иную роль жемчужного контура: здесь он скорее обрамление одежды, чем рисунок, которым дается вся фигура. Это совершенно естественно, так как живописное изображение имеет свой темный красочный контур на стене. Но жемчужный контур или обрамление четко рисует основные формы одежды — ворот, плечье, среднюю полосу, запястья, отделку нижнего края одежды — подольник, и в таком виде встречается на протяжении всего пути древнерусской живописи.

Жемчужное обрамление видим и в XIII веке, в изображении Бориса и Глеба в росписи церкви Николы на Липне под Новгородом, и в XIV веке в росписи в Болотове (пророк Давид) и в Ковалеве («Предста царица одесную»), и в XV—XVI веках в росписи Ферапонтова монастыря (притча «О неимущем одеяния брачна»), и в иконах XVI века, на которых изображены человеческие фигуры в русских одеждах (икона «Житие Бориса и Глеба»), и в XVII—XVIII веках, когда в стенную живопись входят русские одежды («Пир у Ирода» в Софийском соборе в Вологде).

Несомненно, роль жемчуга как художественного средства выражения изображений в шитье с большей очевидностью сказалась в одежде, головных уборах и предметах обихода, которые сохранились в наших музеях и, в частности, в Историческом музее.

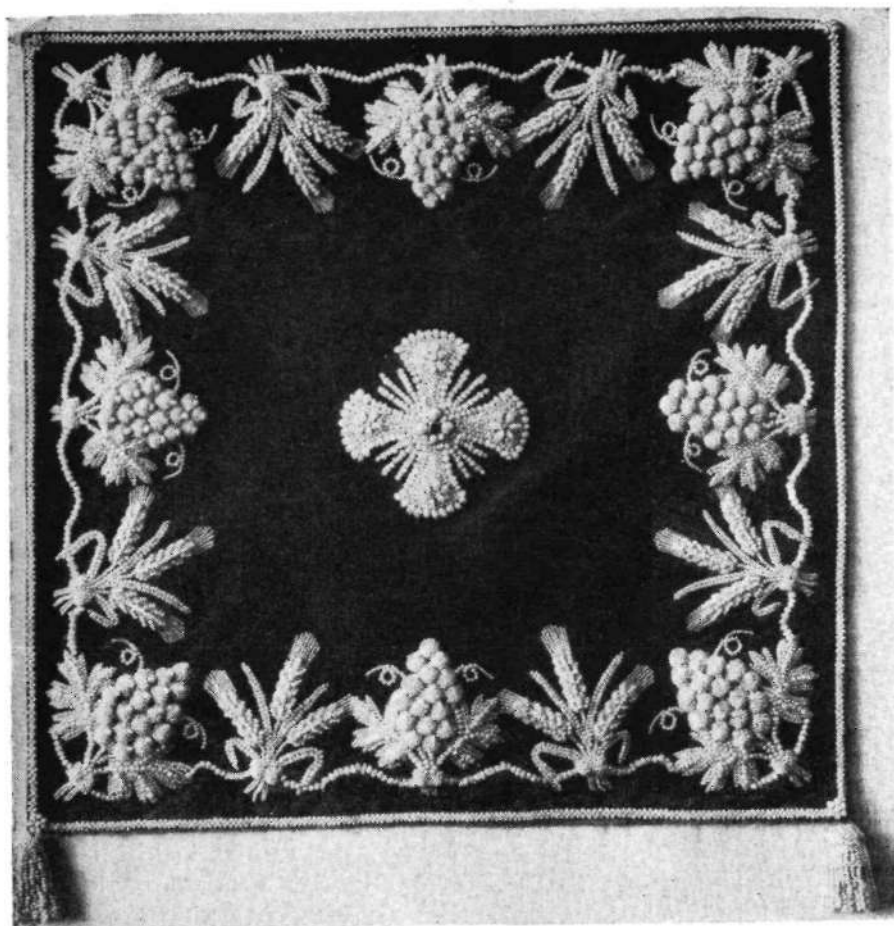

Рис. 68. Покровец. 1850-е гг.

Здесь можно проследить, как по мере перехода к более позднему периоду роль жемчуга как контура постепенно утрачивается, форма жемчужного узора становится самодовлеющей и к началу XVIII столетия переходит в род скульптурной лепки. Так, еще на головном уборе, митре вклада княгини Федоры Андреевны Пожарской (ГИМ № РБ

4206/78526) БИДИМ чисто контурную роль жемчуга: им обрамлены три фигуры поясного деисуса, их нимбы и Гранины композиции в виде жемчужной нити по темнофиолетовому атласу (см. рис. 39).

На пелене 1601 года из музея Троице-Сергиевой лавры в г. Загорске выполненной Ксенией Годуновой, центральная композиция повторяет икону Андрея Рублева «Троица».

Контурные одежды, крыльев, нимбов, стола, подножий, даже горы, здания и деревья на фоне за тремя фигурами обрамлены жемчужным шитьем. В жемчужном контуре чувствуется усилие художницы подчеркнуть гармонию линий непревзойденного произведения искусства. Орнамент, окружающий пелену, также передан жемчужным шитьем — контуром (см. рис. 10).

Интересно также в этом отношении портретное изображение **Сергия** Радонежского на пелене 1671 года, находящейся в музее в Загорске (см. рис. 11). Здесь жемчужное шитье дает контур кроме очертания фигуры епитрахили, линий складок монашеской мантии еще двадцати небольшим клеймам, расположенным по краям — вокруг пелены. Рисунок композиции клейм с житием пр. Сергия, окружающих центральную фигуру, передан жемчужным контуром.

В XVII веке с ростом экономического благосостояния страны стимул **великолепия** и пышности переносится и в церковный обиход: наряду с усложненными формами архитектуры, богатыми обрамлениями, замысловатой орнаментировкой, введением позолоты в росписи стен потребность в нарядности и богатстве общего впечатления переносится и на церковное облачение.

Жемчужное шитье в виде контура перестает играть роль изящной обводки изображений. Орнамента тканей одежд усложняется. Это большей частью пышные цветы на легко изогнутых стеблях, которые видим в росписях стен ярославских церквей. В одеждах, шитых жемчугом, жемчужная нить принимает форму цветов, стеблей и листьев, рельефно выступающих на фоне тканей, а насыщенный рисунок с небольшими промежутками придает ей богатый вид.

В оплечье стихаря (ГИМ № РБ 3794/78142) XVII века жемчужная нить дает стебель растения, причудливо обтекающий группу цветов и создающий основной ритм композиции по темнозеленому бархату ткани (см. рис. 42).

Обводка мелким жемчугом сохраняет свое место в передаче лепестков цветка, часть которых вышита золотной нитью, часть сплошь унизана жемчугом. Разница уровней, то есть величина зерен жемчуга и **игра** тканей и оттенков, создает богатое и художественное впечатление. Очень близкий рисунок и такое же применение жемчужного **шитья** имеет место на бархатных темнозеленых зарукавьях стихаря (см. рис. 43).

Рис. 69. Омофор. Деталь. XVII в.

Другое применение жемчужного шитья, как вполне самостоятельной формы **видим** на набедреннике (ГИМ № 36 3241/79107) XVII века **см. рис. 40**). Здесь различные цветы, листья и стебли даны нитью крупного жемчуга по алому шелку и светлоричному бархату. Получается подобие декоративного рельефа на алой шелковой плоскости со вставленными в некоторые промежутки камнями. Общий узор значительно грубее предыдущего, но насыщенность орнамента придает набедреннику богатый вид.

Исторический музей обладает замечательным собранием народных женских и девичьих головных уборов, где наряду с шитьем золотной нитью в большом количестве применяется жемчужное шитье — образцы народного женского искусства XVIII и XIX веков.

Это женские «кокошники», «кики», девичьи «челки», «коруны», «повязки», «венцы» (ГИМ № 844/2077 и № 678/20745) и прочие **работы** женщин Тверской, Нижегородской, Олонецкой, Вологодской и Новгородской губ. Среди них особенно выделяются образцы Новгородской губ. В этой группе особенного внимания заслуживают девичьи головные **уборы** — «челки», «коруны». Здесь уже видим не обрамление, не украшение, а самостоятельную вещь из жемчужного шитья со сквозным орнаментом.

«Челки» (см. рис. 47 и 48) — обе новгородские, говорят о большом художественном вкусе в народном женском шитье, в данном случае жемчугом, и чувстве декоративности, создавшем орнамент, которым могло бы гордиться любое архитектурное сооружение. В орнаменте первой **«челки»** чувствуется как бы движение струй переливающегося жемчуга при строгой четкости основных форм (см. рис. 47).

В XVIII веке увлечение в жемчужном шитье рельефом переходит в своеобразную лепку узора, наложенного на материал. Такие рельефные цветы с листьями из мелкого жемчуга со вставленными местами камнями положены на головном уборе (ГИМ № 532/54786) Старо-Русского уезда, Новгородской губ. (см. рис. 22).

Народные женские головные уборы — это цельные художественные произведения, завершающие облик женского лица. Обычай лишал женщину ее естественного украшения — волос, а красивый убор заменял их.

Лучшие образцы головных уборов говорят за то, что эта часть одежды создавалась с известным вдохновением, а жемчуг был лучшим средством его выражения.

Ожерелья и пояса играли немаловажную роль в дополнении одежды, особенно первые, обрамлявшие шею, но в целом они не производят впечатления того вдохновенного творчества, какое производят головные уборы. В них чувствуется скорее механическое нашивание чередующегося жемчужного узора по какому-то принятому и повторяющемуся образцу; в поясе это часто квадраты со вставленными в них цветком и двумя

Рис. 70. Саккос. По рисунку В. М. Васнецова. Деталь. XIX в.

ивающимися овалами, как это видим на поясах (ГИМ № И 205/2226 и № И 268/53057) XVIII и XIX веков.

Часто несложен и жемчужный орнамент в «ожерелке» или «наборушнике» (ГИМ № Ч 8/35434 Тверской губ. (рис. 62). Здесь он играет роль дополнительной вставки из нити жемчуга, положенной в центре шитого золотной нитью и шелками ожерелка со вставленными в него через промежутки медальонами из цветных камней. Простым, но очень эффектным является «ожерелок» (ГИМ № Ч 269/20755/Щ).

Разнообразие функций жемчуга в народном шитье свидетельствует как о большом художественном вкусе, так и о наличии творческого воображения у русской вышивальщицы, сумевшей так широко использовать излюбленный материал и создать из него и с его участием подлинные произведения искусства.

В настоящее время образцы народного жемчужного шитья могут быть смело использованы в нашем прикладном искусстве.

Великолепный народный орнамент, выработанные веками технические приемы должны найти широкое применение в украшении женской одежды и предметов быта.

В заключение настоящей работы следует сказать, что ее целью было не только историческое исследование жемчужного шитья, но и ознакомление читателей с древнерусским промыслом — добычей жемчуга, к сожалению, забытой и заброшенной в настоящее время.

Хотелось бы этой работой о жемчуге привлечь большее внимание к нашему „русскому жемчугу и сделать практические выводы из исторического исследования — попробовать восстановить жемчужный промысел (добычу и разведение жемчуга), эту крайне интересную отрасль неисчерпаемых фондов и возможностей нашей страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

¹ Штукенберг, О реках в России, в которых рождаются жемчужные раковины, Журнал Министерства народного просвещения, 1849, отд. 7, стр. 56.

² Стенка раковины состоит из трех слоев: снаружи лежит тонкий органический слой (периостракум), состоящий из рогового вещества — конхиолина, под ним расположен толстый известковый, фарфоровый, или призматический, слой (остракум), слагающийся из тесно прилегающих друг к другу призмочек CaCO_3 , поставленных перпендикулярно раковине, и третий, внутренний слой — перламутровый (гипостракум), состоящий из пластинок; третий слой подстилается непосредственно мантией. Перламутровый слой образован тончайшими лежащими в несколько рядов пластинками или листочками, обнаруживающими явление интерференции световых лучей, вследствие чего перламутр блестит, переливаясь разными цветами радуги. Не у всех моллюсков третий пластинчатый слой является перламутровым, иногда он фарфоровидный.

³ Жемчуг состоит из кальция и карбоната (CaCO_3). Химическое исследование показало, что жемчужины состоят на 97—98 процентов из неорганических веществ углекислого кальция. В более молодых формированиях встречается фосфорнокислый кальций. Главнейшей органической составной частью является богатый азотом конхиалин — соединение углерода, водорода, азота и кислорода.

⁴ Проф. В. А. Городцову удавалось вскрывать раковины Unionidae, содержащие до десяти зерен мелкого жемчуга (личное сообщение проф. В. А. Городцова; сбор раковин производился им на Волге в 1903 году возле дер. Змановой, у Ярославля). В литературе есть указание на находку одной раковины с 150 жемчужинами (Брэм, Жизнь животных, т. 3, Спб., 1903, стр. 981. Ссылка на ес-слинга). Иногда в жемчужной раковине бывает не только несколько жемчужин, но эти жемчужины даже соединены, как бы слиты вместе.

⁵ Самый важный и распространенный вид *Avicula* (подрод *Meleagrina*), названный Линнеем *Mytilus margaritiferus*, а теперь называемый *Pteria margaritifera*, встречается в Персидском заливе, у берегов о. Цейлона, у островов Великого океана, в Красном море.

⁶ Величина раковины *Margaritana margaritifera* наших рек — длина 99—129 мм, высота 41—50 мм, выпуклость 25—30 мм. (В. И. Жадин, Фауна СССР. Моллюски, изд. Академии наук СССР, 1935, т. IV, вып. I; В. И. Жадин, Семейство Unionidae, изд. Академии наук СССР, 1936, стр. 106).

⁷ «Водятся они, — сообщает Лепехин, — в разных приморских каменных реках. Фигуру имеют овальную, длиною 2—3 вершка, внешний цвет зеленый изже-»

га», причем, добавляет Лепехин, «добываемые жемчужные зерна цвета синеватого» (Академик И. И. Лепехин, Дневные записки путешествий, ч. IV, Спб., 1805, стр. 345).

⁸ Далеко не каждая раковина является жемчуженосной. Е. В. Цинзерлинг говорит, что приблизительно на 30—40 морских раковин и на 100 штук пресноводных приходится только одна с жемчужиной (Е. В. Цинзерлинг, Жемчуг, «Неметаллические ископаемые СССР», т. V, изд. Академии наук СССР, 1941, стр. 560).

⁹ Н. М. Карамзин, Примечания к истории государства Российского, т. IV, V и VI, Спб., 1858, стр. 71. Карамзин делает ссылку на «Дела цесарские», № 1, л. 184.

¹⁰ «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией» (Труды Восточного отделения Археологического общества, т. 20, 21 и 22, ч. I, Спб., 1893, стр. 263).

¹¹ Такими реками с жемчуженосными раковинами упоминаются следующие: «Сережа, Повревица, Столпенка в Великолуцкой провинции, в Торопецком уезде, в Новгородском уезде в Бежецкой пятине в Белозерской половине в Боровицком погосте р. Вельгея, р. Ухтома в Бежецкой пятине в Вельском, Прокофьевском, Богородском погосте; здесь же в Вельском погосте р.р. Тотна, Кврадула; в Палинском погосте р.р. Холина и Лена; и там же р. Гремячая под селом Яжельбицами; в Деревской пятине в Щедринском. Никольском погосте р.р. Креница и Шеугина, затем в Лакоцком погосте, Деревской пятине р.р. Холова и Ерынь, Явуна, Зеленка и Луженка в Деревской же пятине». (Полное собрание законов, т. VI, 1720—1722, № 3794, стр. 397—400.)

¹² И. И. Лепехин, Дневные записки путешествий, ч. IV, Спб., 1805, стр. 345.

¹³ А. А. Савич, Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь, 1927, стр. 37—39.

¹⁴ Там же, стр. 220, 260.

¹⁵ Выпись Патриаршего дворцового приказа № 433, стр. 1095. Приведена в книге И. Е. Забелина, «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы», ч. II, М., 1891, стр. 24.

¹⁶ «В Патриаршую казну поставлено дворцового приказу денег: жемчугу всякого Двадцать восемь зерен крупного и мелкого не алмазного Варзужского, збору 163 и 164 и 165 годов, весу в том жемчуге золотник». («Переписная книга домовою казны патриарха Никона лета 7165 июля 31 день». — «Временник имп. Московского общества истории и древностей российских», кн. 15, М., 1857, стр. 28.)

¹⁷ А. А. Савич, Соловецкая вотчина XV—XVI вв., Пермь, 1927, стр. 206.

¹⁸ «Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 г. по 1810 г.», сост. П. П. фон Винклер, Спб., 1892, стр. 6.

¹⁹ С. Герберштейн, Записки о московских делах, изд. Суворина, стр. 136.

²⁰ «Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича», В. Г. Курц, Киев, 1915, стр. 95.

²¹ К. де-Бруин, Путешествие через Московию. Чтения, в имп. Обществе истории и древностей российских, ч. III, 1872, стр. 154.

²² Опись Московского Успенского собора, составлена в 1627 г., «Русская историческая библиотека», т. III, изд. Археографического комитета. Спб., 1876, стр. 757.

²³ «Слово о полку Игореве», М., изд. М. и С. Сабашниковых, стр. 23.

²⁴ «Духовная грамота вел. кн. Ивана Данилы Калиты 1328 года», Собрание государственных грамот и договоров, стр. 32.

²⁵ «Восемь духовных грамот кн. Михаила Андреевича Верейского 1485 г.», там же, стр. 302.

²⁶ «Духовная грамота кн. Дмитрия Иоанновича». Писана около 1509 г., там же, стр. 406.

- ²⁷ «Слово о полку **Игореве**» Список с первого издания 1800 года, М., 1920
- ²⁸ Древние российские стихотворения, собранные **Киршею** Даниловым, изд. Суворина, стр. 138—139
- ²⁹ Опись № 775/672. «Опись казне и платью царевны Ирины Михайловны. 7138—7144 гг. (1629—1636)» А. Викторова, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 22.
- ³⁰ «Розыски государевой казны у бывшей царицы Марьи Петровны **Шуйской**». Материалы. И. Е. **Забелин**, Домашний быт русских цариц, М., 1872, стр. 22.
- ³¹ «Записки верховному вносу», 124 г., Там же, стр. 44.
- ³² H en g u **Havard**, Dictionnaire de l'ameublement et de la decoration, стр. 260.
- ³³ «Книги, в них писан верхний относ». Материалы. И. Е. **Забелин**, Домашний быт русских цариц, М., 1872, стр. 47.
- ³⁴ «Торговая книга», V гл. «Записки отдела русской и славянской археологии», т. I, Спб., 1851, стр. 122.
- ³⁵ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, изд. Суворина, стр. 219.
- ³⁶ «Опись платья и всякой казны времени царей Федора Ивановича, **Бориса Годунова**, Василия Шуйского». Материалы. И. Е. **Забелин**, Домашний быт русских цариц, М., 1872, стр. 31.
- ³⁷ Полное собрание законов, т. VII, № 4061, стр. 753.
- ³⁸ «Отписка архангельского воеводы об отправлении в Москву голландца Петра Деладала с узорочными товарами и мастерскими запасами. 1627 года сентября 8», «Русская историческая библиотека», т. 8, Спб., 1884, стр. 195.
- ³⁹ «Приходная книга денежной казне Государевой мастерской палаты за 7125 (1620—1630 гг.)». (А. Викторова, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 250).
- ⁴⁰ Опись, л. 526. «Опись царской казны на Казенном дворе, составленная Самойлом **Блохиным** и дьяком Тимофеем Голосовым в 7148 г. (1640)». Приведено в книге А. Викторова «Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов», стр. 28.
- ⁴¹ «Краткое описание мраморных и других каменных ломок гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии, сочиненное **Алопеусом** Самуилом», Спб., 1787, стр. 74.
- ⁴² Полное собрание законов, т. VI, 1720—1722 гг., № 3794, 8 июня 1721 г., стр. 397—400.
- ⁴³ Видимо, «бурмицкий» имеет уже нарицательное значение вроде «скатный», «окатный», то есть высокого качества.
- ⁴⁴ B o u t a n, La perle, Paris, 1925. Автор указывает, что долгие годы происхождение жемчуга основывалось на всевозможных легендах, и лишь в 1817 году вышла работа: R é a u m u r e «Observation sur la coquillage, appelé pierre marine au nasre perle» (Illustr. Acad. Roy. Sc, 1817), ставящая изучение жемчуга на научную почву.
- ⁴⁵ Полное собрание законов, т. VI, 8 июня 1721 г., стр. 393.
- ⁴⁶ В напечатанном при Екатерине II «Наставлении о жемчужной ловле, **каким** образом при том промышленникам поступать и что примечать должно» даются, например, следующие сведения об образовании жемчужных раковин: до июля в раковинах «не бывает жемчужин, а после уже раковины выпускают оныя, яко свои **ийды**, из коих происходят молодые раковины... «кроме сего никакого другого способа не найдено и найти не можно, как бы иначе и от чего другого, а не от жемчужин могли происходить и размножаться раковины» (Полное собрание законов, 1764, № 12035; от 9 октября, 1766 г., № 18755).

- ⁴ Полное собрание законов, т. VI, 8 июня 1721 г., № 3, стр. 3794.
- ⁴⁸ Там же, т. VI, 24 июля 1722 г., № 4, стр. 4061.
- ⁴⁹ Там же, т. XVI, 1764 г., № 12034, стр. 529.
- ⁵⁰ А. А. Введенский, Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве («Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову», 1922, стр. 112).
- ⁵¹ Штукенберг, О реках в России, в которых рождаются жемчужные раковины («Журнал Министерства народного просвещения», отд. VII, 1849, стр. 56).
- В 1931 году советскими учеными были начаты работы по опытам культуры перламутра, для чего делались попытки акклиматизации жемчужницы. Опыты эти оказались удачными, как сообщает исследователь В. В. Макаров («Опыт акклиматизации жемчужницы», «Труды Бородинской Биологической станции в Карелии», Л., т. VII, вып. 2, 1934, стр. 37), но получение жемчуга эти опыты в виду не имели. Между тем, несомненно, такие опыты могли бы дать хорошие результаты.
- ⁵⁹ «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», изд. имп. Академии наук, Спб., март 1756 г., стр. 261.
- ⁵³ И. И. Лепехин Дневные записки путешествий, ч. IV, Спб., 1805, стр. 345.
- ⁵⁴ И. Бартенев, О русском жемчуге («имп. Русское общество акклиматизации животных и растений. Дневник отделения ихтиологии», вып. 10, М., 1902, стр. 391).
- ⁵⁵ Лист 468 об., «Расходные книги Патриаршего казенного приказа». № 34. В. И. Троицкий, Словарь мастера-художника золотого и серебряного дела, алмазника и сусальника, работавших в Москве при Патриаршем дворе в XVII в., М., 1914, стр. 46.
- ⁵⁶ Там же, стр. 116.
- ⁵⁷ Там же, л. 257, стр. 130.
- ⁵⁸ «Торговая книга XVI в.» («Записки отдела русской и славянской археологии», 1851, отд. III, стр. 128).
- ⁵⁹ Rosenthal, Au royaume de la perle, Paris, 1919, p. 51.
- ⁶⁰ Интересно упомянуть еще об одном народном способе мытья жемчуга, применявшемся в крестьянском быту. Весной в мае месяце собирают росу, остающуюся на листьях редьки. Собрав эту росу в банку, опускают туда пожелтевший, потерявший блеск жемчуг. Затем, обвязав горло банки бумагой, прокалывают ее иглой, чтобы дать доступ воздуху. Банку ставят на солнце. Когда заметят, что зерна очистились, вынимают и обтирают замшею досуха (Степан Руссов, Словарь жемчужный, или описание мест и вод, на пространстве России находящихся, в коих ловится жемчуг, Спб., 1829, стр. 39). Одним из старинных способов оживления «умершего» жемчуга было ношение его на шее, причем считалось, что некоторые люди обладают якобы специальной особенностью сообщать потускневшему жемчугу жизнь, восстанавливая утраченный блеск. Им прежде дорого платили за это.
- ⁶¹ Е. В. Цинзерлинг, Жемчуг. Неметаллические ископаемые СССР, т. V, изд. Академии наук, 1941, стр. 380.
- ⁶² Протокол № 6 Центральным государственным реставрационным мастерским. «Воздух вклада Ксении Годуновой» из ризницы Троице-Сергиевой лавры, по главной описи № 34/8, архив Исторического музея.
- ⁶³ Протокол № 1 Центральным государственным реставрационным мастерским. «Покров 1671 года вклада Строгановых» из ризницы Троице-Сергиевой лавры, по главной описи № 34/15, архив Исторического музея.
- ⁶⁴ Лист 226 об. «Опись царской казны на Казенном дворе», 7142 г. (1634), А. Виктор, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов стр. 12; листы 134—137 «Приходные и расходные книги денежной казне» за 7133—7134 гг.» (1624—1626). Там же, стр. 243.

⁶⁵ Здесь можно привести любопытную справку XVIII в. «Как дырочки в жемчуге побольше делать», для чего дается следующий совет: «Взять медную проволоку, которая бы едва сквозь жемчужную скважину пройти **могла**, и намочить **ее** водой и, обмакнув в мелко натертый наждак, потом оной проволокой в жемчужной скважине взад и вперед до тех пор шаркай, пока дырка в жемчужине довольно велика сделается» («Открытие сокровенных художеств, служащее для фабрикантов, мануфактуристов, художников, мастеровых людей», перевод с немецкого, 1787, изд. 2-е, стр. 14).

⁶⁶ **Флетчер**, О государстве русском, изд. Суворина, Спб., стр. 5.

⁶⁷ Проф. Розенталь находит, что хотя цейлонский жемчуг и не очень велик, не очень круглый, но он **живой**, хорошей воды и очень распространен в Европе. Rosenthal L., *Au royaume de la perle*, Paris, 1919, p. 33.

⁶⁸ П. **Сахаров**, Сказания русского народа, т. II, ч. VIII, («Путешествие... Арсения Суханова»), Спб., 1849, стр. 215.

⁶⁹ А. **Ульяницкий**, Сношение России с Индией и Средней Азией. Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, кн. III М., 1889, стр. 42.

⁷⁰ **Гуи** Гонсалез де **Клавихо** Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, кн. IV, 1864, октябрь — декабрь, стр. 213, 214, 215 и 217.

⁷¹ «Путешествие по России голландца Стрюйса» (1667). «Русский архив», 1880, ч. I, стр. 128.

⁷² «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», генварь, изд. Академии наук, 1756, стр. 405.

⁷³ «Путешествие тверского купца Афанасия Никитина в Индию». П. **Сахаров**, Сказания русского народа, т. II, Спб., 1849, стр. 175.

⁷⁴ «Приходные книги товарам и вещам» за 7123 г. (1613—1614) 19 окт. (А. **Викторов**, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 85).

⁷⁵ «Записки верховному **взносу**». Материалы. И. Е. **Забелин**, Домашний быт русских цариц, М., 1872, стр. 67.

⁷⁶ «Книги, в них писан верхней относ» (1613—1614) А. **Викторов**, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 68.

⁷⁷ Приходная книга денежной казне Государевой мастерской палаты за 7138 г. (1629—1630) и расходная книга той же казне с 16 июня 7137 по 17 июня 7138 г. (1629—1630) А. **Викторов**, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 250.

⁷⁸ «Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича», Б. Г. Курц, Киев, 1915, стр. 123—127

⁷⁹ Там же, стр. 136.

⁸⁰ Там же, стр. 139.

⁸¹ Николай **Варкочь**, 1593, Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, кн. 3, 1891, стр. 141.

⁸² Антоний Пассевин, 1581—1582, Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, кн. 3, 1891, стр. 140; Николай **Варкочь**, 1593, там же, стр. 141; **Райтенфелс**, 1671. Там же, стр. 168 Об этом более подробно см. проф. М. В. **Довнар-Запольский**, Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв. «Москва в ее прошлом и настоящем», т. II, ч. III, стр. 56.

⁸³ Лист 8, дек. 9. «Приходно-расходные книги денежной казны за 7133—7134 (1624—1626) г.». А **Викторов**, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 242.

⁸⁴ 7137 г., июня 29, «Приходная книга денежной казне Государевой мастерской палаты». Там же, стр. 249.

⁸⁵ 7137 г., июня 29, «Приходные книги денежной казне Государевой мастерской палаты». Там же, стр. 250.

⁸⁶ Так, например, в «сговорной на женитьбу» от 1696 года очень точно перечислен передаваемый в приданое жемчуг: «Се аз гость Илья Федоров, сын Нестеров с братьями своими Василием, с Алексеем, да с Иваном большим и Иваном меньшим Федоровыми детьми Нестерова в нынешнем в двести четвертом году августа в шестый на десять день сговорили мы сестру свою родную девицу Елену Федоровну замуж за Ивана Гавриловича Протопопова. А приданого за нею сестрою своею Еленой Федоровной дать нам, по благословению и по приказу государя нашего батюшки Федора Михайловича и государыни нашей матушки Парасковии Григорьевны во благословение ей сестре нашей Елене Федоровне: ...приданого... жемчугу крупного двенадцать золотников, цена за золотник по осми рублев итого девяносто шесть Рублев, жемчугу среднего двадцать золотников, цена за золотник по четыре рубли, и того восемьдесят рублев, жемчугу и 15 золотников, цена за золотник по три рубли и того срок пять рублев, жемчугу и пять золотников, цена шесть рублев, жемчугу же семь золотников, цена десять рублев шестнадцать алтын, четыре деньги» («Сговорная», 1696 г. августа 16. «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. III, Спб., 1884, стр. 313—314). Запись эта особенно интересна тем, что показывает значение жемчуга в быту частных лиц.

⁸⁷ «Жемчуг чистой, гладкой и незубатой 20 зерен в золотнике, средняя цена ему по 1 рублю 6 алтын и 4 денег, и по 1 рублю 10 алтын золотник: а тот же, кой 25 зерен на золотник купят по 1 рублю и по 1 рублю, 3 алтына и 2 деньги; а кой 15 зерен в золотник, тот купит золотник по 1 рублю с полтиной и по 1 рублю 23 алтына и 3 деньги. И дороже того не живет. А кой в 30 зерен, той купят золотник по 1 рублю, а кой в 50 зерен, тот купят золотник в полтину; а кой в 60 зерен, тот купят золотник по 13 алтын и 2 деньги, а кой зубат и чист, ино его при гладком купят в полцены; а самой скатной чистой, тот купят при рядовом в 2 цены. Покупай жемчуг все белый да чистый, а желтого никак не купи; на Руси его никто не купит», — поучает автор молодых неопытных купцов.

⁸⁸ Торговая книга (годы 1575—1610), Записки Отдела русской и славянской археологии имп. Археологического общества, т. I, Спб., 1851, стр. 121—122.

⁸⁹ Духовные грамоты вел. кн. Симеона Иоанновича (в монастыре Созонта) «О бытии по смерти всему движимому и недвижимому собственному и купленному имению за княгинию его Марьею Александровною». Писано 1353 г., Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стр. 38.

⁹⁰ Восемь духовных грамот князя Мих Андр. Верейского: «О раздаче по смерти своей некоторого движимого имения зятю своему князю Иосифу и дочери своей кн. Марье...». Писано около 1486 г. Там же, стр. 303.

⁹¹ «Духовная грамота княгини Иулианы, супруги кн. Василия Борисовича Волоцкого». Писано около 1503 г. Там же, стр. 340.

⁹² Маржерет, Состояние Российской державы с 1590 года по сентябрь 1606 года, приведено в кн. Н. Устрялова «Сказание современников о Димитрии Самозванце», Спб., 1859, стр. 273.

⁹³ Бернгард Таннер, Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г., Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, кн. III, 1891, стр. 70.

⁹⁴ С. В. Ястремский, Образцы народной литературы якутов, «Труды Комиссии по изучению Якутской АССР», т. III, Л., 1929, стр. 39, 40.

⁹⁵ «Письма из России в Ирландию» мисс Вильмот в 1805, 1806 и 1807 гг. Письмо от 1806 г. («Русский архив»), 1873, № 10, стр. 1885.

⁹⁶ С. Гакстгаузен, Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, изд. Рагозина, М., 1870, стр. 51. Гакстгаузен путешествовал по России с марта по ноябрь 1843 года.

К ГЛАВЕ ВТОРОЙ

¹ Московские летописи Конрада Бусова и Петра Петерея, «Сказания иностранных писателей о России», изд. Археографического комитета, Спб., 1851, стр. 308. Это мастерство русской женщины подмечает и англичанин, бывший в России во второй половине XVI века; в описании России неизвестного англичанина, служившего зимой 1557—1558 годов при царском дворе, сообщается: «Лучшее, что умеют здесь женщины, — хорошо шить и прекрасно вышивать шелком и золотом» (Чтения при имп. Обществе истории и древностей российских, кн. III 1884, стр. 25.)

² Протокол № 422 Центральных государственных реставрационных мастерских, архив Исторического музея.

³ «Духовная грамота Дмитрия Иоанновича». Собрание государственных грамот и договоров, стр. 407.

⁴ «Переписка дворецкого и дьяков». Материалы. И. Е. Забелин, Домашний быт русских цариц, т. 2, М., 1872, стр. 126.

⁵ Там же.

⁶ Описи Московского Успенского собора. Опись 1627 г. «Русская историческая библиотека», т. III, изд. Археографического комитета, Спб., 1876, стр. 402.

⁷ «Приходо-расходные и другие книги белой казны. Царицина мастерская палата». Приведено в книге А. Викторова «Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов», М., 1877, стр. 365.

⁸ Государственный Исторический музей, 23302/III и прочие.

⁹ В. Т. Георгиевский, Памятники старинного русского искусства Суздальского музея, М., 1927, стр. 43.

¹⁰ «Покров, в середине камка красная куфтерная, на ней вышит образ знаменья пресвятыя Богородицы с предвечным младенцем, около 2 херуфима, 2 серафима, по краям и в средине и над лицами подпись низана мелким жемчугом: у образа пресвятыя Богородицы венец низан средним жемчугом, в том венце, да у Спасителя образа в венце 15 камешков в золоте, в том числе 6 изумрудов, 7 яхонтиков червчатых, 2 бирюзы; кайма отлас зеленой на ней вынизаны слова мелким жемчугом: «Приимите и ядите, се есть тело мое» и прочее; на тех же словах на мыслетех жемчугу пяти зерен нет, по краям тех же слов низано таким же жемчугом...», или же далее читаем в этой же описи: «Другой воздух... кайма отлас зеленой, по ней вынизаны слова мелким жемчугом: «Пийте от нея вси, се есть кровь моя» и прочее; около тех слов по краям обнизано таким же жемчугом; сначала тех слов на краю, над твердом дву зерен жемчужных нет». (Опись московского Успенского собора 1627 года «Русская историческая библиотека», т. III, изд. Археографического комитета, Спб., 1876, стр. 720).

¹¹ Сведения получены от М. Н. Рождественской, ученого реставратора Государственного Исторического музея.

¹² «137 года принос от государыни царицы из государевой мастерской палаты». Материалы. И. Е. Забелин, Домашний быт русских цариц, стр. 75.

¹³ «Ризы большие отлас золотной травчат по белой земле с разными шелки оплечье бархат таусиной глаткой сажены жемчугом, да на оплечье шестьдесят дробниц разных позолоченных около киотов и всех дробниц сажено жемчугом, около всюю жемчугу обведено веревкою золотого пряженым золотом да на оплечье ж в низу шеснацать дробниц серебряных позолочены, а на них вырезано повелением великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси самодержца и матери его великие государыни иноки Марфы Ивановны. Сии ризы положили в храм Знамения пресвятой Владычицы нашей Богородицы Ноугороцкия что у государева старова двора лета 7125-го в четвертое лето государства его На ризах крест нашит бархат таусинен же, а в кресте пять дробниц глатких позолочены

обведено жемчугом, а около жемчуга обведена веревочка пряченым золотом креста на низу плащ серебрян позолочен навожен разными финифты обни-жемчугом около жемчугу веревочка золотная» (Опись церкви Знамения пресвяты Богородицы в 1631 г. Приложение к «Историческому описанию Московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе», М., 1866, стр. 10. В примечании помечено: «Сии ризы за ветхостью разобраны в 1826 г. многие дробницы целы, а дробницы со словами числом 16 сохранились все»).

¹⁴ «Опись церкви Знамения пресвяты Богородицы в 1631 году». Приложение к «Историческому описанию Московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе», М., 1866, стр. 20.

¹⁵ Опись № 6, лист 18. «Опись большому государеву наряду в государственной казне», 7150 г. (1642). Приведено в книге А. Викторова, «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов», стр. 32.

¹⁶ «Опись церкви Знамения пресвяты Богородицы в 1631 г.». Приложение к «Историческому описанию Московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе», М., 1866, стр. 11.

¹⁷ В. А. Щавинский считает, что название клейстор, клейстер прививается у нас не раньше второй половины XVII в. Щавинский же отмечает, что такое обозначение раньше других встречается у Никодима Сийского в его указе: «Клейстор построить сие: приготовить сосудец глиняный или медной и муки пшеничной мелкой и сеяной или мельничной коפותи, что на стенах надлежит взять, и с тою мукою или мельничной пылью вода вложить в сосудец и изгуста зело лопаткой размесить, и убить довольно, и варить на огне исподволь и лопаткою размешивать». (В. А. Щавинский, Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси, Огиз, М.—Л., 1935, стр. 152). Таким клеем и смазывалось шитье.

¹⁸ Сведения получены от М. Н. Рождественской, ученого реставратора Исторического музея.

¹⁹ Опись 775, лист 138. «Опись казне и платью царевны Ирины Михайловны». А. Викторова, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 312.

²⁰ «Венец и детали одежды на подвесной пелене XVII века Казанской Богоматери из Уваровского собрания» (ГИМ РБ № 32/15705).

²¹ «Подвесная пелена с изображением Николы Чудотворца» (ГИМ РБ № 58/53116). Обнизь сделана жемчугом средним и мелким, так же как нимбы Христа и Богоматери.

²² «Духовная грамота Иулианы, супруги Василия Борисовича Волоцкого о разделе движимого ее имения детям своим князю Федору и Ивану Борисовичам», Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стр. 399.

²³ «Описи Московского Успенского собора..», «Русская историческая библиотека», т. III, СПб., 1876, стр. 869.

Там же, стр. 746.

²⁵ Там же, стр. 812.

²⁶ «Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 7105 (1597) г.». В. Т. Георгиевский, Памятники старинного русского искусства Суздальского музея, М., 1927.

²⁷ Протокол № 100 Централных государственных реставрационных мастерских, архив Исторического музея. В настоящее время эти рясны хранятся в Третьяковской галлерее, куда они доставлены вместе с пеленой Грузинской Богоматери из суздальского Покровского монастыря.

² Латинский термин — rete, is (n.) означает сеть; производное от него reticulum, i. (n.) — сетка, сеточка, головная сетка. (Г. Шульц, Латинско-русский словарь, СПб., 1885).

«Описи Московского Успенского собора..», стр. 861. И далее — «У Бого-

родична образа убрус низан жемчугом кафимским средним в рефить» (стр. 870), или «У Пречистне Богородицы убрус и ожерелейцо на подзоре сажено мелким жемчюшком в середине на убрусе камень зелен льяник к Богородицыну сажена обнизь варефид» (Опись Знаменского монастыря, «Историческое описание Московского Знаменского монастыря, что на старом государеве дворе», М., 1866, стр. 13).

³⁰ Протокол № 99 Центральных государственных реставрационных мастерских. Архив Исторического музея.

³¹ А. Н. Волконский, Село большое Мурашкино (Нижегородской губ., Княгининского уезда). «Русский архив», М., 1875, № 1, стр. 119.

³² Ф. Фаворский, Описание села Ворсмы Горбатовского уезда, Нижегородской губ. Рукопись 1854 г. Д. К. Зеленин, Описание рукописей, Спб., 1915, стр. 821.

³³ «Об иноземцах, принявших христианскую веру», Русская историческая библиотека, т. 8, Спб., 1884, стр. 216.

³⁴ «Описные и приходо-расходные книги Большой государевой шкагулы» 7135—7149 гг. (1626—1641), стр. 236.

³⁵ Как соотношение ценности рубля даем выпись этого времени из «рядной»: «се аз Федор Иванов, сын Брашин с Турьи, выдаю свою дочь за Левонтья Васильева сына Копоева с Турьи, даю с ней приданное: корова из стад любая, а не любя корова, ин за корову полтора рубля денег», 1637 г., ноябрь. Рядные, стр. 287, № 334. Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изд. Археографического комитета, т. III, Спб., 1884.

³⁶ «Ризы отлас золотный по червчатой земле. Оплечье низано травами в низу по крапивному бархату, во плечье (крест четвероконечной низан в низу с сиянием, в том кресте изумруды, да четыре лалика в серебре около того креста подпись: «Иисус Христос Ника» низаны мелким жемчугом; на тех же ризах звезда с сиянием низана мелким жемчугом («Описи Московского Успенского собора от начала XVII века по 1701 год включительно», Русская историческая библиотека, т. III, изд. Археографического комитета, Спб., 1876).

Или, например, сложный узор на пелене: «Пелена наложная, в середине алтабас чешуйчатый, каймы по темнозеленому бархату низаны травы крупным жемчугом, на травах цветки низаны жемчугом мелким и трунцалом, в них 48 запон золотых четверугольных с розными камешки с алмазцы и с изумрудцы и с яхонтики червчатыми около средины и камень обнизано жемчугом крупным кафимским в середине крест четвероконечный низан мелким жемчугом, что сделан по боярине Борисе Ивановиче Морозове, по обниси около каймы шти зерен нет». Там же, стр. 810).

³⁷ «Светличные знаменные дела». Материалы. И. Е. Забелин, Домашний быт русских цариц, М., 1872, стр. 156.

³⁸ В. И. Троицкий, Словарь мастера-художника золотого дела, алмазника и сусальника, работавших в Москве при Патриаршем дворе в XVII веке, 1914, стр. 47—48.

³⁹ «Светличные знаменные дела». Материалы. И. Е. Забелин, Домашний быт русских цариц, М., 1872, стр. 158.

⁴⁰ «Дела Патриаршего приказа» за 188 г. (1681), № 99.

⁴¹ Тихонравов, Сведения о русских мастерских XVII—начала XVIII в., «Известия Археологического общества», т. III, вып. 3, стр. 216.

К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

¹ Доклад Н. И. Толмачевской, прочитанный в Академии архитектуры в 1949 г.

² Введенный в нимб Христа жемчуг дополняет собой эмблему святости. В росписи церкви Спаса Нередицы изображения Христа имеют на нимбе крест; концы

креста украшены кругами из жемчужин с одной крупной посередине. Такие дополнения из жемчужин видны на изображениях обоих «нерукотворных Спасов» — «Спаса на Чрепии» и «Спаса на Убресе». То же можно видеть на нимбах Христа в Евхаристии, Христа Емануила и Младенца в Сретении. У Богоматери Оранты, облаченной в традиционную строгую, простую одежду, жемчужным шитьем украшены края подножия и обувь. Архангелы, написанные по склонам свода апсиды и в трех монетах под арками, также имеют оплечье и переднюю часть одежды, расшитые жемчугом. У святителей, стоящих в два ряда по стене алтарной апсиды, видимые из-под крещатой ризы концы епитрахили (часть одежды в виде неширокой ленты, обходящей вокруг шеи и спускающейся спереди двумя длинными, почти до земли, соединенными концами) имеют обрамление из жемчужного шитья. Реже украшается жемчужным шитьем ворот одежды. Такое украшение все же имеет место в церкви Спаса Нередицы в двух случаях: на вороте одежды св. Власия и на изображении св. Петра Александрийского, помещенном внизу в нише алтарной апсиды.

³ Полное собрание летописей. Ипатьевская летопись, 2-е изд., стр. 426.

⁴ В. Т. Георгиевский считал, что расстояние только между собором и Золотыми воротами около версты, не говоря о расстоянии между собором и палатами епископа, так как неизвестно, где были владычные покои епископа. В. Т. Георгиевский, Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры, М., 1914.

⁵ Полное собрание летописей, т. II, стр. 176.

⁶ «Духовные грамоты вел. кн. Ивана Даниловича Калиты», первая, Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стр. 31—32.

Кожух был одной из наиболее распространенных одежд древней Руси; самое раннее упоминание этого вида одежды встречается в «Слове о полку Игореве»: «орытьями и япончицами и кожуху начаша (русичи) мосты мостити по болотам...» («Слово о полку Игореве», М., 1800, стр. 11). Это замечание автора «Слова» показывает на употребление кожухов как повседневной одежды.

⁷ Этот тип одежды очень редко встречается в архивных документах. В конце XIX века **бугаем** называлась в Галицком уезде, Костромской губ., шубка без рукавов в отличие от шугая, или шубки с рукавами. (П. Савваитов, Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов, СПб., 1896, стр. 17.)

⁸ «Духовная грамота вел. кн. Ивана Даниловича Калиты, первая, писанная при отъезде в Орду: о разделе движимого и недвижимого его имущества детям и княгине его». Писана в 1328 г. Собрание государственных грамот и договоров, стр. 32.

⁹ **Опашень** — как мужская, так и женская летняя одежда. Он был длинный до полу, с рукавами в полтора арш. длиной от стану. Повидимому, носился без пояса, иногда **внакидку** — «наопашь». Шились опашни из разных как простых, так и драгоценных тканей.

¹⁰ «Духовная грамота вел. кн. Иоанна Иоанновича о разделе движимого и недвижимого его имущества двум его сынам кн. Димитрию и Иоанну. Писана 1356 г.», Собрание государственных грамот и договоров, ч. I, стр. 40.

Однорядка — как мужская, так и женская одежда. Возможно, получила свое название от одного ряда пуговиц. Однорядка продолжала бытовать и в XVII веке. «Вел. князь московский Василий I (1389—1425)».

¹² «Духовная грамота кн. Димитрия Ивановича об учении наследником кн. Василия Дмитриевича, 1371 г.», Собрание государственных грамот и договоров, стр. 51.

¹³ Это же наименование **вотолы** встречается в Печерском патерике как название верхней одежды. В XIX веке вотолы встречается как название верхней летней холстинной одежды, а в Тамбовской и Тверской губ. вотолой называлась грубая рябина из льна и поскони, употребляемая на мешки. (Н. Аристов, Промышленность древней Руси, СПб., 1866, стр. 137, сноска; В. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка, т. I, стр. 618.) К сожалению, памятников с этим редким названием — вотолы — мы не имеем.

¹⁴ Доклад М. М. Денисовой, прочитанный в Историческом музее в 1947 г.: «К вопросу о золотном шитье на древней Руси» (о саккосах митрополита Фотия).

¹⁵ Восемь духовных грамот кн. Михаила Андреевича Верейского. Писана около 1486 г., Собрание государственных грамот и договоров, стр. 303.

Ожерелье — воротник — составляло необходимую часть мужской и женской одежды как исподней, так и верхней. Обычно оно украшалось шитьем и низанием жемчугом. Ожерелья не пришивались к одежде, а пристегивались и носили названия «пристежных». Это давало возможность переносить их на другую одежду. Ожерелья чаще бывали отложные, но могли быть и стоячие. Подобные ожерелья сохранялись в народном быту до XX в. под названием «ожерелок», «наборушник» и пр.

¹⁶ «Известия англичан о России во второй половине XVI века». «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1884».

¹⁷ Сборник на 1866 год. Общество древнерусского искусства при Московском публичном музее, стр. 35. Приводится Н. П. Шабельской в ее работе: «Материалы и технические приемы в древнерусском шитье», стр. 113. «Вопросы реставрации», ЕБП. I, сборник Централных реставрационных государственных мастерских, М., 1926.

¹⁸ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. II, стр. 658.

¹⁹ С. Герберштейн, Записки о московитских делах, изд. Суворина, стр. 207.

²⁰ «Духовная грамота Иулианы, супруги кн. Василия Борисовича Волоцкого», Собрание государственных грамот и договоров, стр. 339.

²¹ «Духовная грамота Дмитрия Иоанновича около 1509 г.». Там же, стр. 409.

²² «Духовная грамота Дмитрия Иоанновича, около 1509 г.». Там же, стр. 43.

Одежда с названием «ментеня» встречается только в данной духовной грамоте. Памятника с таким названием до нас не дошло, и относительно покроя ее не сохранилось никаких сведений. Возможно, термин «ментеня» имеет общее с греческим «мантион» — род плаща, короткой пелерины. В Историческом музее хранится шитая цветным шелком пелена, датируемая концом XV — началом XVI века, того же времени, что и упоминаемая «ментеня». На переднем плане пелены изображен один из молящихся, плечи которого покрыты короткой мантией. Изображение подобной одежды встречается только на данной пелене. Оно так же единично, как и упоминание в этой «духовной».

²³ «Духовная грамота кн. Дмитрия Иоанновича», Собрание государственных грамот и договоров, стр. 406.

²⁴ Приведено в книге С. Бартенева «Московский Кремль в старину и теперь», ч. II, стр. 104.

²⁵ «Духовная грамота Иулианы, супруги кн. Василия Борисовича Волоцкого: о разделе движимого ее имения детям своим князю Федору да князю Ивану Борисовичам. Писана 1503 г.», Собрание государственных грамот и договоров, стр. 339.

²⁶ «Духовная грамота кн. Ивана Борисовича Волоцкого о разделе движимого и недвижимого его имения брату своему кн. Федору Борисовичу, племяннице своей и дяде своему вел. кн. Иоанну Васильевичу. Писана около 1504 г.». Там же, стр. 332.

²⁷ По тексту духовной грамоты Дмитрия Ивановича нельзя установить, какой покроем имел колпак «столбун». В XVII веке под названием «столбун», «столбунец», «столбунчик» понимался мужской или женский меховой головной убор с шитьем золотом и жемчугом верхом.

Колпак — мужской и женский головной убор, суживающийся кверху, мог быть с полями и без полей. Этот головной убор бытовал на Руси с самых отдаленных времен. На фресках XI столетия в киевском Софийском соборе летописцы изображены в колпаках. Колпаки встречаются на фресковых изображениях XIV века Софии Новгородской, а также на фресках Ферапонтова монастыря, Ярославля и Ростова Великого. В XVII веке колпак был широко распространенным головным убором. В торговых книгах упоминается специальный «колпачный» ряд.

²⁸ Флетчер указывает как на особенность русской верхней и нижней одежды — ее пошив без воротника: «на шею, всегда голую, надевается ожерелье из жемчуга и драгоценных камней шириною в три и четыре пальца» (Флетчер, О государстве русском, изд. Суворина, стр. 126).

Верхняя одежда — **охабень** в зависимости от богатства владельца украшалась жемчужным шитьем и камнями. «Верхняя одежда из камлота или подобной материи — есть охабень, весьма длинный с рукавами и воротником, украшенным камнями и жемчугом». (Там же.) О покрое и размерах отдельных частей охабня мы имеем точные сведения по кроильным книгам, где указывается его длина — спереди 1 аршин 14 вершков, позади 1 аршин 13 вершков (то есть короче переда) рукава 1 аршин 12 вершков, то есть длинные до земли, а воротники длина 10 вершков («Кроильные книги 135 и 136 годов», М., 1856). Эта одежда была и мужская и женская. Шилась она из самых разнообразных тканей, так как бывала повседневною и нарядною.

²⁹ Флетчер, О государстве русском, Спб., изд. Суворина, стр. 123 и 127.

³⁰ Там же, стр. 136.

³¹ Там же, стр. 124. Иностранцев удивляла высота каблуков русских женских сапожек «высотой в три пальца» (В. Маржерет, Состояние Российской державы с 1590 года по сентябрь 1606 г., Н. Устрялов, Сказания современников о Дмитрии Самозванце, Спб., 1859, стр. 253), подкованных, как сапоги польские и венгерские. Один из иностранных наблюдателей XVII века замечает, что «русские женщины носят такие высокие каблуки, что не могут ходить» («Путешествие по России голландца Стрюйса» (1672), Русский архив, 1880, ч. I, стр. 44).

³² «Известия англичан о России второй половины XVI века». Чтения при имп. Обществе истории и древностей российских, кн. III, 1884, май — сентябрь, стр. 19.

³³ «Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича Грозного по спискам и книгам 90 и 91 гг.». «Временник имп. Общества истории и древностей российских», кн. 7, М., 1850, стр. 18, 55.

³⁴ Лопатки — часто шитые золотной нитью или жемчугом концы завязок.

³⁵ Терлик — род узкого кафтана с короткими рукавами. По вороту, по полам, по подолу и рукавам окаймлялся жемчужным или золотным шитьем. (См. П. Савваитов, Описание старинных русских утварей, Спб., 1896, стр. 145).

³⁶ «Образцы — круглые или продолговатые и разного вида фигуры — кованные, литые, низанные или саженные жемчугом» (Там же, стр. 86).

³⁷ «Опись домашнего имущества царя Ивана Васильевича Грозного по спискам и книгам 90—91 гг.». «Временник имп. Общества истории и древностей российских», кн. 7, М., 1850, стр. 21.

³⁸ П. Савваитов, Описание старинных русских утварей, Спб., 1896, стр. 114.

³⁹ Дж. Горсей, Записки о Московии XVI века, Спб., изд. Суворина, стр. 111—112.

⁴⁰ Маржерет, Состояние Российской державы с 1590 года по сентябрь 1606 года. (Н. Устрялов, Сказания современников о Дмитрии Самозванце, Спб., 1859, стр. 273).

⁴¹ Там же, стр. 268.

⁴² «На голове у них по две шапки: одна круглая, вышитая жемчугом, без ручек, другая высокая из черного лисьего меха, ее надевают сверху первой». (Там же, стр. 288.)

Тафья, «тафейка» — небольшая мужская шапочка, постоянно носившаяся. Она богато украшалась шитьем, в частности жемчужным. Флетчер говорит: «Во-первых, на голову надевают тафью, или небольшую ночную шапочку, которая закрывает немного побольше маковки и обыкновенно вышита шелком и драгоценными

камями». (Флетчер, О государстве русском, изд. Суворина, стр. 126). Волосы на голове, по сведениям Флетчера, бояре стригут до самой кожи. В архивных документах часто встречается упоминание «тафья», «тафейка». «Стоглав» в главе 19 «О тафьях» «безбожного Махмета» высказывается против этого головного убора («Стоглав», Казань, 1862, стр. 7, 65, 159). Однако, несмотря на постановление «Стоглава», тафья встречается в описании имущества Ивана Грозного. («Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича Грозного по спискам и книгам 90 и 91 гг.», «Временник имп. Общества истории и древностей российских», кн. 7, М., 1850, стр. 291) и продолжает бытовать в XVI—XVII вв.

⁴³ **Маржерет**, Состояние Российской державы с 1590 года по сентябрь. 1606 года. (Н. **Устрялов**, Сказание современников о Димитрии Самозванце, Спб., 1859, стр. 273).

⁴⁴ «Помилуй, Господи, благоверного великого князя Василия Ивановича, Государя всея Руси, и его благоверную великую княгиню Соломонию и грады их. Подай же им, Господи, плод чрева. Сделана пелена сия в лето 7033—1525 в 19 лето государства его». Главной темой изображений, заполняющих поле пелены между середником и краем, составляет рождение детей у бесплодных.

⁴⁵ «Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 7105 (1597) года» Приводится Е. В. Дружининой-Георгиевской в книге «Памятники старинного русского искусства Суздальского музея», М., 1927, стр. 3—4.

⁴⁶ Протокол Центральных государственных реставрационных мастерских, № 101, архив Исторического музея.

⁴⁷ В. В. **Касаткин**, Монастыри и соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия, ч. I, Владимир, 1906, стр. 232.

⁴⁸ «Дневник польских послов», Н. **Устрялов**, Сказания современников о Димитрии Самозванце, ч. II, изд. 3-е, 1906, Спб., стр. 219.

⁴⁹ **Там же**, стр. 227.

⁵⁰ «... Кремль, великокняжеская казна, церкви и монастыри были начисто ограблены, и невероятные богатства в золоте, серебре, жемчуге, драгоценных камнях и иных дорогих вещах были захвачены и отосланы в Польшу. Как рассказывает Петрей, солдаты из озорства крупными одиночными жемчужинами заряжали свои ружья и стреляли в воздух» (Олеарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию, изд. Суворина, Спб., 1906, стр. 241).

⁵¹ **Там же**, стр. 34, 36.

⁵² **Там же**, стр. 214.

⁵³ **Там же**, стр. 267.

⁵⁴ «Описание путешествия Польского посольства 1678 г.». Б. **Таннер**, «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1891, стр. 102.

⁵⁵ **Там же**.

⁵⁶ «К государю в хоромы отнес дьяк Ждан Шипов 4 сорочки тафтяные червчатые и белые; а на сорочках на вороту и на мышках и на прорехах 373 зерна жемчужные на спнях серебряных... что взяты из **Богдановские** рухляди Вельского» (Расходные книги товарам и вещам для царского обихода, 19 декабря 7122 г. (1613—1614). **Викторов**, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых: приказов, стр. 103).

⁵⁷ «Книги в них писан верхний относ». Материалы. И. Е. **Забелин**, Домашний быт русских цариц, М., 1872, стр. 57.

⁵⁸ «. По бархату по червчатому обнизано жемчугом большим с камнем. В нем четыре яхонты лазоревы велики семь лалов, два изумруда, все в гнездах в золотых. Около камня жемчугу 159 зерен подложено отласом червчатым» (лист 141, опись 580, Государева мастерская палата 7137 г. А. **Викторов**, Описи записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, т. I, стр. 139).

⁵⁹ «Диадима низана по отласу по таусиному жемчугом; на ней 8 **дробниц**».

кнотцами, золоты; да 9 дробниц круглых, золоты ж; на них резаны святые и херувимы, наведены чернью. В ней три запоны золоты с камнем, алмазы и яхонты червчатыми и лазоревыми, и с лалы и с изумруды и с зерны жемчужными. Да в диадime ж каменя в гнездах золоты: яхонтов червчатых и лазоревых и лалов, и изумрудов, и с тумпазом — 45 камней. Около жемчугу обшивано кани- телью, подложена отласом червчатым. У нея же колечек и петель и крючков, серебряных белых 23; да снурочек шелк бел, с наконечником серебряным белым» (лист. 18, «Опись большому государеву наряду в государственной большой казне 7150 г. (1642)». А. В и к т о р о в, Описание записных книг и бумаг старых двор- цовых приказов, стр. 32).

⁶⁰ «Древности российской виблиотики», ч. VII, стр. 234, 241 и сл.

⁶¹ По архивным данным, название одежды кафтан встречается начиная с XVI века. Кафтан имел, повидимому, широкое распро- грание во всех классах общества и был как мужской, так и женской одеждой. Кафтаны были и домашней одеждой и выходной. Их назначение могло быть различно, и соответ- ственно менялся покрой. Имелись кафтаны «становые», «ездовые», «столовые» и т. д.

⁶² Лист 46, опись 6. «Описи царской казны. Опись большому государеву на- ряду в государевой большой казне 7150 г. (1642)». А. В и к т о р о в, Описание за- писных книг и бумаг старых дворцовых приказов, ч. I, стр. 33.

⁶³ П. Строев, Выходы царей, М., 1840, стр. 657.

⁶⁴ Б. Таннер, Описание путешествия Польского посольства 1678 г., «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских», 1891, стр. 102.

⁶⁵ А. Олeарий, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию, изд. Суворина, Спб., 1906, стр. 42.

⁶⁶ Лист 36, опись № 6. «Опись большому государеву наряду в государевой большой казне», 7150 г. (1642). А. В и к т о р о в, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, М., 1877, вып. I, стр. 33.

Платно — в XVII веке исключительно царская мужская одежда, применяв- шаяся во время больших выходов.

⁶⁷ «Принято из денежного приказа от Кузьмы Титова 25 золотников золота цельного. И в тем золоте сделали серебряные мастера Давыд Омелянов да Оста- фей Семенов к царицыну опoшню в жемчужное кружево в чем ставити каменя 64 гнезда золотых». (Лист 134—137, «Приходные и расходные книги денежной казне», 134 г., января 20». А. В и к т о р о в, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, вып. I, стр. 245).

⁶⁸ «Расходные книги товарам и вещам для царского обихода 7122 (1613— 1614) гг.». А. В и к т о р о в, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, вып. I, стр. 104.

⁶⁹ Лист 134—137. А. В и к т о р о в, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, вып. I, стр. 245.

⁷⁰ Лист 138. «Царицына мастерская палата. Опись казне и платью царевны Ирины Михайловны 7138—7144 (1629—1636) гг.». А. В и к т о р о в, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, вып. I, стр. 311.

«Июля 27 ...торговому человеку Власу Нестерову за 63 зерна гурмыских... 63 рубля и в то же число дано от государя сверху из хором 20 руб., а 43 руб. с Казенного двора. Зерна взяты к государю вверх на государеву тафeyку». («Рас- ходные книги денежной казне». А. В и к т о р о в, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, вып. I, М., 1877, стр. 63).

⁷¹ А. Олeарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию, изд. Суворина. Спб., 1906, стр. 42—43.

⁷² Лист 141. Государева Мастерская палата 7137 г. (1628—1629) А. В и к- т о р о в, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 190.

«Шапка бархат чорн первого наряду, петли низаны жемчугом большим... в петлях жемчугу 187 зерен». (Там же.)

⁷³ «Книги расходные каменью и жемчугу и золота 146 году при окольничем яри Василии Ивановиче Стрешневе да при подьячем при Иване Уранове». А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, т. II стр. 515.

⁷⁴ «Сговорные», 1611—1612 гг. «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. III, Спб., 1884, стр. 306.

⁷⁵ «Рядные», 1691 г. Там же, стр. 294.

⁷⁶ «Записки касательно пожалования платья новокрещеным на крещение, другим лицам по разным случаям». Материалы. И. Е. Забелин, Домашний быт русских царей, ч. II, 1915, стр. 786.

⁷⁷ «Сговорные», 1696 г., августа 16. «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», т. III, Спб., 1884, стр. 313.

⁷⁸ Григ. Котошихин, О России в царствование Алексея Михайловича, изд. 2-е, Спб., 1859, стр. 127.

⁷⁹ Опись 775. «Опись казне и платью царевны Ирины Михайловны», 7133—7144 гг. (1629—1636). А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, М., 1877, стр. 310.

⁸⁰ «1676 года июня 9. Расписка в приеме от архимандрита Чудова монастыря Павла в монастырскую казну Кириллова монастыря разного имущества монаха Никона» и «Дело о патриархе Никоне», изд. Археологического комитета по документам Московской синодальной библиотеки, Спб., 1897, стр. 391.

⁸¹ Опись № 936. «Оружейная палата». А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, т. II, стр. 397.

⁸² Лист 241, опись 771. «Описи царицыной казны» 7134—7136 гг. А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, ч. I, стр. 301—302.

⁸³ Лист 70, опись 6—7. «Записи прихода большой казны с 7135—7154 гг.» А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов, вып. I, стр. 34.

⁸⁴ «Чепрак бархатный, червчатый, низанный жемчугом, угловатым и круглым, в виде развода из цветов, с коймою и с обводкою вокруг узора из волоченого золота, в виде веревочки; у цветков в срединах, равно и по некоторым лепесткам вставки золотые, чеканные, с припаянными гнездами, в которых посажены изумруды и красные яхонтики; с трех сторон чепрака, вместо бахромы, пришиты к золотой тесемочке так называемые ряски или ниточки жемчужные, длиною, примерно, около полутора вершка с закрепками в виде русских пуговиц из серебряной позолоченой проволоки. Подкладка под чепраком зеленая, канвовая.

На чепраке вставок, в виде цветков, сорок две. На середине репей, в котором посажен красный яхонт, граненый россыпью и кругом его на шести листках посажены через один три лалика и три изумрудца. Во всем же чепраке: яхонтов семьдесят пять, изумрудов — шестьдесят пять, жемчуга — сто тридцать золотников. Жемчуг...» (Опись Московской Оружейной палаты, ч. 6, кн. 5, «Конюшенная Казна», М., 1884, стр. 174).

⁸⁵ «Приходные и расходные книги денежной казне за 7132—7134 гг.» (1624—1626). А. Викторов, Описание записных книг и бумаг старых дворцовых приказов, стр. 243.

⁸⁶ Для более подробного ознакомления с жемчужным шитьем памятника приводим документальное описание шитья: «...венеч на преподобном и пять запонов обнизаны кругом в одну нить крупным кафимским жемчугом, из них один запоно соединяется с венечною обнизью. На мантии у Преподобного низано в шесть ниток жемчугом, вокруг схимы и на схиме семь крестов; около свитка и зарукавице, вни-

схемы три дорожки и три кружка и на одежде у подножия низано средним кафимским жемчугом, выше венца и по сторонам, от полей обведено в одну нить шиз до третьей надписи средним жемчугом.

Итого в середине покрова на образе, венце, мантии и схеме жемчугу крупного среднего примерно один фунт четыре золотника по четыре рубля золотник на четыреста рублей.

Образ св. Троицы по сторонам венца **Преподобного** надписи и житие с надписями низаны кафимским жемчугом средним и мелким, первого примерно 1 ф. 4 золотника по два рубля золотник на 200 рублей, второго 60 золотников по одному рублю золотник на шестьдесят рублей». («Опись главной ризницы Свято-Троицкие Сергиевы Лавры, составленная в 1908 году», кн. 9, № 400).

⁸⁷ При выделке искусственного или поддельного жемчуга берутся сначала стеклянные трубочки, известные под названием «girasol». Из этих трубочек, выделанных из молочного или мутнобелого подкрашенного стекла, выдувают над лампой разнообразные маленькие шарики-бусинки, близкие по формам к натуральным жемчужинам: круглые, овальные, грушевидные, иногда даже угловатые и шероховатые, как бы передающие недостатки натуральных жемчужных зерен. С внутренней стороны эти дутые бусинки покрываются жемчужной эссенцией. Эссенция эта, секрет изобретения которой, как было упомянуто, принадлежит Pierre Jaquin, была следующего состава: к рыбьему клею прибавляется порошок, приготовленный из измельченных до тонкости чешуек определенного сорта рыбы, и именно — плотвы и леща. Чешуя этих рыб отличается особым блеском и клейкостью. Эта так называемая «жемчужная эссенция» разогревается и, вдуваясь в стеклянные бусинки, покрывает сплошь внутреннюю поверхность тонким блестящим слоем». («Пространное руководство к общей технологии», изд. Федором Денисовым, М., 1828, стр. 458). Головной женский убор **бывш.** Вологодской губ. шит половинчатым жемчугом, а поднизь низана из «бургиньона» (см. рис. 8, ГИМ № 290/36629).

⁸⁸ «Челка» (ГИМ, № 679/5475) Новгородской губ., шитая поддельным жемчугом — «бургиньон» (см. рис. 9).

⁸⁹ Инвентарь Троице-Сергиевой лавры по описи 1908 г. Фелонь. Вклад 1791 г. Екатерины II. «Фелонь парчевая по серебряному чешуйчатому фону серебряные листья с букетами цветов, вытканых золотом и шелками, и серебряные с золотой каймой разводы. Оплечье из зеленоватого бархата, на нем в центре монограмма «T.S.L.» и растительный орнамент с разводами и фестонами низанными крупным, средним и мелким жемчугом и шитое блестками. По бокам кустодии на двух корзинах с цветами две очень крупных жемчужины. Крест и кустодия в виде звезды шиты крупным, средним и мелким жемчугом».

⁹ Приводим выдержки из инвентарной книги Троице-Сергиевой лавры по описи 1908 г., инв. № 2353: «Одежда на престол. Вклад митрополита Платона в 1795 г. Одежда на престол в Троицкий собор золотого глазета, со всех четырех сторон украшена жемчугом и камнями.

Западная сторона: в середине восьмиконечный низанный жемчугом крест на горе, вышитой шелками и усеянной 12-ю жемчужными цветками... Вверху и по сторонам креста три сияния низаны кафимским жемчугом средним и мелким.

По углам облачения четыре золотые дробницы... Около тех дробниц жемчужные арматуры с жемчужными вверху их бантами.

По верхнему и боковым краям в виде каймы вынизан средним и мелким жемчугом тропарь.

По обеим сторонам каймы обведено в одну нить крупным и средним кафимским жемчугом...

По нижнему краю облачения обшито бахромой, сверх которой в одну нить обнизано крупным кафимским жемчугом...

Южная сторона: ...Крест низанный жемчугом с лучами и вензелем «T.S.L.».

По верхнему и боковым краям облачения на малиновом бархате в виде каймы вынизана средним и мелким жемчугом надпись:

«Устроися сия одежда на святую трапезу тцанием и усердием преосвященнейшего митрополита Московского и сия лавры архимандрита Платона в 1795 году».

Восточная сторона: ...низанный жемчугом крест с камнями. Внизу креста низан жемчугом вензель «Р.М.М.»... по среднему и боковым краям облачения на бархате в виде каймы вынизана средним жемчугом надпись, означающая счет камней и вес жемчугу: «из монастырского жемчугу, камней и золотых вещей всего на сей одежде жемчугу 7 фунтов и 85 золотников камня разного счетом 766, образцов и золотых вещей 23».

⁹¹ Основу римского жемчуга «составляют выточенные из алебаstra бусины. Эти бусины покрываются жемчужной глазурью, приготовляемой следующим способом. С внутренней стороны раковины соскабливают перламутр и толкут его в мелкий порошок. Этот порошок несколько раз промывается и затем смешивается с рыбьим клеем». (Журн. «Мануфактуры и торговли», 1828, № 10, стр. 55—57.)

⁹² Николай Шапов, История моей жизни и моих странствований. «Русская старина», 1881, май, стр. 142—145.

⁹³ А. Н. Волконский, Село Большое Мурашкино (Нижегородской губ., Княгининского уезда). «Русский архив», М., 1875, вып. I, стр. 119.

⁹⁴ «Описание села Ворсмы, Горбатовского уезда». Рукопись 1854 года Ф. Фаворского, Нижегородской губ. Д. Н. Зеленин, Описание рукописей, Спб., 1915, стр. 821.

⁹⁵ Гакстгаузен, Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России, изд. Рагозина, М., 1870, стр. 9.

⁹⁶ Там же, стр. 51.

СПИСОК ЧАСТО ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ УСТАРЕВШИХ СЛОВ

ТКАНИ

Аksamит, оксамит (*греч.* экзамитон: *ех* — шесть, *mitos* — нить) — золотая ткань с шестью нитями основы, ворсистая или без ворса, с узорами. Ценилась очень высоко.

Атлас, отлас (*арабск.* атлас — гладкий) — шелковая гладкая блестящая ткань.

Бархат «двоеморхий» — бархат с разрезанным ворсом, имеющим две высоты («морх» — ворс).

Бархат «рытый» — бархат с разрезанным и неразрезанным ворсом, что дает рельефность узора.

«Вошва» — кусок ткани, вшиваемый как украшение в одежду, обычно другого вида и цвета, чем ткань одежды.

«Зендень» — восточная хлопчатобумажная ткань.

Изорбаф, зорбаф (*перс.* зор — золото, бафт — ткань) тип парчи.

Камка (*перс.* камха) — шелковая, обычно одноцветная ткань с выработанным узором.

Камка «куфтерь» — камка с крупным узором.

Камка «с репей» — камка с выработанным узором из зубчатых листьев и цветов (репей).

«Лундыш *англинской*» — английское лондонское (лундское) сукно.

Обьярь, обьярь (*перс.* абдар — волнистый, струйчатый) — плотная шелковая волнистая узорчатая ткань.

Парча (*перс.* — кусок) — общее название для различных видов золотных тканей с узором, часто цветным.

Скарлат (*франц.* «écarlate» — багряный) — французское алое сукно.

Тафта (*перс.*) — шелковая ткань полотняного переплетения, обычно гладкая.

Шида — ситец, хлопчатобумажная ткань.

Шелк «дорогильный» — шелковая полосатая ткань.

УЗОРЫ

Репей — орнамент из мелких зубчатых листьев и цветов.

Травы «большой руки» — крупный растительный орнамент.

ЦВЕТА

Таусиный (перс. тауси — павлин) —• синеvато-лиловый.

Червчатый — малинового цвета.

МАТЕРИАЛ ДЛЯ ШИТЬЯ

Бить — тончайшая металлическая полоска.

«Золото волоченное» — тончайшая серебряная позолоченная проволока.

«Золото пряденое» — шелковая или льняная нить, обвитая тончайшей плоской серебряной проволокой, часто позолоченной.

«Золото сканное» — шелковая или льняная нить, перевитая с тонкой серебряной, иногда позолоченной проволокой.

Канитель — тонкая металлическая проволока, туго свитая в спираль.

Картулин — 1) вид канители, 2) красный шнурок или нить в кружеве или вышивке.

Трунцал — канитель с продернутой шелковой нитью.

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Басма (татарск. — оттиск). Тиснение по материалам различных видов, в частности по тонким золотым или серебряным пластинкам.

Дробницы — мелкие золотые или серебряные бляшки различной формы, иногда с камнями, эмалью, чернью.

Запана, запѳна — довольно крупная золотая или серебряная бляха, иногда с драгоценными камнями, эмалью, чернью.

Плащи, плащики — крупные и мелкие золотые или серебряные пластинки.

«Репьи» — ювелирные лапки.

«Спень» — стерженек.

КАМНИ

Лал — «благородная спинель» — драгоценный камень красного цвета.

Яхонт — «благородный корунд»; яхонт червчатый — рубин; яхонт лазоревый — сапфир.

СПИСОК ЖЕМЧУЖЕНОСНЫХ РЕК

- Аа* — ~~Лифляндия~~ — Хребтов
Амур — Штукенберг
Андона — бассейн Онежского озера. — Верещагин
Бирюч — бассейн Волги, севернее Симбирска. — Академические известия на 1780 г. — Г. Руссов
Вадула — Новгородская провинция, Бежецкая пятина, Вельский погост. — П.С.З., т. I
Вайга — бассейн р. Онеги, Архангельской губ. — Верещагин
Вайдай — приток р. Шварцбах, который впадает в ~~Лифляндии~~ в р. *Аа*. — Штукенберг
Валбужа — бассейн Онежского озера. — Верещагин
Варзуга — бассейн Белого моря. — Патриаршие дворцовые приказы, № 423 — де Бруин; Лепехин; Руссов; Штукенберг; Бартеков; Верещагин
Вельгея — Новгородского уезда, Бежецкая пятина в Боровском погосте, впадает в Мсту. — П.С.З., т. VI, № 3794. — Штукенберг
Весит — приток Эвста, который впадает в р. Двину. — Штукенберг
Ветлуга — приток Волги. — Де Бруин
Виденга — Беломорский бассейн. — Верещагин
Вигзенга — бассейн Онежского озера. — Штукенберг; Верещагин
Вичай — ручей, бассейн Онежского озера. — Верещагин
Вичи — ручей, бассейн Онежского озера, ~~Повенецкого~~ уезда. — Верещагин
Вичка — Заонежский район. — Макаров
Водла — бассейн Онежского озера. — Верещагин
Волга — уг. Ярославля. — В. А. Городцов (личное сообщение)
Вория — губа бассейна Белого моря. — Штукенберг
Воньга — Камский район. — Макаров
Воронья — восток и юг от ~~Луявра~~ — Руссов
Вузьма — Архангельской губ. — Верещагин
Выи — бассейн Белого моря. — Штукенберг; Бартеков; Верещагин
Вытегорская — бассейн Онежского озера. — Верещагин
Выченга — бассейн Онежского озера. — Бартеков
Галмужа — бассейн Онежского озера. — Штукенберг; Бартеков
Ганга — Заонежский район. — Макаров
Гремячая — Новгородской обл., в Полинском погосте, под с. ~~Яжельбицами~~. — П.С.З., т. VI, № 3794

Гриденка — бассейн Белого моря, Архангельской губ., Камского уезда. — Хребтов; Макаров; Верещагин

Двина Северная. — Герберштейн; «Памятники дипломатических и торговых сношений с Персией»

Дон — возле него, в озере Прорве и в ручье «Грязный». — Штукенберг

Емля — выходит из Валдайских гор, впадает в Мсту. — Щекатов; Руссов; «Академические известия» на 1780 г.

Ерынъ — Новгородской губ., в Деревской пятине, Лакоцком погосте. — П.С.З., т. VI, № 3794.

Жемчужная река — бассейн Ледовитого океана. Муром. — Макаров

Жемчужное озеро — у Сольвычегодска. — Введенский А. А.

Жемчужный ручей — Карелия, Кандалакшский район, у села Княжья Губа. — Макаров

Зеленка — Новгородской губ., Деревская пятина. — П.С.З., т. VI, № 3794.

Иголан-Ое — Русская Карелия, Якимварский погост (у Ладожского озера). — Алопеус; Руссов

Икса — у Сольвычегодска. — Введенский

Ирень — бассейн р. Сылвы, Пермской губ. — Штукенберг; «Хозяйственное описание Пермской губ.»

Кадес — Русская Карелия, Сардовальский погост, Ладожское озеро. — Алопеус; Руссов

Каменка — близ оз. Селигер, Новгородской губ. — Руссов; «Горный журнал», 1826.

Кандалакша — бассейн Белого моря. — Штукенберг; Бартенев; Верещагин

Карбозеро — Заонежский район. — Макаров

Карниз-озеро — Кемьский район. — Макаров

Квradула — Новгородская губ., Бежецкая пятина, в Вельском погосте. — П.С.З., т. VI, № 3794.

Кемь — Кемьский район. — Щекатов; Руссов; Макаров; П.С.З., т. VI, № 3794;

Герб г. Кемь; Верещагин

Кереть — Кемьский уезд Архангельской губернии, бассейн Белого моря. — Саввич; Макаров; Хребтов; Штукенберг; Бартенев; Верещагин

Кица — приток р. Варзуги. — Ферсман; Попов

Ковда — бассейн Белого моря. — Штукенберг; Бартенев; Верещагин

Ковер — бассейн Ладожского озера. — Верещагин

Ковниок — к юго-востоку от Луявра. — Руссов

Кожа — бассейн р. Онеги, возле Архангельска. — Хребтов; Верещагин

Коктамыш — Штукенберг

Кола — бассейн Белого моря. — Де-Бруин; Штукенберг; Бартенев; Верещагин

Кольвица — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин

Колья — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин

Креница — Новгородская провинция, Деревенская пятина, Щедринско-Никольский погост. — П.С.З., т. VI, № 3794.

Кузена — бассейн Белого моря (приток Свири) (у Верещагина «Кузьма»). — Штукенберг; Бартенев

Кумса — Заонежский район. — Макаров; Верещагин

Купча — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин

Лена — Новгородский Полянский погост. — П.С.З., т. VI, № 3794

Лна — приток Мсты. — Штукенберг

Луженка — Новгородская Деревская пятина. — П.С.З., т. VI, № 3497

Лумбушка — бассейн Онежского озера, Повенецкий уезд. — Верещагин

Мегра — бассейн Онежского озера. — Штукенберг; Бартенев; Верещагин

Межа — бассейн Онежского озера. — Верещагин

- Мина** — бассейн Белого моря, приток р. **Умбы**. — Ферсман; Верещагин; Попов
Муромское озеро — Пудожский район. — Макаров
Нава — бассейн Белого моря — Верещагин
Насва — Псковской губ. — Щекалов; Руссов
Немена (вероятно, она же Немень или Немина) — бассейн Онежского озера. —
Неменьга — Архангельской губ., Онежский уезд. — Хребтов
Нива — бассейн Онежского озера, Повенецкий уезд. — Штукенберг; Бартенев;
 Верещагин
Нижняя Охта — Кольский район. — Макаров
Нильма — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
Нядема — бассейн Белого моря, у норвежской границы, Архангельской губ. —
 Бартенев; Верещагин; Штукенберг
Олонка — Заонежский район. — Макаров
Онега — бассейн Белого моря. — Верещагин
Онон — р. Камчатского полуострова. — Палас; Семивский; Штукенберг
Остер — бассейн Онежского озера. — Верещагин
Очаков — Мейер
Пажа — бассейн Онежского озера. — Верещагин
Паза — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
Пазрека — бассейн Ледовитого океана, у норвежской границы. — Штукенберг;
 Верещагин
Паяс — бассейн Ледовитого океана, у норвежской границы. — Штукенберг;
 Верещагин
Пеймона — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
Перленбах — приток. Шварцбах в Лифляндии. — Штукенберг; Хребтов
Печеньга — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
Пигма — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
Пильма — Кандалакшский район. — Макаров
Пильмозеро — Кандалакшский район. — Макаров
Пильшина — бассейн Ледовитого океана, около Благовещенска. — Верещагин
Пиндушка — Верещагин
Повенчанка — бассейн Онежского озера. — Руссов; Хребтов; Макаров; Барте-
 нев; Верещагин; Случевский
Повенец — бассейн Онежского озера. — Штукенберг; Бартенев
Повревица — Новгородская губ., Торопецкий уезд. — П.С.З., т. VI, № 3794
Подмозеро — Заонежский район. — Макаров
Помойн — бассейн Белого моря. — Верещагин
Поной (Пона) — бассейн Белого моря, Архангельской губ. — Лепехин; Руссов;
 Верещагин; Штукенберг; Бартенев
Понти — к юго-востоку от Луявра. — Руссов
Поньтома — бассейн Белого моря. — Хребтов; Макаров; Верещагин
Порья-губа — бассейн Белого моря, Архангельской губ., Кемьский уезд. —
 Хребтов; Верещагин
Прорва — озеро возле р. Дон. — Штукенберг
Псел — бассейн р. Днепр. — Штукенберг
Пудаса Большая — приток. Кемь. — Щекалов; Руссов
Пудаса Малая — приток р. Кемь. — Щекалов; Руссов
Пуста — приток р. Кемь. — Щекалов; Руссов
Путка — Заонежский район. — Макаров
Путкозеро — Заонежский район. — Макаров
Пяйша — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
Пяльма — бассейн Онежского озера. — Хребтов; Верещагин

- Ревы — к югу от Луявра. — Руссов
 Розана — бассейн Онежского озера. — Верещагин
 Рогна — бассейн Онежского озера. — Штукенберг; Бартенев
 Родна — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
 Савтуга — Архангельская губ. — Хребтов
 Салис — впадает в море в Лифляндии. — Штукенберг
 Сара — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
 Сарка — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
 Светлый ручей — бассейн Онежского озера. — Верещагин
 Свияга — Волга. — «Академические известия» на 1789 г.; Штукенберг
 Сережа — Новгородская губ., Торопецкий уезд, Великолуцкая провинция. —
 П.С.З., т. VI, № 3794
 Симбо — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
 Сих — бассейн Онежского озера. — Верещагин
 Сихтуга — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
 Солза — Де-Бруин
 Солья — Архангельская губ. — Верещагин
 Соречкая — бассейн Белого моря. — Верещагин
 Стабенка — близ озера Селигер Новгородской губ. — Руссов; «Горный жур-
 нал», 1925
 Столпенка — Новгородская Великолуцкая провинция, Торопецкий уезд. —
 П.С.З., т. VI, № 3794.
 Сузьма — бассейн Белого моря — Бартенев
 Сула — бассейн Днепра. — Штукенберг
 Сума — бассейн Белого моря. — Штукенберг; Бартенев; Верещагин; Случевский
 Сызранка — Волга. — Штукенберг
 Сыра — бассейн р. Сылвы. — Штукенберг; хозяйственная опись Пермской губ.
 губ. Сюзма — бассейн Северного моря. — Штукенберг; Верещагин; «Архангельские
 ведомости»; Случевский
 Тельза — бассейн р. Сылвы. — Штукенберг
 Тотна — Новгородская Бежецкая пятина, Вельский погост — П.С.З., т. VI,
 № 3794
 Тулокса — бассейн Ладожского озера. — Верещагин
 Тулома — бассейн Белого моря. — Штукенберг; Бартенев; Верещагин
 Тулона — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
 Туба — бассейн Онежского озера. — Хребтов; Верещагин
 Тюя — бассейн р. Сылвы. — Штукенберг; «Хозяйственное описание Пермской
 губ.»
 Ухома — Новгородская Бежецкая пятина, Вельский, Прокофьевский, Богород-
 ский погост. — П.С.З., т. VI, № 3794
 Умба — бассейн Белого моря. — Руссов; Бартенев; Верещагин
 Укшеозеро — Прионежский район. — Макаров
 Хайно-ручей — бассейн Белого моря, возле г. Архангельска. — Хребтов; Верещ-
 агин
 Холина — Новгородский Полинский погост. — П.С.З., т. VI, № 3794
 Холова — Новгородская провинция, Деревская пятина в Локотском погосте. —
 П.С.З., т. VI, № 3794; Штукенберг
 Холнья — Новгородской губ., впадает в Мсту. — Штукенберг
 Хорлова — к юго-востоку от Луявра. — Руссов
 Хорол — бассейн р. Днепра. — Штукенберг
 Хутынга — бассейн Ледовитого океана. — Верещагин
 Челмужи — бассейн Онежского озера. — Хребтов; Верещагин
 Шаткуса — бассейн Ладожского озера. — Верещагин

Шаранай — Камчатский полуостров. — Паллас
Шварцбах — впадает р. Аа в Лифляндии — Штукенберг; Хребтов
Щеушна — Новгородская Деревская пятина в Щедринском и Никольском по-
 госте. — П.С.З., т. VI, № 3794
Шомба — бассейн Белого моря. — Верещагин
Шунка — Заонежский район. — Макаров
Шуя — бассейн Онежского озера. — Верещагин
Ятуна — Новгородская Деревская пятина. — П.С.З., т. VI, № 3794
Янега — приток Свири. — Верещагин
Янума — П.С.З., т. VI, № 3794

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ряд авторов указывает на отдельные районы, где имеются жемчуженосные реки: Герберштейн (XVI в.) — берега Ледовитого океана; Кильбургер (XVII в.) — все реки у Архангельска; Лепехин (XVIII в.) — берега Белого моря, в частности Терское побережье; Крашенинников (XIX в.) — Камчатский полуостров; Семивский (XIX в.) — Камчатский полуостров.
2. В списке все географические названия и обозначения единиц административного деления приводятся в той форме, в какой они встречаются у данного автора.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЗДАНИИ, НА ОСНОВАНИИ КОТОРЫХ СОСТАВЛЕН СПИСОК ЖЕМЧУЖЕНОСНЫХ РЕК

- Алопеус, Краткое описание мраморных и других каменных ломов, гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии, Спб., 1787, стр. 74.
 «Академические известия», 1780, февраль, стр. 120, 234, 517.
 «Архангельские губернские ведомости» на 1845 год.
 Бартнев И., О русском жемчуге, имп. русское Общество акклиматизации животных и растений. Дневник отдела ихтиологии, вып. 10, М., 1902, стр. 323.
 Введенский А. А., Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве. Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову, 1922, стр. 112.
 Верещагин А., К вопросу о жемчужном промысле в Карело-Мурманском крае, «Карело-Мурманский край», 1929, январь, стр. 30.
 «Горный журнал» за 1826 г., кн. X, стр. 15.
 Герберштейн Сигизмунд, Записки о московитских делах, изд. Суворина, стр. 136.
 Городцов В. А., Волжские моллюски в окрестностях г. Ярославля, Ярославль, «Труды Естественного исторического общества», 1902, № 1.
 Де Бруин, Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, 1872, т. III, стр. 150.
 Лепехин, Дневные записки путешествий, гл. IV, Спб., 1805, стр. 345.
 Макаров В. В., Опыт акклиматизации жемчужницы. Труды Бородинской биологической станции в Карелии, т. VII, вып. 2, Л., 1934, стр. 37.
 Мейер, Описание Очаковской земли, Спб., 1794, стр. 160.
 «Отечественные записки», 1829, кн. I, стр. 134.
 Паллас Петр Симон, Путешествие по разным провинциям российского государства, ч. III, половина первая, 1772 и 1773, Спб., 1788, стр. 285.
 «Патриаршие дворцовые приказы», стр. 423.
 «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», «Труды восточного отдела Археологического общества», т. 20, 21, 22, ч. I, Спб., 1898, стр. 263.

- Полное собрание **законов**, т. VI, № 3794, стр. 397—400.
«Путешествие Крашенинникова», ч. I, стр. 57.
Руссов, Словарь жемчужный, или описание мест и вод на пространстве России находящихся, в коих ловится жемчуг, Спб., 1829.
Саввич А. А., Соловецкая вотчина XV—XVII вв., Пермь, 1927, стр. 206.
Сарычев Г., Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири с 1785 г. по 1793 г., ч. 2, Спб., 1802, стр. 10.
Семивский, Новейшие любопытные и достоверные повествования о восточной Сибири, Спб., 1817, стр. 195.
Случевский К. К., По северо-западу России, т. I, «По северу России», изд. Маркса, Спб., стр. 280.
Ферсман А. Е., К истории русского жемчуга, «Природа», 1916, июль-август, стр. 943.
«Хозяйственное описание Пермской губернии 1814 г.», ч. 2, стр. 270.
Хребтов А. А., Положение жемчужной промышленности в России, Спб., 1897, стр. 10, 15.
Щекатов, Географический словарь, ч. I, 1788, стр. 281, 282, ч. III, М 1804, стр. 435.
Штукенберг, «Журнал Министерства народного просвещения», 1849, отд. 7, стр. 56.

К БИБЛИОГРАФИИ

- А. Ж., О промышленном жемчуге в Мурманском крае, Карело-Мурманский край, 1925, № 34.
- Академические Известия на 1780 год, февраль, ч. 4.
- Акты, относящиеся до юридического быта древней России, т. III, Спб., 1884.
- Александрова-Дольник Т., Шитье московской мастерской XVI века. Вопросы реставрации, Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских, М., 1926.
- Алопеус Самуил, Краткое описание мраморных и других каменных ломов гор и каменных пород, находящихся в Российской Карелии, Спб., 1787, стр. 74—76.
- Альберт Г. Н., Перламутр и жемчуг в Карело-Мурманском крае, Карело-Мурманский край, 1930, № 6—14.
- Антоний Пассевин (1581—1582), Чтения в имп. обществе истории и древностей российских, 1891, кн. 3.
- Аристов Н., Промышленность древней Руси, Спб., 1866.
- Архангельский жемчуг, «Северная Пчела», 1834, стр. 1218.
- Бартнев И., О русском жемчуге, читано в заседании 26 марта 1897 г., «Имп. русское общество акклиматизации животных и растений». Дневник отдела ихтиологии, вып. 10, М. 1902, стр. 323.
- Бартнев С., Московский Кремль в старину и теперь, ч. 2.
- Банштедт З. М., Японский жемчуг, «Природа», 1926, № 5—6.
- Беляев, Кабинет Петра I, Спб., 1800, отд. 3.
- Варкоч Николай, Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, ч. IV, 1874, стр. 20.
- Введенский А. А., Аника Строганов в своем Сольвычегодском хозяйстве, Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову, 1922, стр. 112.
- Верещагин А., К вопросу о жемчужном промысле в Карело-Мурманском крае, Карело-Мурманский край, 1929, № 1, стр. 30.
- Верещагин А., Список литературы по жемчужному промыслу в Карелии и Мурманской губ., Карело-Мурманский край, 1929, № 3, стр. 35—36.
- Верещагин А., О добыче перламутра и жемчуга в Карелии и Мурманском крае. Озера Карелии, изд. Бородинской биологической станции, 1930.
- Винклер П. П., Гербы городов, губерний, областей, посадов Российской империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1910 гг., Спб., 1892.
- Викторов А., Описание записных книг и старых дворцовых приказов, 1584—1755 гг.

- Властов В. В.**, Биология жемчужницы и проблема использования ее раковины как перламутрового сырья, «Труды Бородинской биологической станции», вып. VII, 1934, стр. 5—86.
- Волконский А. А.**, Село большое **Мурашкино** (Нижегородской губ., Княгининский уезд), «Русский архив», 1875, № 1.
- Гаевский П.**, Северный жемчуг, Карело-Мурманский край, 1926, № 5—8.
- Гакстгаузен**, Исследование внешних отношений народов, жизни и особенности сельских отношений в России в 1843 г., изд. Рагозина, 1870, стр. 131.
- Географический словарь, ч. I, М., 1788, стр. 281.
- Георгиевский В. Т.**, Памятники старинного русского искусства Суздальского музея (текст Е. В. Дружининой-Георгиевской), М., 1927.
- Георгиевский В. Т.**, Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой Лавры. «Светильник», 1914, № 11—12.
- Герберштейн Сигизмунд**, Записки о московских делах, изд. Суворина.
- Гершанович П.**, Жемчужный промысел в Карелии, «Вестник Муром», 1923, № 28.
- Голубинский Е.** Археологический атлас, «Истории русской церкви», вторая половина I тома. М., 1905.
- Гонсалес де Клавихо**, Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, IV, 1864, стр. 213—217.
- «Горный журнал», 1826, кн. X.
- «Горный журнал», 1836, ч. 3, стр. 446.
- Де Бруин Корнилий**, Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, т. III, 1872, стр. 150.
- Джером Горсей**, Записки о Московии XVI века, изд. Суворина.
- Довнар-Запольский М. В.**, Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв., в кн. «Москва в ее прошлом и настоящем», т. II, ч. III.
- Дружинина-Георгиевская Е. В.**, Строгановское шитье в XVII в., «Русское искусство XVII в.», 1929, стр. 113.
- «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», изд. Суворина.
- Евдокимов А.**, Жемчужный промысел. «Новый Север», № 1, 1937.
- «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих», 1756, январь», изд. Академии наук.
- «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих», 1757, март, изд. Академии наук.
- Ешкилев В. А.**, Город **Сольвычегодск** и памятники былой его культуры, Великий Устюг, 1926.
- Жадин В. И.**, Фауна СССР. Моллюски, т. IV, вып. I, 1935.
- Журавлев А.**, Жемчуг в Архангельской губ., «Архангельские губернские ведомости», 1845, № 21.
- Забелин И. Е.**, Домашний быт русских царей, ч. 1 и 2, 1915.
- Забелин И. Е.**, Домашний быт русских цариц, М., 1872.
- Забелин И. Е.**, Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 2, М., 1891.
- Зеленин Д. К.**, Описание рукописей, Спб., 1915.
- «Известия англичан о России во второй половине XVI в.». Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, кн. IV, октябрь—декабрь, 1884.
- «Исторический и географический месяцеслов» на 1786 год.
- Калинина Е. В.**, Техника древнерусского шитья и некоторые способы выполнения художественных задач. «Русское искусство XVII в.», Спб., 1929, стр. 133.

Карамзин Н. М., «Примечания к истории Государства Российского», тт. IV, V и VI, Спб., 1852.

К-ий Г., О жемчужном промысле, «Олонецкие губернские ведомости» 1897, № 30, 1899, № 23.

Котошихин Григорий, О России в царствование Алексея Михайловича, Современное сочинение, изд. 2, Спб., 1859.

Макаров В. В., Опыт акклиматизации жемчужницы. «Труды Богородской станции в Карелии», т. VII, вып. 2, Л., 1934.

«Мануфактура и торговля», журн., 1826, № 10; 1829, № 7.

Маржерет Ж., Состояние Российской державы с 1590 по сентябрь 1606 г., в книге Устрялова «Сказания современников о Димитрии Самозванце», Спб., 1859.

Мейерберг, Альбом, виды и бытовые картинки России XVII в., изд. Суворина.

Мейер, Описание Очаковской земли, Спб., 1794.

Мерцалов А., Ловля жемчуга на севере России в XVIII в., «Олонецкие губернские ведомости», 1900, № 12.

Мерцалов А., Добыча жемчуга в XVIII в. «Вологодские епархиальные ведомости за 1900 г.».

«Об иноземцах, принявших христианскую веру». «Русская историческая библиотека», т. VIII, Спб., 1884.

«О жемчужном промысле на р. Повенчанке», «Олонецкие губернские ведомости», 1896, № 28.

«О ловле жемчуга», «Олонецкие губернские ведомости», 1872, № 40.

Олеарий Адам, Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, изд. Суворина.

«Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича Грозного по спискам и книгам 90 и 91 гг.», «Временник имп. Общества истории и древностей российских», кн. 7, М., 1850.

«Опись келейной казны патриарха Филарета Никитича 1630 г., августа 26», «Русская Историческая библиотека», т. III, Спб., 1876.

«Опись Московского Успенского собора», «Русская историческая библиотека», т. III, Спб., 1876.

«Опись церкви Знамения Пресвятой Богородицы», в 1631 г., приложение к «Историческому описанию Московского Знаменского монастыря, что на старом государевом дворе», М., 1866.

«Отечественные записки» на 1829 г., кн. 1-я.

«Открытие сокровенных художеств, служащих для фабрикантов, мануфактуристов, художников, мастеровых людей», перевод с немецкого, изд. 2, М., 1787, стр. 14.

«Отписка Архангельского воеводы об отправлении в Москву голландца Петра Деладала с узорчатыми товарами и мастерскими запасами, 1627 г., сентября 8». «Русская историческая библиотека», т. VIII, Спб., 1884, стр. 195.

Паллас Петр-Симон, Путешествие по разным провинциям Российского государства, ч. III, Спб., 1788.

«Памятники дипломатических торговых сношений Московской Руси с Персией», «Труды Восточного отдела Археологического Общества», тт. XX, XXI, XXII, ч. I, Спб., 1893.

«Переписная книга домовая казны патриарха Никона лето 7165 июня в 21 день», «Временник имп. Общества истории и древностей российских», кн. 15, 1857, стр. 18.

«Петра Петерея Московские летописи». «Сказания иностранных писателей о России», изд. Археографического комитета, Спб., 1851 (на немецком яз.).

Полное собрание законов, т. IV и XVI.

- Попов** А. М., Терский берег, «Известия Архангельского общества изучения русского севера», 1914, № 1.
- «Пространное руководство к общей технологии, изданное Федором Денисовым», М., 1828, стр. 458.
- Путешествие Антона Дженкинсона, «Известия англичан о России во второй половине XVI в.» («Чтение в имп. Обществе истории и древностей российских», май — сентябрь, кн. 3, 1884.
- «Путешествие Крашенинникова», ч. I, стр. 57.
- «Путешествие Марко Поло», Географическое общество по отделению этнографии, т. XXII, Спб., 1902.
- «Путешествие по России голландца Стрюйса» (1672), «Русский архив», ч. I, 1880.
- «Путешествие тверского купца Афанасия Никитина в Индию», Сахаров, Сказания русского народа, т. II, Спб., 1849, стр. 175.
- Прохоров В., Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной, Спб., 1880.
- Полное собрание летописей. Ипатьевская летопись; Переяславская летопись.
- Райтентфельс (1671), Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских, ч. IV, 1906.
- «Расписка в приеме от архимандрита Чудова монастыря Павла в монастырскую казну Кириллова монастыря разного имущества монаха Никона». «Дело о патриархе Никоне», изд. Археографического комитета, 1897.
- Рощин В. Свадебные обряды в Галиче, «Северная Пчела», 1831, № 269.
- Руссов, Словарь жемчужный, или описание мест и вод, на пространстве России находящихся, в коих ловится жемчуг, Спб., 1829.
- Савваитов П. П., Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, разных доспехов, Спб., 1896.
- Саввич А. А., Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927.
- Сахаров П., Сказания русского народа, два тома, изд. 3, Спб., 1841 и 1849.
- «Слово о полку Игореве», изд. Сабашниковых, М., 1900.
- Случевский, По северо-западу России, т. I; «По северу России», изд. Маркса, Спб.
- «Собрание государственных грамот и договоров», ч. I.
- «Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича» Б. Г. Курц, Киев, 1915.
- Срезневский Н., Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. III.
- Степановский Н., Вологодская старина, «Историко-археологический сборник», 1880, стр. 212.
- «Стоглав», Казань, 1862.
- Строев П., Выходы царей, М., 1840.
- Таннер Бернгард, Описание путешествия польского посольства в Москву в 1673 г., Чтения в имп. обществе истории и древностей российских, 1874, ч. IV, стр. 20.
- Толстой И., Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. «Торговая книга», Записки отдела русской и славянской археологии имп. общества, 1851.
- Троицкий В. И., Словарь мастера-художника золотого дела, алмазника и сусальника, работавших в Москве при Патриаршем дворе в XVII в., 1914.
- Ульяницкий А., Отношения России с Индией и Средней Азией. Чтения, в имп. обществе истории и древностей российских, 1889, кн. III.
- Ферсман А. Е., К истории русского жемчуга, «Природа», 1916, июль-август.

- Флетчер. О государстве русском, Спб., изд. Суворина.
- Хребтов А. А., Положение жемчужной промышленности в России, Спб., 1897.
- Цинзерлинг Е. В., Жемчуг, «Неметаллические ископаемые СССР», т. V, изд. Академии наук, 1941, стр. 380.
- Чулков, Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне..., М., 1785.
- Шабельская Н. П., Материалы и технические приемы в древнерусском шитье. Вопросы реставрации. Сборник Центральных государственных реставрационных мастерских, М., 1926.
- Шапов Николай, История моей жизни и моих странствований, «Русская старина», 1881.
- Штукенберг, Журнал Министерства народного просвещения, отд. VI, 1849.
- Лекатов, Географический словарь.
- Енотов Н. М., Древнерусское шитье, София, 1914, № 1.
- Alverdes F., Uber Perlen und Perlbildung für Wissenschaftliche Zoologie Band V, Heft 4, Leipzig, 1913.
- Boutan L., Les deux Zones de l'épithélium externe du manteau et leur influence sur la qualité des perles chez les Mollusques. (C. R. Acad., le 26 nov., 1923).
- Bouchon-Brandely, Rapport au ministre de la Marine sur la pêche et la culture des Huitres perlières a Tahiti, Paris, 1885.
- Boycett A. Z., The Pearl Musse (Margaritana Margaritifera) in Hard and Soft Water, Vaseulm, 1933.
- Boutan L., La Perle, Paris, 1925.
- Boyer S., Fabrication des perles, Journ. Eve, 27 Sept. 1922.
- Calvert, Culture of Pearls, Daily Mail, London, 14 and 15 Dec, 1921.
- Cazeneuve K., Les perles de culture et l'application de la loi au 1er août 1905. „Annales falsification des frondes“, février-mars, 1922.
- Master, David The truth about Culture Pearl, „Pearson Magazine“, mars 1922.
- Rosenthal Leonard, Au royaume de la perle, Payot, Paris, 1919.
- Lusien Pohl, Les progres de la perle fine, Memoire, présenté au VIIème congrès des la pêches de Boulogne sur mer, 1923.
- Perez Charles, Six semaines de dragage sur les bancs perliers du golfe Persique. Extrait du Bull de l'enseigne des peches maritime, Orleans, 1905.
- Кроме того, для этой работы были пересмотрены памятники жемчужного шитья собраний Государственного Исторического музея, Оружейной палаты, музеев Новгорода, Загорска (Троице-Сергиева лавра), Ярославля, Ростова и др., а также много сведений было извлечено из архива Центральных государственных реставрационных мастерских архива Оружейной палаты и Архива древних актов.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИ

Рис. 1. Жемчужница. Внутренняя сторона раковины. Музей кафедры Гидробиологии при Мосрыбвтузе	8
Рис. 2. Жемчужное образование. Музей Геологопалеонтологический имени Павлова при МГУ.	9
Рис. 3. Жемчужное образование. Половинчатый жемчуг. Музей кафедры Гидробиологии при Мосрыбвтузе	9
Рис. 4. Шлиф через центр жемчужницы	10
Рис. 5. Герб города Кемь, утвержденный в 1788 г.	13
Рис. 6. Пророк Соломон. Фреска. XI в. Софийский собор в Новгороде. Собрание Н. И. Толмачевской	15
Рис. 7. Гляделки девичий головной убор, шитый половинчатым жемчугом. Конец XVIII—начал XIX в. Исторический музей	17
Рис. 8. Головной женский народный убор «сборник», шитый половинчатым жемчугом. XIX в. Вологодская губ. Исторический музей	18
Рис. 9. Головной девичий народный убор «челка», шитый поддельным жемчугом — «бургиньоном». Новгородская губ. Исторический музей	19
Рис. 10. Покровец вклада Ксении Годуновой. 1601 г. Исторический музей г. Загорска	23
Рис. 11. Покров с изображением пр. Сергия. Вклад семьи Строгановых. 1676 г. Исторический музей г. Загорска	27
Рис. 12. Деталь жемчужного шитья поручей Варлаама Хутынского. XII в. Новгородский музей	34
Рис. 13. Поручи Варлаама Хутынского. XII в. Новгородский музей	35
Рис. 14. Поднизь к головному убору, низанная на волосе. Исторический музей	36
Рис. 15. Витейка с нанизанной жемчужной нитью	37
Рис. 16. Подвесная пелена. XVI в. Суздальский краеведческий музей	39
Рис. 17. Деталь жемчужного шитья подвесной пелены, левый угол каймы внизу. XVI в. Суздальский краеведческий музей	40
Рис. 18. Кайма набедренника. XVI в. Суздальский краеведческий музей	40
Рис. 19. Женский головной народный убор. XVIII в. Олонецкая губ. Исторический музей	42
Рис. 20. Женский головной народный убор. XVIII в. Олонецкая губ. Исторический музей	43
Рис. 21. Женский головной народный убор. XVIII в. Боковая сторона того же убора. Олонецкая губ. Исторический музей	43

Рис. 22. Женский головной народный убор. <i>Начало XIX в.</i> Новгородская губ. Старорусский уезд. Исторический музей	44
Рис. 23. Пелена вклада Анастасии Романовны, первой жены Ивана Грозного. XVI в. Третьяковская галлерея	47
Рис. 24. Жемчужные рясна Анастасии Романовны. Деталь. XVI в. Третьяковская галлерея	48
Рис. 25. Женский народный головной убор. XVIII в. Псковская губ. Торопецкий уезд. Исторический музей	51
Рис. 26. Оплечье саккоса митрополита Алексия. XIV в. Оружейная палата	57
Рис. 27. Деталь жемчужного шитья оплечья саккоса митрополита Алексия. XIV в. Оружейная палата	59
Рис. 28. По ручки митрополита Алексия. XIV в. Оружейная палата	63
Рис. 29. Епитрахиль митрополита Фотия. XV в. Оружейная палата	65
Рис. 30. Оплечье фелони Пафнутия Боровского. Деталь. XV в. Исторический музей	66
Рис. 31. Фелонь вклада Петра Ценятьева. 1544 г. Исторический музей г. Загорска	71
Рис. 32. Убрус Анастасии Романовны, первой жены Ивана Грозного. Очелье. Деталь. XVI в. Третьяковская галлерея	73
Рис. 33. Пелена, сплошь шитая жемчугом. XVI в. Вклад в Покровский Суздальский монастырь	75
Рис. 34. Саккос митрополита Дионисия. Деталь. 1583 г. Оружейная палата	77
Рис. 35. Пелена. Вклад семьи Годуновых. 1599 г. Исторический музей г. Загорска	78
Рис. 36. Чепрак русской работы. XVII в. Оружейная палата	81
Рис. 37. Омофор. Деталь. XVII в. Архангельский краеведческий музей	82
Рис. 38. Омофор. Деталь. XVII в. Архангельский краеведческий музей	83
Рис. 39. Митра, Вклад жены кн. Димитрия Пожарского. XVII в. Исторический музей	85
Рис. 40. Набедренник. XVII в. Исторический музей	86
Рис. 41. Оплечье саккоса патриарха Никона. 1653 г. Оружейная палата	88
Рис. 42. Оплечье стихаря. XVII в. Исторический музей	89
Рис. 43. Зарукавье стихаря. XVII в. Исторический музей	89
Рис. 44. Саккос. Вклад Д. А. Строганова. XVII в. Ярославский областной краеведческий музей	91
Рис. 45. Омофор патриарха Адриана. Деталь. 1683—1700 гг. Оружейная палата	93
Рис. 46. Головной женский народный убор «челка». XVIII в. Нижегородская губ. Исторический музей	95
Рис. 47. Головной девичий народный убор «челка». XVIII в. Новгородская губ. Исторический музей	97
Рис. 48. Головной девичий народный убор «коруна». XVIII в. Новгородская губ. Исторический музей	97
Рис. 49. Головной девичий народный убор «венец». XVIII в. Нижегородская губ. Исторический музей	97
Рис. 50. Головной женский народный убор «кокошник». XVIII в. Костромская губ. Галицкий уезд. Исторический музей	99
Рис. 51. Головной женский народный убор «кокошник». XVIII в. Калужская губ. Исторический музей	100
Рис. 52. Деталь головного народного убора «кокошник». XVIII в. Владимирская губ. Исторический музей	101
Рис. 53. Ожерелье «ожерелок». Исторический музей	102
Рис. 54. «Косник», шитый половинчатым жемчугом. Исторический музей	103

Рис. 55. Фелонь парчовая, оплечье, шитое шнуром и низанное жемчугом и цветными стразами. XVIII в. Угличский краеведческий музей	104
Рис. 56. Фелонь парчовая с бархатным вишневым оплечьем, с камнями и жемчугом. XVIII в. Угличский краеведческий музей	104
Рис. 57. Фелонь серебристой парчи с оплечьем из зеленого бархата с шитыми изображениями жемчугом в овале. XVIII в. Угличский краеведческий музей	105
Рис. 58. Фелонь с посвятителной надписью Екатерины II XVIII в. Оружейная палата	107
Рис. 59. Фелонь. Вклад Екатерины II в Троице-Сергиеву лавру. 1791 г. Исторический музей г. Загорска	107
Рис. 60. Одежда на престол. Вклад митрополита Платона. 1795 г. Исторический музей г. Загорска	109
Рис. 61. Головной женский народный убор. XIX в. Тверская губ. Осташковский уезд. Исторический музей	110
Рис. 62. Ожерелье «наборушник». XIX в. Тверская губ. Исторический музей	111
Рис. 63. Мужской пояс, шитый жемчугом. Деталь XIX в. Исторический музей	113
Рис. 64. Оклад иконы Владимирской богородицы. XIX в. Владимирский краеведческий музей	114
Рис. 65. Убрус XIX в. Владимирский краеведческий музей	115
Рис. 66. Убрус. XIX в. Владимирский краеведческий музей	116
Рис. 67. Оплечье фелони. Начало XIX в. Исторический музей	117
Рис. 68. Покровец 1850-е гг. Собрания музея Новодевичьего монастыря	119
Рис. 69. Омофор. Деталь. XVII в. Архангельский краеведческий музей	121
Рис. 70. Саккос. По рисунку В. М. Васнецова. Деталь. XIX в. Собрание музея Новодевичьего монастыря	123

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
/ лава первая. Жемчуг как материал	7
Глава вторая. Техника шитья жемчугом.	33
Глава третья. Шитье жемчугом на предметах быта	53
Примечания. К главе первой	125
К главе второй.	131
К главе третьей	133
Список часто встречающихся устаревших слов	142
Список жемчуженосных рек	144
К библиографии	150
Список иллюстраций.	155

Лидия Ивановна Якунина
„РУССКОЕ ШИТЬЕ ЖЕМЧУГОМ“

Редактор *Л. М. Тарасов*
Оформлении художника *Ю. А. Васильева*
Художественный редактор *В. Д. Карандашев*
Технический редактор *Е. И. Шилина*
Корректор *А. С. Суслина*

Сдано в набор 13/I 1955 г. Подп. к печ. 26/V 1955 р.
Форм. бум. 70×92¹/₁₆. Печ. л. 10 (условных 11,7)
Уч.-изд. л. 10,262. Тираж 5000 экз. Ш 03398
„Искусство“, Москва, Цветной бульвар, 25
Изд. № 13628 Зак. 54

✽

Тип. № 3 Государственного издательства литературы
по строительству и архитектуре
Москва, Куйбышевский пр., 6/2
Цена 9 р. 25 к.